

ЛЕОНИД
ВИДГОФ

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ
В РАЗНЫХ
РАКУРСАХ

Статьи и мемуары

ЛЕОНИД
ВИДГОФ

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ
В РАЗНЫХ
РАКУРСАХ

Статьи и мемуары

МОСКВА
ВОДОЛЕЙ
2021

ББК 83.3(2=411.2)6-8

УДК 821.161.1

В42

Видгоф Л.М.

В42 Осип Мандельштам в разных ракурсах. Статьи и мемуары. – М.: Водолей, 2021. – 212 с.

ISBN 978–5–91763–550–7

В новую книгу исследователя жизни и творчества О.Э. Мандельштама Л.М. Видгофа вошли статьи, посвященные стихотворениям «Слух чуткий парус напрягает...» (1910) и «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933); включена статья, основанная на анализе архивных текстов и освещающая отношения Мандельштама с обществом «Литературный особняк». Также в книге публикуются работы, представляющие собой материалы для нового издания Мандельштамовской энциклопедии («Еврейство и иудаизм», «Калинин»). Кроме того, в сборнике представлены мемуары М. Торбин и Б. Мяздрикова о Мандельштаме с соответствующими комментариями (к воспоминаниям М. Торбин комментарии написаны в соавторстве с А.Г. Мецем).

ББК 83.3(2=411.2)6-8

УДК 821.161.1

ISBN 978–5–91763–550–7

© Л.М. Видгоф, 2021

© О. Сетринд, оформление, 2021

© Издательство «Водолей», оформление, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эту книгу включены семь текстов. Они подобраны таким образом, чтобы ее герой, Осип Мандельштам, предстал перед глазами читателя «в разных ракурсах» – как об этом и говорит название книги. Мандельштам, по замыслу автора, должен быть показан с самых разных сторон; от текста к тексту «освещение» должно меняться. Литературоведческий анализ стихотворения «Слух чуткий парус напрягает...» нацелен на выяснение поэтического «устройства» этих замечательных стихов и выводит к теме экзистенциальных раздумий молодого поэта, к тому, как он осознал свое место в бытии. От бытия к быту: мемуары Мариам Торбин отправляют читателя в совершенно ином направлении – в них мы видим Мандельштама моющим под крымским дождем и общающимся с соседями на кухне писательского общежития на Тверском бульваре. Архивные материалы дают возможность описать отношения Мандельштама с обществом «Литературный особняк». Одной из важнейших тем в жизни и творчестве поэта, «еврейской теме», посвящены материалы к статье «Еврейство и иудаизм», которая должна войти в готовящееся второе издание Мандельштамовской энциклопедии. Стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» рассматривается в связи с общественно-политической ситуацией в конце 1920-х – начале 1930-х годов: разгромом левой оппозиции в СССР и событиями в Германии; внимание уделено при взгляде на это стихотворение и кавказскому мотиву. Включение в книгу воспоминания Бориса Мяздрикова обусловлено тем, что это единственный известный на сегодняшний день мемуар, в котором Мандельштам увиден «изнутри» тюрьмы на Лубянке после ареста в 1934 году, увиден глазами другого заключенного. До обнаружения этого текста практически почти все, что можно было знать о пребывании поэта в тюрьме в это время, восходило к словам самого Мандельштама или к материалам следственного дела. Наконец, публикуемая статья для нового издания Мандельштамовской энциклопедии «Калинин» рассказывает о жизни поэта и его жены Н.Я. Мандельштам в этом городе, бывшей Твери, после того как закончились три года, проведенные Мандельштамом не по своей воле в Воронеже (права жить в Москве после воронежской высылки поэт не имел). Жизнь в Калинине предшество-

вала второму аресту и смерти Мандельштама в 1938 году, но в этом городе провела, в основном, предвоенные годы Надежда Яковлевна. Отсюда она, захватив рукописи погибшего мужа, бежала от наступавших гитлеровцев на восток. Статья «Калинин» представляется логичным завершением книги.

Воспоминания М. Торбин подготовлены к изданию и комментарии к ним написаны в соавторстве с одним из ведущих исследователей жизни и творчества О.Э. Мандельштама Александром Григорьевичем Мецем.

ДОБАВЛЕНИЯ К ИЗВЕСТНОМУ.
НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
О СТИХОТВОРЕНИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА
«СЛУХ ЧУТКИЙ ПАРУС НАПРЯГАЕТ...»

* * *

Слух чуткий – парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

1910¹

Стихотворение написано девятнадцатилетним поэтом, находившимся под большим влиянием символистов и Тютчева. Об особенностях этого влияния неоднократно говорилось в трудах разных исследователей. Так, например, Е.Тоддес отмечает, что в стихах раннего Мандельштама нарисован мир «звучащей тишины» (символистского

¹ Стихи Мандельштама цитируются по изданию: Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т.1. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 34–35. В некоторых других авторитетных изданиях тире в первой строке отсутствует; например: Мандельштам О.Э. Собрание произведений: Стихотворения / Сост., подгот. текста и прим. С. В. Василенко и Ю.Л. Фрейдина. М., 1992. С. 8; Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4 т. Т.1 / Сост., подгот. текста и коммент. П.М. Нерлера и А.Т. Никитаева. С. 51. Далее в статье стихотворение упоминается как СЧ.

происхождения мотив, глубоко им усвоенный), “смутно-дышащей” природы, тумана, сумерек..., “полусна и полуяви”»¹. Данная работа представляет собой, в сущности, заметки на полях трудов других исследователей. Отметим, в первую очередь, как этот мотив «звучащей тишины» представлен в анализируемых стихах. Его выражает, думается, в первую очередь звук «у», ударный гласный самого слова «звук»; это «у» распределено по словам 1-го четверостишия. Стихотворение начинается с двух ударных «у», причем эти звуки не разделены никаким другим ударным гласным, идут подряд: «Слѹх чѹткий». Образ звучащей тишины в первом четверостишии передается также с помощью ударных «у» в словах «тишину» и «незвучный», а также безударных «у» в словах «парус» и «пустеет». Впечатление передано; обратим внимание на то, что во втором и третьем четверостишиях звук «у» почти сходит на нет: он отсутствует во втором катрене и появляется в безударных слогах в третьем четверостишии в слове «вижу» и затем в последней строке стихотворения [«принимаю» (ю = йу) и «пустота»; здесь также эти звуки не отделяет друг от друга никакой другой гласный] – что не случайно, поскольку концовка стихотворения как бы отвечает его началу, происходит и возврат, в определенной мере, к звуковой картине первого четверостишия, и «пустота», последнее слово стихотворения, откликается на «пустеет» из второго стиха. Итак, в первой строке стихотворения, в первых двух его словах говорится об обострении слуха, характерном для ночного времени. В слове «чуткий», несомненно, «содержится» пробуждающе-тревожное «чу!» Впрочем, о том, что дело происходит ночью, читатель узнает только в четвертом стихе, и это знание немедленно возвращает его к первым двум строкам и «окрашивает» их в ночные тона. В варианте стихотворения из четырех катренов словам о пробуждении слуха предшествовали описание душевного состояния лирического героя и картина белой ночи: «Душа устала от усилий / И многое мне все равно. / Ночь белая, белее лилий / Испуганно глядит в окно»². Но в сборнике «Камень» 1916 года этой, бывшей первой, строфы нет, отсутствует она и в «Камне» 1923 года.

¹ Тоддес Е.А. Батюшков [статья для Мандельштамовской энциклопедии] // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 461.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 1. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб, 2017. С. 400.

Мандельштам, таким образом, отбросил сделанное в самом начале стихотворения декларативное заявление лирического героя; автор убрал это высказывание вкупе с таким же прямым обозначением ночи. В том варианте, который мы рассматриваем, читатель прежде чем понять, что в стихах повествуется о ночном времени, узнает о возрастающем значении слухового восприятия (что обычно случается ночью), затем о том, что зрительные впечатления сходят на нет, и о тишине. Поэт сначала рисует штрих за штрихом картину ночи и только затем, подготовив читателя, создав образ ночи, говорит: да, это полночь. Отметим, что информация о «пробуждении» слуха, его «возрастании» и, в то же время, напротив, об оскудении зрительных впечатлений передается в стихотворении также с помощью длины слов (количества слогов в них): «слух» (1 слог) – «чуткий» (2 слога) – «парус» (2 слога) – «напрягает» (4 слога); «расширенный» (4 слога) – «пустеет» (3 слога) – «взор» (1 слог). Слух растет и крепнет (напряжение передается и звукописью: ПАРУс – НАПРЯгает), зрение угасает (взор «расширенный», поскольку исчезает дневная четкость предметных очертаний, но он при этом «пустеет»). Между первым и третьим катреном проходит как бы время лирического героя; его зрение привыкает к ночной действительности и, в определенной степени, восстанавливается, взор обращен к небу, где находится источник ночного света. Это «возвращение» зрения передается и с помощью нарастания словесной длины, увеличения, на этот раз, количества слогов: «я» (1 слог) – «вижу» (2 слога) – «месяц» (2 слога) – «бездыханный» (4 слога) – то есть мы фиксируем здесь динамику, противоположную той, что наблюдается во второй строке стихотворения. Вернемся к первому четверостишию. Ночной мир, в который погружается лирический герой, не неподвижен, но движение в изображаемом мире читатель воспринимает как медленное – возможно, и потому, что такому восприятию опять же способствует звуковая инструментовка – глухие, тормозящие «п» и «т»: «Пус-ТееТ» – «ПереПлываеТ» – «Полночных» – ПТиц» (последние три слова, начинающиеся на «п», идут в стихотворении подряд). Звуки произнесенного слова «постепенно» присутствуют в рассеянном виде в словесной ткани стихотворения. Представление о медленном движении в ночном пространстве возникает у читателя также благодаря последовательному уменьшению количества ударений в первых трех строках стихотворения: 4 в первой, 3 во второй и только

2 в третьей: «И тишину переплывает». В завершающем стихе четверостишия ударений снова 4: чувство медленного движения у читателя уже появилось, теперь к нему присоединяется ощущение некоего завораживающего в своей регулярности однообразия: «Полночных птиц незвучный хór» (3 слога – 1 слог – 3 слога – 1 слог). В своей работе «Магия поэтики О. Мандельштама» А.В. Хлыстова, говоря о СЧ, обращает внимание на «гипнотические особенности его [Мандельштама – Л.В.] поэтической речи»¹. Действительно, СЧ оказывает, по нашему мнению, сильное воздействие на читателя; автор данной работы постарался указать на некоторые, по крайней мере, средства, с помощью которых Мандельштам достигает завораживающего, «гипнотического» эффекта. Добавим, что СЧ активизирует восприятие читателя тем, что выбивает его из привычной колеи: «Если в тишину вторгается птичий хор (знакомая картина!), то возникает шумовой эффект; здесь же напротив: хор “незвучный”, и тишь он не нарушает, а “переплывает”. Поэт обманывает читательские ожидания? Привычные, устойчивые – да. Но обманывает с тем, чтобы пробудить у читателя желание изменить настройку восприятия»².

Д.М. Сегал пишет о тютчевских реминисценциях в СЧ: «Но еще более “внутренний”, “психо-соматический” характер [по сравнению со стихотворением Мандельштама «Я вижу каменное небо...», 1910; Д. Сегал сопоставляет его с тютчевским «Здесь, где так вяло свод небесный...» – Л.В.] носит природа в следующем стихотворении Мандельштама из “Камня”, в котором следы тютчевского влияния еще более очевидны, чем в стихотворении “Я вижу каменное небо...”...» (далее приводится текст СЧ)³. И Д. Сегал указывает на «отмеченные в примечаниях Н.И. Харджиева к советскому изданию Мандельштама (Мандельштам 1974, стр. 257) две тютчевские реминисценции: “И призрачна моя свобода” – “Лишь в нашей призрачной свободе / Разлад мы с нею сознаем” из стихотворения “Певучесть есть в морских волнах...” и “Твой мир, болезненный и странный, / Я принимаю, пустота” – “Твой день болезненный и страстный” из

¹ Хлыстова А.В. Магия поэтики О. Мандельштама. М., 2009. С. 140.

² Гурвич И.А. Мандельштам: проблема чтения и прочтения. New York, 1994. С. 40.

³ Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть 1. Книга 1. Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 94.

тютчевского “О вещая душа моя!”»¹. (Мандельштам 1974 – имеется в виду книга «Стихотворения», вышедшая в «Большой серии» «Библиотеки поэта»).

Е.А. Тоддес также устанавливает связь СЧ с определенными стихотворениями Тютчева: «По крайней мере трижды О.М. обращался – по-разному – к «О вещая душа моя...». Так конструируется концовка в «Сусальным золотом горят...»; тютчевское “как бы двойное бытие” получает в этом стихотворении особое контекстуальное значение: одна строфа дает фрагмент некоего детского мира, другая резко уходит в совершенно иной лирический план, связанный с первым через мотив *неживого*. <...> Другой ход – деспиритуализация – был испробован в “Воздух пасмурный влажен и гулок...”: “И двойным бытием отраженным <в озере> / Одурманены сосен стволы”. Еще одна реминисценция: пара эпитетов, которыми Тютчев описывает дневную часть “двойного бытия” – “болезненный и страстный” (т.е. подверженный страстям), превращается у О.М. в “болезненный и *странный*”... и характеризует единый монистический мир, в котором существует “я” (“Слух чуткий парус напрягает...”). <...> С тютчевским определением переходит к О.М. категория *свободы* (в философическом и “натурфилософском” смысле, а не в гражданском), причем он прямо относит эту характеристику к “я”. У Тютчева: “Лишь в нашей призрачной свободе / Разлад мы с нею <природой> сознаем” (“Певучесть есть в морских волнах...”). У О.М.: “И призрачна моя свобода, / Как птиц полных голос” (“Слух чуткий парус напрягает”)»².

М.Л. Гаспаров также отсылает читателя к подтексту из тютчевского стихотворения «Певучесть есть в морских волнах...»: «Пейзаж-аллегория (речь о СЧ – Л.В.), завершающий ряд стихов 1910 г. о судьбе и смерти: принятие судьбы и слияние с природой (ср. «Как тень внезапных облаков...», «Воздух пасмурный влажен и гулок...»; ключевой подтекст – призрачная свобода – от Тютчева)»³.

И.Д. Сегал, и Е. Тоддес говорят не только о тютчевских реминисценциях в СЧ, но и о том, что восприятие мира и отношение к нему

¹ Там же. С. 96.

² Тютчев [статья для Мандельштамовской энциклопедии] // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 483–484.

³ Гаспаров М.Л. О нем. Для него. Статьи и материалы / Сост. и предисл. М.Акимовой, М. Тарлинской. М., 2017. С. 40.

у Тютчева и Мандельштама различны; младший поэт обращается к Тютчеву, «цитирует» его, но его картина мира существенно отличается от тютчевской (об этом ниже). Пока же хотелось бы обратить внимание на еще две вероятных тютчевских реминисценций в СЧ. В первой строке СЧ появляется «парус», возникает мотив плавания, закрепляющийся образом птичьего хора, который «переплывает» ночную тишину. «Парусу» в первом четверостишии отвечает «холст» в последнем; и хотя, с нашей точки зрения, значение «холста» в завершающей части стихотворения иное, чем у паруса в первом стихе (и об этом также ниже), тем не менее фоновое звучание мотива плавания этим «холстом» обозначается. Представляется, что этот мотив тоже может быть возведен к Тютчеву, а именно к его стихотворению «Как океан объемлет шар земной...»: «Как океан объемлет шар земной, / Земная жизнь кругом объята снами; / Настанет ночь – и *звучными* волнами / Стихия бьет о берег свой. // То глас ее: он нудит нас и просит... / Уж в пристани волшебный ожил *челн*; / Прилив растет и быстро нас уносит / В неизмеримость темных волн. // Небесный свод, горящий славой звездной, / Таинственно глядит из глубины, – / И мы *плывем*, пылающею бездной / Со всех сторон окружены» (курсив мой – Л.В.). И у Тютчева, как в СЧ, стихия ночи заявляет о себе в первую очередь непривычным для дневного слуха звучанием; ночь лишает человека «оседлости» и отправляет его в плавание в ненадежном челне (может быть, и не имеющем паруса). Человек окружен открывшейся бездной (аналог, в определенной степени, мандельштамовской «пустоты», хотя смысловое содержание образов «пустоты» у Мандельштама и «бездны» у Тютчева не одинаково). Наконец, реминисценция поддерживается звуковой инструментровкой: ср. «И тишину переПлывает Полночных...» и «И мы ПЛывем, ПыЛающею...».

«*Парус*, – пишет Д. Сегал, – это тоска, это *слух* и это *душа*. Но, наряду со всем этим, парус есть обозначение общего состояния мира, его расширения, стремления вдаль, свободного дыхания или желания свободно, глубоко вздохнуть. Наконец, парус есть и образ готовности к творчеству; некий аналог *раковины* [отсылка к стихотворению «Раковина» («Быть может, я тебе не нужен...»), 1911 – Л.В.] <...> И субъект и объект – пусты. Более того, мой слух и зрение чутки, они готовы воспринять любое, самое незначительное событие. В этом смысле это та же самая пустота, которая ждет творческо-

го заполнения, что и “стекла вечности” из стихотворения “Имею тело – что мне делать с ним....” [отсылка к стихотворению 1909 г.; приводится ранний вариант первой строки, позднее – «Дано мне тело – что мне делать с ним...» – Л.В.] Пустота эта полна ожидания, напряжения»¹.

Автор данной работы не усматривает в СЧ мотива творчества, «плавание» (что и символизирует парус) в наступившей ночи не ассоциируется, с его точки зрения, ни со «свободным дыханием», ни с «готовностью к творчеству»; «пустота» же если и полна напряжения *в восприятии* погруженного в нее лирического героя, то никак при этом не «полна ожидания», «пустота» просто пуста. Очевидно, что парус в СЧ корреспондирует с парусом из стихотворений «Как тень внезапных облаков...» и «Я вижу каменное небо...» того же 1910 года, на что, естественно, указывает Д. Сегал («И, принимая ветер рока, / Раскрыла парус свой душа» и «И паруса трилистник серый, / Распятый, как моя тоска!») – но рок, думается, не вызывает представления о свободном дыхании; упоминание мертвого холста в финале СЧ свидетельствует о том, что «плавание» никуда не привело. Не соотносится со свободой и творческой радостью и *бездыханное* «полотно» из более позднего стихотворения «Казино» (1912): «И, бездыханная, как полотно, / Душа висит над бездною проклятой».

Надо сказать и еще об одном стихотворении Тютчева в связи с СЧ, хотя эта связь может показаться на первый взгляд странной – «Эти бедные селенья...». Мандельштам в СЧ сводит в одной строке слова из двустипхия, начинающего стихотворение старшего поэта – ср.: «Эти *бедные* селенья, / Эта *скудная природа*...» и «Я так же *беден*, как *природа*...» (курсив мой – Л.В.).

Казалось бы, нет ничего общего между стихотворениями Тютчева и Мандельштама: Тютчев пишет о родине, Мандельштам о восприятии мира и своем положении в нем. Однако и Мандельштам говорит в стихах 1910 г. об «отчизне», только слово это имеет у него в стихах того ряда, к которому относится СЧ, иной смысл, чем у Тютчева. СЧ правомерно сопоставить со стихотворением «Воздух пасмурный влажен и гулок...» (1911), где сказано: «И опять к равнодушной отчизне / Дикой уткой взовьется упрек: / Я участвую в сумрач-

¹ Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть 1. Книга 1. Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 95–96.

ной жизни, / Где один к одному одинок! <...> Небо тусклое с отцветом странным – / Мировая туманная боль – / О, позволь мне быть также туманным / И тебя не любить мне позволь!»¹ Под «отчизной» здесь не имеется в виду «Россия», стихотворение так же, как СЧ, говорит об экзистенциальной ситуации лирического героя в том же «странном» для него и равнодушном к нему мире. А.Г. Мец указывает на связь стихотворения «Воздух пасмурный влажен и гулок...» с «Зимним небом» И. Анненского: «Мотивы перекликаются со строками И. Анненского “Я люблюсь на дымы лучей / Там, в моей обманувшей отчизне”»². Мандельштамовская «бедная» природа из СЧ восходит не только к «скудной природе» Тютчева и «обманувшей отчизне» Анненского, но – через них – к «равнодушной природе» Пушкина [«И равнодушная природа / Красою вечною сиять» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)] – с той, однако, разницей, что в СЧ ни о какой «красе» природы не говорится. Естественно, пушкинская реминисценция в СЧ замечена: «Стихотворение “Воздух пасмурный влажен и гулок...” (1911), как и соседние тексты “Камня” – “Сусальным золотом горят...”, “Слух чуткий парус напрягает...”, содержит очень определенные тютчевские реминисценции, но “**равнодушная отчизна**” – так именуется здесь универсальное мировое начало – дает и достаточно ясную отсылку к пушкинской “равнодушной природе”..., которая тем самым сопоставляется с такими мотивами лирики Тютчева, как “природа знать не знает о былом”, “всепоглощающая и миротворная бездна” (“От жизни той, что бушевала здесь...”), “весна... она о вас не знает... блаженно **равнодушна**” (“Весна”))»³.

Мандельштам в СЧ и других «родственных» стихах видит природу именно такой, «равнодушной», т.е., в сущности, лишенной всякого личностного начала и смысла, бессмысленной. Она бедна (скудна), потому что не несет в себе никакого человечески-осмысленного содержания, ее небеса «просты», поскольку их ничто не одушевляет. Такой взгляд на мир противоречит тютчевским представлениям о миро-

¹ В ряде других авторитетных изданий пятый из процитированных стихов выглядит иначе: «Небо тусклое с отсветом странным».

² Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т.1. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 485.

³ Тоддес Е.А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 498–499.

здании, в которых есть место не только «равнодушной природе», но и божественному началу, которое возвышается над миром явлений и одухотворяет его. «Разумеется, – пишет Д. Сегал, – в стихотворении «Слух чуткий парус напрягает...» есть и интереснейшая полемика с Тютчевым... <...> Полемика состоит здесь, конечно, ...в том, что та самая *певучесть*, о которой с таким восторгом писал Тютчев [имеется в виду стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...» – Л.В.], у Мандельштама отдается *незвучному хору* полночных птиц и объявляется столь же призрачной, как и *свобода*. Иными словами, Мандельштам возражает против постоянного стремления Тютчева увидеть во всем какой-то роковой дуализм, а, вернее говоря, найти от него спасение в положительном полюсе противопоставления»¹. Е.А. Тоддес также констатирует, что у Мандельштама в СЧ отсутствует тютчевское пантеистическое «оправдание» природы: «Картина мира младшего поэта не допускает ничего подобного пантеистской апологии в духе “Не то, что мните вы, природа...” <...> Скорее можно думать, что О.М. буквально воспринял и по-своему разработал (в сторону отождествления человеческого и природного начал) позднюю тютчевскую максиму “Природа – сфинкс. И тем она верней...”»² (т.е. Тоддес отсылает читателя к стихотворению, где Тютчев высказывает предположение о возможной «бедности» природы: «...может стать, никакой от века / Загадки нет и не было у ней»). В том же 1910 году, когда написано СЧ, в период напряженных экзистенциальных переживаний и религиозных поисков, Мандельштам пишет стихотворение «В изголовьи черное распытье...», в котором имеется прямая адресация к Тютчеву и при этом декларируется мучительное расхождение с ним. «О.М., – пишет Е. Тоддес, – снабжает свой текст прямым указанием на источник, давая в стихотворении “В изголовьи черное распытье...” подстрочное примечание к цитате (с перестановкой слов) из “Наполеона” – “Страшен мне подводный камень веры”: “Тютчев”. Эта цитата образует концовку стихотворения, подчеркивающую неразрешимость, даже безысходность лирической коллизии, переживаемой как граница веры и отречения. <...> Младший

¹ Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть 1. Книга 1. Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 96–97.

² Тютчев [статья для Мандельштамовской энциклопедии] // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 484.

поэт заканчивает стихотворение мыслью, в корне отличной от только что указанного им источника, акцентировавшего неизменность и прочность веры»¹.

В СЧ, по мнению С. Стратановского, представлен мир слепой судьбы: «Обратимся... к понятию, ключевому для этого стихотворения и, как мне кажется, ключевому для всего раннего, доакмеистического Мандельштама. Понятие это – *пустота*. Оно может быть истолковано как онтологически, так и экзистенциально-психологически. Начнем с онтологического аспекта: пустота – это мир без Бога и, следовательно, без смысла. Это мир Судьбы. Представление о Судьбе во многом противоположно представлению о Боге. Вера в Бога предполагает веру в конечную разумность мира, в осуществление смысла – как на уровне индивидуальном, так и на уровне космическом. Судьба, напротив, слепа, она есть некая высшая, но равнодушная и даже враждебная человеку сила»².

Одна из очевидных тютчевских реминисценций в СЧ отсылает читателя, как давно установлено исследователями, к стихотворению старшего поэта «О вещая душа моя!...»: «О вещая душа моя! / О, сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. // Так, ты – жилища двух миров, / Твой день – болезненный и страстный, / Твой сон – пророчески неясный, / Как откровение духов... // Пускай страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые – / Душа готова, как Мария, / К ногам Христа навек прильнуть». Хотелось бы отметить в дополнение к установленному, что строка Тютчева «Твой день – болезненный и страстный», бесспорно очень важная для Мандельштама и очевидным образом отозвавшаяся в его стихе «Твой мир, болезненный и странный», нашла в СЧ отзвук в буквальном смысле – определила в фонетическом отношении финальное четверостишие мандельштамовского стихотворения: в стихе Тютчева ударения падают на звуки Э – Э – А: «твой дЕнь – боЛЕЗненный и стрАстный», у Мандельштама ударения в четверостишии, куда включена переиначенная и переосмысленная строка Тютчева, падают на следующие звуки: «я вИжу мЕсяц бездыхАнный / и

¹ Тютчев [статья для Мандельштамовской энциклопедии] // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 482.

² Стратановский С.Г. Творчество и болезнь. О раннем Мандельштаме // Знамя. 2004. № 2. С. 212.

нЕбо мЕртвенней холстА; / твой мИр, болЕзненный и стрАнный,
/ я принимаЮ, пустотА!». Мы видим, что ударения в первых трех строках катрена распределены так:

И Э А

Э Э А

И Э А

Все три строки Мандельштама заканчиваются ударными Э и А и, таким образом, вторят стиху Тютчева; можно сказать, что тютчевский стих окрасил в звуковом отношении завершающее четверостишие СЧ. «Можно думать (и это согласовывалось бы с известными стиховедческими положениями), что и вообще *концы строк играют в межтекстовых соотношениях (явных и неявных) особо важную роль*», – пишет Е. Тоддес (курсив мой – Л.В.)¹. Перед нами именно такой случай.

В то время как в стихах Тютчева заявлено, что душа готова прильнуть к ногам Христа, герою СЧ, тому «я», которое говорит о себе в мандельштамовском стихотворении, «прильнуть» не к чему и не к кому. Это «я» находится в мире действительно «странном» и обманчивом: упоминается «хор» полночных птиц, но он «незвучный»; «голоса» птиц призрачны. Все лишь видимость, кажимость, за которой ничего нет или, во всяком случае, если и есть нечто, то оно непостижимо, никак не воспринимается, контакт с ним невозможен. С. Стратановский: «Природа – это только декорации, за которыми пустота, ничто. Прорыв декораций – провал в пустоту, как это случилось с Арлекином из блоковского “Балаганчика”. Об этом написал Мандельштам написал в стихотворении ... 1910 года... [Далее следует текст СЧ – Л.В.] <....> “Месяц бездыханный” и “небо мертвенней холста” – это явно театральные декорации, задник какого-то “балаганчика”. А лирический герой стихотворения заставляет вспомнить Пьеро, причем не только блоковского, но и верленовского. В стихотворении “Пьеро” из сборника “Jadis et Naguère” (“Близкое и далекое”) есть такие строки:

¹ Тоддес Е.А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 510.

Avec le bruit d'un vol d'oiseaux de nuit qui passe
 Ses manches blanches font vaguement par l'espace
 Des signes fous auxquels personne ne répond.

(“С шумом, подобным шуму пролетающих ночных птиц, / Его белые рукава невятно посылают в пространство / Неистовые сигналы, на которые никто не отвечает.”). Не из этих ли строк мандельштамовские “полночные птицы”?»¹

О нереальности, развоплощенности мира в ранних стихах Мандельштама писал еще В.М. Жирмунский в своей классической статье «Преодолевшие символизм» («Русская мысль», 1916. № 12): «Мир его поэтических переживаний – в особой области чувств, которая роднит его с некоторыми ранними представителями символизма, в особенности французского. В своем художественном творчестве он воспринимает мир не как живую, осязательную и плотную реальность, а как игру теней, как призрачное покрывало, брошенное на настоящую жизнь. Жизнь не реальна, это – марево, сон, созданный чьим-то творческим воображением; жизнь самого поэта не реальна, а только призрачна, как видение и греза. <...> [Нами пропущена приведенная Жирмунским цитата из СЧ – Л.В.] Иногда это чувство призрачности мира истолковывается поэтом в духе настроений философского идеализма: весь мир – видение моего сознания, моя мечта, только я один и существую в этом мире. Тогда слышатся слова, напоминающие о солипсизме Ф. Сологуба:

Я и садовник, я же и цветок,
 В темнице мира я не одинок.
 На стекла вечности уже легло
 Мое дыхание, мое тепло.

[Жирмунский цитирует стихотворение Мандельштама «Дано мне тело – что мне делать с ним...», 1909 – Л.В.]

Но и в своем существовании, в подлинной реальности своей жизни, как было сказано, может усомниться поэт:

¹ Стратановский С.Г. Творчество и болезнь. О раннем Мандельштаме // Знамя. 2004. № 2. С. 211–212.

Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

[Приведена цитата из стихотворения «Отчего душа – так певуча...», 1911 – Л.В.]»¹.

Итак, призречен в СЧ не только мир, но призрачно и само «я», говорящее об этом мире: «И призрачна моя свобода...». Эта строка находится в середине, в сердцевине стихотворения. Утверждения о призрачности мира, о том, что он «пустотен» («шунья» – «пустота», за миром явлений ничего нет), что иллюзорно и само представление об устойчивом «я» – ключевые буддистские положения. Мандельштам на протяжении своей жизни неоднократно писал о буддизме. Все высказывания отрицательные, буддизм с его идеалом нирваны, идеей перерождения и отсутствием Бога-творца был несовместим с мандельштамовским персонализмом. Но известные нам заявления на эту тему относятся к более позднему времени, а не к тому, когда написано СЧ. Есть основания полагать, что в ранние годы Мандельштам прошел через если не глубокое увлечение индийскими, в широком смысле, теориями, то по крайней мере через интерес (и не «абстрактный», холодно-познавательный, а мировоззренческий) к ним. Имеется на этот счет важное свидетельство Георгия Иванова, относящееся именно к годам 1910–1911: «Увлекаясь теософией, он пытался изложить теорию перевоплощения длинными риторическими ямбами»².

И здесь мы должны обратиться к поэту, названному В. Жирмунским и очень значимому для раннего Мандельштама, переводившему выше упомянутого Верлена, находившемуся под влиянием Шопенгауэра и традиционной индийской, в частности, буддийской философии³, поэту, для которого в высшей степени были характерны мотивы призрачности мира и экзистенциального одиночества – Фе-

¹ Жирмунский В.М. Поэзия Александра Блока. Преодолевшие символизм. М., 1998. С. 42. Цитируемая статья воспроизведена в книге репринтным способом и имеет свою отдельную нумерацию страниц; текст Жирмунского мы приводим в соответствии с нормами современного правописания.

² Иванов Г.В. Осип Мандельштам // Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 619.

³ Об этом см., в частности: Павлова М.М. Примечания // Сологуб Ф.К. Пламенный круг [Стихи]. Репр. изд. М., 2008. С. 297.

дору Сологубу. В 1908 году (14 / 27 апреля) Мандельштам сообщал Вл. В. Гиппиусу, что написал что-то (к сожалению, до нас не дошедшее) о Сологубе, причем имя Сологуба упомянуто рядом с именем Верлена: «Кроме Верлена, я написал о Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне»¹. Книга стихотворений Верлена, переведенных Сологубом, вышла в 1907 году. А в середине мая следующего, 1908 года (т.е. вскоре после того, как Мандельштам написал процитированное выше письмо Вл. Гиппиусу), пришел к читателю сборник стихов Сологуба «Пламенный круг»², который произвел на Мандельштама сильное впечатление. Исследователями отмечен ряд мест в стихотворениях Мандельштама, корреспондирующих со стихами сборника Сологуба. Достаточно в данном случае указать на мандельштамовское стихотворение «Темных уз земного заточенья...», написанное, вероятно, в том же 1910 году, что и СЧ (опубликовано в 1911): второй раздел «Пламенного круга» называется «Земное заточение». В 1913 году в статье «О собеседнике» Мандельштам сочувственно упоминает «спокойный солипсизм Сологуба, ни для кого не оскорбительный» и его «сознание своей поэтической правоты»³. Ман-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 3. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 299.

² Павлова М.М. Послесловие // Сологуб Ф.К. Пламенный круг [Стихи]. Репр. изд. М., 2008. С. 281.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2. Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 8 и 10. Не исключено, что Мандельштам задним числом включился в полемику между В. Я. Брюсовым и С.М. Городецким 1908 года. В своей рецензии «Две книги. Д. Мережковский. "Павел I. Драма". Изд. Пирожкова. СПб., 1908. Ц. 1 р. 25 к. – Федор Сологуб. "Пламенный круг. Стихи. Книга 8-я". Изд. журн. "Золотое руно". М., 1908. Ц. 1 р. 25 к.» («Весы». 1908. № 6) В. Брюсов писал: «Совершенно чужды нам стихи, в которых Сологуб излагает свою философию крайнего солипсизма, мало оригинальную и мало убедительную». С. Городецкий ответил Брюсову: «...говоря о данной книге, одной эстетикой всего не исчерпаешь. Есть еще другая сторона. Это то, что обойдено В. Брюсовым в его по обычаю только формальной рецензии, где он пишет: "Совершенно чужды нам стихи, в которых Сологуб излагает свою философию крайнего солипсизма, мало оригинальную и мало убедительную" (Весы, № 6, 08). Это то, что образует жизнь и смысл творений Сологуба. Это то, что делает его лик в сонме других поэтов и на фоне современности таким трагическим и таким одиноким. <...> И когда в поэте говорит Я, его голос достигает высоты пророческой и власти божественной» («Федор Сологуб. Пламенный круг. Стихи. Книга 8-ая. Изд. журнала "Золотое

дельштам в своей статье отмечает «солипсизм» в качестве характерной особенностью сологубовского поэтического мировидения (а в СЧ мир неотделим от восприятий «я», хотя оно никак не гипертрофируется, а столь же прозрачно, как и мир, в который погружено); заметим также, что отброшенное начальное четверостишие СЧ – см. выше – звучит явно «по-сологубовски». С.С. Аверинцев с полным основанием утверждает, что Сологуб «до известной меры являлся для раннего Мандельштама образцом»¹. В статье «Буря и натиск» (1922 или начало 1923), говоря о Сологубе, Мандельштам называет именно «Пламенный круг»². В мандельштамовской статье «“Vulgata” (Заметки о поэзии)» (1923) Сологуб прямо не назван, но без сомнения подразумевается: «Небольшой словарь еще не грех и не порочный круг. Он замыкает иногда говорящего и *пламенным кругом...*»³ (курсив мой – Л.В.). В статье «К юбилею Ф.К. Сологуба» (1924), где Мандельштам дает исключительно высокую оценку творчеству старшего поэта («Для людей моего поколения Сологуб был легендой уже двадцать лет назад. Мы спрашивали себя: кто этот человек, чей старческий голос звучит с такой бессмертной силой? <...> Где черпает он свою свободу, это бесстрашие, эту нежность и утешительную сладость, эту ясность духа в самом отчаянии?»⁴), упоминается только одна книга Сологуба, и это снова «Пламенный круг». Что представляет для нас особый интерес в цитируемой статье, это развернутое заявление о глубинной связи Тютчева и Сологуба: «Прозрачными горными ручьями текли сологубовские стихи с альпийской тютчевской вершины. Ручейки эти журчали так близко от нашего жилья, от нашего дома. Но где-то тают в розоватом холоде альпийские вечные снега Тютчева. Стихи Сологуба предполагают существование и таяние вечного льда. Там, наверху, в тютчевских Альпах их причина, их зарождение. Это нисхождение в долину, спуск к жилью и жи-

руно”. Ц. 1 р. 25 к.» // «Образование». 1908. № 7). Обе рецензии цитируются по Приложению I в кн.: Сологуб Ф.К. Пламенный круг [Стихи]. Репр. изд. М., 2008. С. 217 и 224.

¹ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы / Сост. П.М. Нерлер, Д.Н. Мамедова. М., 2011. С. 51.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2. Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 113.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 125–126.

тью – снеговых, эфирно-холодных залежей русской поэзии, может быть слишком неподвижных и эгоистических в ледяном своем равнодушии и доступных лишь для отважного читателя. Тают, тают тютчевские снега через полвека, Тютчев спускается к нашим домам: это второй акт, необходимый, как выдыхание после вдыхания, как гласная в слове после согласной, это не переключка и даже не продолжение, а круговорот вещества, великий оборот *естества* в русской поэзии с ее Альпами и равнинами.

Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Единой жизни торжество»¹.

(Говоря о «тютчевских Альпах», Мандельштам, несомненно, отсылает читателя к таким стихотворениям Тютчева, как «Снежные горы», «Альпы», «Яркий свет сиял в долине...», «Хоть я и свил гнездо в долине...». Цитирует он при этом – не совсем точно, контаминируя первое и последнее четверостишия – стихотворение Сологуба «Не понимаю, отчего...» из раздела «Преображения» сборника «Пламенный круг». В этом стихотворении строка «В природе мертвенной и скудной» звучит два раза, в первом и последнем четверостишиях; ср. в СЧ: «Я так же беден, как природа...» и «И небо мертвенней холста». Вторая строка из процитированного Мандельштамом четверостишия Сологуба переключается, без сомнения, со стихами Тютчева, на которые мы выше обратили внимание: «Эти бедные селенья, / Эта скудная природа...».)²

¹ Там же. С. 126.

² Интересная подробность: статья Мандельштама была написана к 40-летию литературной деятельности Сологуба. Она опубликована 11 февраля 1924 («Последние новости», Л.) в день чествования юбиляра в Александринском театре (Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2. Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меда. СПб., 2017. С. 458). А годом ранее отмечалось 60-летие со дня рождения Сологуба (он родился 17 февраля 1863 года), и в журнале «Россия» (М. 1923. № 6, февраль) была в связи с этим напечатана статья А.Г. Горнфельда (вообще Горнфельд писал о Сологубе многократно): «Темный путь (К шестидесятилетию Федора Сологуба)», в которой говорится: «В текущем месяце Федор Сологуб вступает в седьмое десятилетие своей жизни. <...> "Пламенный круг" – так назвал Сологуб наиболее цельный сборник

Наконец, вспомним, что в 1928 году Мандельштам собирался участвовать в поэтическом вечере памяти Сологуба в отделении Всероссийского союза писателей в Ленинграде (хотя, по свидетельству П.Н. Лукницкого, участие Мандельштама в вечере не состоялось¹) и читать хотел стихи именно из книги «Пламенный круг»: «Я прочту две-три пьесы из “Пламенного Круга”»².

Мандельштам в СЧ, адресуясь к Тютчеву, «цитируя» его и отталкиваясь от него, строит свою картину мира, придерживаясь, в определенной мере, «солисистской» позиции Сологуба, чьи поэтические «ручьи» были тогда, в 1910 году, ему ближе, они больше отвечали мироощущению Мандельштама, чем горные снеговые тютчевские вер-

своих стихов. Да, пламенный круг, а внутри этого круга раскаленных признаний – поэт, в несказанных муках отравляющий себя своим ядом. В непреходящем ощущении извечной обиды и своей извечной порочности злобно и самоотверженно, беспощадно и неустанно казнит и обличает себя Сологуб, вечно кается в чем-то; вечно кляня другого и клянча у другого, клянет себя. <...> И, конечно, только “больной змеей”, злобным и раздавленным пресмыкающимся может чувствовать себя человек, всем своим существом прочувствовавший и напряженной мыслью сознавший этот “дьяволов водевил”. <...> Темен и поистине беспросветен он [«наш путь» – Л.В.] был бы без таких, как Сологуб, ужасный, порочный, дикий Сологуб – большой поэт, сгорающий, чтобы светить нам» (с.27–28). Этот номер журнала «Россия» Мандельштам несомненно видел, поскольку в нем была напечатана его статья «Борис Пастернак», причем статьи Горнфельда и Мандельштама не только находятся в одном разделе журнала, «Литература», но соседствуют: заканчивается статья Горнфельда и сразу за ней, на той же странице 29, начинается статья Мандельштама. Можно предположить, что, создавая годом позднее свою юбилейную статью, Мандельштам мог иметь в виду и негативные оценки Горнфельда. В отличие от Горнфельда Мандельштам в своей статье, противопоставляя поэзию Сологуба «лирическому нытью», говорит о волевом начале, мужестве старшего поэта, ясности его духа «в самом отчаянии». Может быть, и это обстоятельство стоило бы принимать во внимание, среди прочих, когда речь идет о конфликте между Мандельштамом и Горнфельдом, который случился в 1928 году в связи с обработкой Мандельштамом, для нового издания, переводов «Тиля Уленшпигеля» Шарля де Костера, выполненных ранее А.Г. Горнфельдом и В.Н. Карякиным.

¹ Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года. Acumiana, 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биограф. альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 361.

² Письмо Мандельштама Е.И. Замятину от 2 марта 1928 года // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 3. Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 384.

шины [«Вдруг просветлеют огнецветно / Их непорочные снега: / По ним проходит незаметно / Небесных ангелов нога» («Хоть я и свил гнездо в долине...»); в мире СЧ, в мире «пустоты» ангелов нет] .

В СЧ обнаруживаются явные, как нам представляется, переклички со стихами «Пламенного круга». «Белая тьма созидает предметы / И оболяет меня. / Жадно ищу я душою просветы / В область нетленного дня. // Кто же внесет в заточенье земное / Светоч, пугающий тьму? / Скоро ль бессмертное, сердцу родное / В свете его я пойму? // Или навек нерушима преграда / Белой, обманчивой тьмы, / И бесконечно томиться мне надо, / И не уйти из тюрьмы?» («Белая тьма созидает предметы...»). Ср. со стихами из отброшенного первого четверостишия СЧ: «Ночь белая, белее лилий / Испуганно глядит в окно». Слова из этих сологубовских стихов дали название второму разделу «Пламенного круга»; повторим, что они прямо цитируются Мандельштамом в стихотворении «Темных уз земного заточенья...». Еще одно утверждение об обманчивости (призрачности) мира в «Пламенном круге»: «А то, что длится ныне, / Что мы зовем своим, / В безрадостной пустыне / Обманчиво, как дым. / Томимся о святыне, / Завидуем иным» («Равно для сердца мило...»). Обратим внимание также на исполненный *тишины* ночной пейзаж, из которого ушла внешняя жизнь и в котором царит *месяц*, хотя и не «бездыханный»: «Над усталою пустыней / Развернулся полог синий, / В небо вышел месяц ясный, / Нетревожный и нестрастный, / Ни-зошла к земле прохлада, / И повеяла отрада. / В мой шатер, в объятья сна, / Тишина низведена. // С внешней жизнью я прощаюсь, / И в забвенье погружаюсь. / Предо мною мир нездешний, / Где ликует друг мой вешний, / Где безгрешное светило, / Не склоняясь, озарило / Тот нетленный, юный сад, / Где хвалы его звучат» («Над усталою пустыней...»). У Тютчева «день болезненный и страстный» («О вещая душа моя...»), у Сологуба для описания ночного мира используются эпитеты «нездешний» (= «странный») и «нестрастный». Но ночное «забвенье» Сологуба с его томлением по «нетленному» иному бытию вполне согласуется с тютчевскими строками: «Твой сон – пророчески-неясный, / Как откровение духов...» («О вещая душа моя...»). И, наконец, отметим, что мотив «отчизны» как мирового лона, породившего эфемерное человеческое существование, также восходит, по нашему мнению, не только к Анненскому, но и к стихотворению из «Пламенного круга»: «Забыв о *родине* своей, / Мы

торжествуем новоселье, – / Какое буйное веселье! / Какое пиршество страстей! // Но все проходит, гаснут страсти, / Скучна веселость наконец; / Седин серебряный венец / Носить иль снять не в нашей власти. // Все чаще станем повторять / Судьбе и жизни укоризны, / И тихий мир своей *отчизны* / Нам все отрадней вспоминать» («Забыв о родине своей...»; курсив мой – Л.В.).

В СЧ представлено «пустотное», призрачное бытие, в котором иллюзорно и эфемерное человеческое существование; в этом безутешном мире господствует страдание (поэт нашел для выражения этого мироощущения емкую словесную формулу в уже цитировавшемся стихотворении «Воздух пасмурный влажен и гулок...»: «Мировая туманная боль»). Таковую картину Мандельштам создает в интересующих нас стихотворениях; она вполне согласуется с буддийскими представлениями. Естественно, речь не о том, что Мандельштам в 1910–1911 годах был буддистом; мы говорим только о том, что его мировосприятию в то время были близки определенные положения даже не столько строго буддийской, сколько, широко говоря, традиционной индийской мудрости и что влияние Сологуба играло в формировании мандельштамовской поэтической картины мира той поры значительную роль. О том, что буддистское миропонимание и поэзия Сологуба были объединены в сознании Мандельштама определенной смысловой связью, свидетельствует, в частности, его статья «Девятнадцатый век» (1922; к этому времени Мандельштам далеко ушел от «солипсистско-буддийского» мировосприятия), в которой он пишет: «Девятнадцатый век был проводником буддийского влияния в европейской культуре. Он был носителем чужого, враждебного и могущественного начала, с которым боролась вся наша история – активная, деятельная, насквозь диалектическая, живая борьба сил, оплодотворяющих друг друга. Он был колыбелью Нирваны, не пропускавшим ни одного луча активного познания:

В пещере пустой
Я – зыбки качанье
Под чьей-то рукой, –
Молчанье, молчанье...»¹.

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 98–99.

Мы видим, что, говоря об оскудении христианства в XIX веке, о позитивистском, релятивистском духе столетия, о его «скрытом буддизме», Мандельштам цитирует (неточно) стихотворение П. Верлена «Un grand sommeil noir...» («Я в черные дни...») в переводе Ф. Сологуба.

А тому, что образ «пустоты», в свою очередь, вызывал у Мандельштама представление о буддизме, находим интересное подтверждение в его «Заметках о Шенье», работа над которыми началась еще в 1914 г. и была продолжена в 1922-м. В первой части «Заметок» тема «пустотности» XVIII века звучит неоднократно – и при этом сочетается с буддистским мотивом (выделяем курсивом некоторые слова): «Людам самим было страшно от прозрачности и *пустоты* понятий. La Vérite, la Liberté, La Nature, la Déité¹, особенно la Vertu², вызывают почти обморочное головокружение мысли, как прозрачные, *пустые* омуты. <...> Великие принципы восемнадцатого века все время в движении, в какой-то механической тревоге, как буддийская молитвенная мельница. Вот тому пример: античная мысль понимала добро как благо или благополучие: здесь еще не было внутренней *пустоты* гедонизма. Добро, благополучье, здоровье были слиты в одно представленье, как полновесный и однородный золотой шар. Внутри этого понятия не было *пустоты*. <...> Опустошенное сознание [XVIII века – Л.В.] никак не могло выкормить идею долга...»³.

Далеко не все у Сологуба было близко раннему Мандельштаму. «Статьи Мандельштама, – пишет Е. Тоддес, – свидетельствуют не только о пиетете к Сологубу, но и об активном изучении его искусства. Формула “спокойный солипсизм”, использованная в статье “О собеседнике”, представляет собой результат такого интерпретирующего и заинтересованного, *pro domo sua*, подхода. Действительно, если самим понятием солипсизма фиксировалось весьма конкретное и явное для читателя сологубовское качество, то определение едва ли не более приложимо к основной лирической коллизии Мандельштама 19091–1910 гг., строившейся на символистском фоне. <...> Это “я” [в стихах Сологуба – Л.В.] стремится, чародействуя, заполнить собою

¹ Истина, Свобода, Природа, Божество.

² Добродетель.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 79–80.

мир, возвести к себе (отчасти в духе Шопенгауэра) космические и духовные основы мироздания (“Околдовал я всю природу...”). Сологуб создает декадентские версии старых романтических сюжетов богоборчества, договора с дьяволом (“Когда я в бурном море плавал...”), демонической вины (“Судьба была неумолима...”), образующие в его лирике миф “я”. Все это – очень беспокойное (хотя и очень строгое стилистически) – было чуждо Мандельштаму, чья главная установка заключалась в замене мистической мифологии символизма чисто экзистенциальной рефлексией, в минимализации, ослаблении, даже расслаблении неоромантического двоемирия»¹. Заявленная в предисловии к «Пламенному кругу» позиция: «Ибо все и во всем – Я, и только Я, и нет иного, и не было и не будет»² не характерна для Мандельштама. Мандельштам не говорит: «я – это весь мир»; он говорит: «мир странен и нереален, и мое я – тень от тени этого мира». О чуждости Мандельштаму романтической позы, о том, что в его случае непредставимы упреки мирозданию, говорит и С. Аверинцев, причем в той же фразе, которую мы цитировали выше, – где речь идет о том, что для раннего Мандельштама Сологуб был в определенной мере образцом (приведем теперь другую часть предложения): «Никаких поползновений объявить войну Солнцу, как в стихах Федора Сологуба...»³. Судьба принимается – в частности, в СЧ – с благородной сдержанностью. Лирический герой говорит с «пустотой» на равных, не сетуя, не дерзя и не проклиная. При этом мы не находим в интересующих нас стихах Мандельштама утешительного для Сологуба (как и для Тютчева) единения с природой. «Источник гармонии [для Сологуба – Л.В.] – природа, умиротворяющее единение с которой так же доступно Сологубу, как неотступно от него “томление злое”. Ранний Мандельштам далек от этого источника, а эмоциональных полюсов избегает, балансируя между “радостью тихой дышать и жить” [отсылка к стихотворению «Дано мне тело – что мне

¹ Тоддес Е.А. Заметки о ранней поэзии Мандельштама // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 542–543. .

² Сологуб Ф.К. Пламенный круг [Стихи]. Репр. изд. М., 2008. С. 7.

³ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы / Сост. П.М. Нерлер, Д.Н. Мамедова. М., 2011. С. 51.

делать с ним...», 1909 – Л.В.] и длящимся умиранием в пустом, “болезненном и странном” мире»¹.

Позиция, заявленная в СЧ, характеризуется смиренным и в то же время мужественнымприятием мира, в котором выпало жить. (Позднее и по другому поводу Мандельштам выразит сходное отношение в формуле: «Ну что же, если нам не выковать другого, / Давайте с веком вековать» («Нет, никогда ничей я не был современник...», 1924). Автор данной работы вполне согласен с выводом, который делает Д. Сегал, анализируя СЧ: «Это стихотворение, пожалуй, лучше, чем многие другие, дает нам одну из мотивировок мандельштамовского мировоззрения и его поэтики – нежелание спастись, нежелание удержать *лирическое* “я” у какого-то безопасного, утешительного полюса бытия. <...> Итак, душа готова встретить судьбу, лирическое “я” готово принять пустоту мира...»².

СЧ четко построено: первое четверостишие – описание мира; второе – анализ положения «я» в мире (декларация); третье – дополняющие картину мира и усиливающие определенное впечатление от нее детали и, хотя и сдержанное по тону, но с сильным чувством выраженное заявление о готовности жить в этом мире. Заметим, что, если в первых двух катренах наблюдается чередование рифм на А и О, то в заключительном четверостишии во всех рифмующихся словах ударение падает на «вскрикивающие» А (причем в словах эмоционально резко окрашенных: «бездыханный», «странный»); завершается стихотворение восклицанием.

Ушло ли чувство пустоты из мандельштамовского творческого мира впоследствии? Нет, можно констатировать периодическое появление страшащей «пустоты», в разных контекстах, в стихах и прозе Мандельштама. Мы встречаем ее, например, в «Египетской марке» (1927–1928): «Страшно подумать, что наша жизнь – это повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего лепета одних отступлений, из петербургского инфлуэнцного бреда»³ – и

¹ Тоддес Е.А. Заметки о ранней поэзии Мандельштама // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019. С. 542–543.

² Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть 1. Книга 1. Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 97.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. С. 256.

в стихотворении «Я скажу тебе с последней...» (1931): «По губам меня помажет / Пустота, / Строгий кукиш мне покажет / Нищета». Как в 1912 году в стихотворении «Я ненавижу свет...» («Кружевом, камень, будь / И паутиной стань: / Неба пустую грудь / Тонкой иглою рань!», так и в 1933-м творческие усилия противопоставлены бесформенности и безличности мира: найденные точные слова поэта («Когда, уничтожив набросок, / Ты держишь прилежно в уме / Период без тягостных сносков, / Единый во внутренней тьме...») так же относятся к бумаге, косному, мертвому носителю текста, «Как купол к пустым небесам» («Когда, уничтожив набросок...»). «Творчество, по мысли Мандельштама, – обоснованно утверждает С. Стратановский, – это борьба с пустотой, с небытием, внесение смысла в бессмысленный мир»¹. Не забудем и «Стихи о неизвестном солдате» (1937–1938): погибшие на войне уходят в ту же противостоящую человеку пустоту: «Миллионы убитых задешево / Протоптали тропу в пустоте...».

Таким образом, мотив пустоты входит, по нашему мнению, в число постоянных мотивов Мандельштама.

¹ Стратановский С.Г. Творчество и болезнь. О раннем Мандельштаме // Знания. 2004. № 2. С. 219.

МАРИАМ ТОРБИН

Воспоминания. О.Э. Мандельштам¹

Мариам Ароновна Торбин (1904–1987²) родилась в Феодосии³. В этом городе прошли ее детские и юношеские годы. До 1920 года училась в профессиональном училище (профиль его не установлен) и после вступления в город войск Красной Армии, как она пишет в воспоминаниях, поступила на работу сестрой-воспитательницей в детскую больницу. В 1921 году окончила восьмиклассную трудовую школу. В 1922 году переехала в Москву и жила в общежитии писателей в Доме Герцена, опекаемая семьей своей феодосийской сотрудницы С.Р. Благой и ее мужа Д.Д. Благого. Училась на педагогическом факультете 2-го Государственного университета (окончила в 1926-м), затем там же на медицинском факультете (окончила в 1930-м) и далее работала по специальностям «педагог» и «врач» (данные регистрационного бланка члена ВКП(б), РГАСПИ). В 1924 году уехала в Архангельск. Вероятно, там она познакомилась с будущим мужем Николаем Кузьмичом Козловым (1893–1973), до Октября – большевиком-подпольщиком, ссыльнопоселенцем, участником Гражданской войны; в Архангельске он возглавлял исполком губернского Совета. В 1927 году у четы родился сын Владимир.

Можно предполагать, что муж обладал хорошими деловыми качествами, отличался добросовестностью и трудолюбием, так как да-

¹ Текст подготовлен и примечания составлены А.Г. Мецем и Л.М. Видгофом. Предисловие А.Г. Меца. Первая публикация мемуаров М. Торбин: На редкость неустроенный человек. Воспоминания. Подготовка текста и примечаний А.Г. Меца, Л.М. Видгофа // Знамя. 2021. № 5. С. 158–181. Мемуары были озаглавлены редакцией журнала, в качестве заголовка была использована цитата из текста воспоминаний.

² Даты жизни указываем по публикации Ирины Цветковой «Явление доктора Живаго». (https://nvo.ng.ru/margin/2000-09-14/8_event.html; дата обращения 26.10.2020), которая оказалась распорядителем архива Торбин. В официальных документах годом рождения указывался 1903-й, в некоторых справках о ней – 1902-й. Основанием для предпочтения 1904 года рождения является указание автора на свой возраст в тексте воспоминаний, относящихся к 1922 году, – «17 лет».

³ Сведения о раннем периоде биографии Торбин приводит в ныне публикуемых воспоминаниях и в архивной справке, см. прим. 6.

лее его карьера развивалась успешно. Он работал на солидных советских и партийных должностях, инструктором ЦК ВКП(б), с середины 1930-х годов – зав. секретариатом Президиума ЦИК СССР, а еще позже – начальником Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. Приблизительно в то же время семья переехала в Москву и поселилась в Доме Правительства (Доме на набережной), в 9-м подъезде, в кв. 185. В это время Торбин работала врачом в Московском педагогическом институте им. А.С. Бубнова. Отдыхала семья в правительственных «Снегирях»¹. Личная биография и научный рост М.А. Торбин разворачивались синхронно успешной карьере мужа. Она изучала педагогические труды П.Ф. Лесгафта, окончила аспирантуру в названном выше институте (1936–1938) и в 1939 году защитила кандидатскую диссертацию «Лесгафт и его педагогические взгляды»², а в 1944 году поступила в докторантуру, заявив тему: «Очерки по истории школьной гигиены в России»³. Рекомендации ей написали два академика: Л.А. Орбели и Е.Н. Медынский. В этом году она стала также членом ВКП(б). М.А. Торбин преподавала в Московском заочном педагогическом институте (в дальнейшем Московский государственный педагогический институт заочного обучения)⁴. После выхода на пенсию в 1956 году ее интересы концентрируются на литературе (преимущественно на мемуарах по истории Гражданской войны и становления советской власти) и искусстве. Она завязывала знакомства и вела переписку с писателями и деятелями культуры, собирала книги с дарственными надписями своих современников, активно знакомилась с воспоминаниями о прошедших годах, преимущественно касавшихся Юга России и особенно Феодосии, где она проводила по несколько месяцев в году, посещая также и Коктебель. Известна

¹ Ныне санаторий Управления делами Президента РФ. Располагается в селе Рождествено Истринского р-на.

² Справка МГПИ от 17.10.1939 об окончании аспирантуры и защите кандидатской диссертации. Копия // Архив РАН. Ф. 543 (Н. А. Морозов). Оп. 4. Дело 1894. Л. 30.

³ Согласно характеристике М. Торбин для Академии пед. наук. Выдана 06.07.1944 секретарем партбюро МГПИ Гончаровым // Там же. Л. 31. Докторскую диссертацию не защитила (Биографическая справка М. А. Торбин // Дом-музей М. И. Цветаевой. КП 1530/ 475. В том же источнике указано: «Член ВКП(б) с 1944»; «С 1945 года инвалид второй группы»).

⁴ Трудовая деятельность Торбин отражена в справке, находящейся в архиве музея «Мемориальная квартира Андрея Белого», шифр НВФ–17200.

ее проба пера в качестве историка-очеркиста: в фонде 1164 Рукописного отдела Российской национальной библиотеки хранится ее статья «Гибель Леонида Нидова (Нилова?), коммуниста-подпольщика». Ее муж Н.К. Козлов умер в 1973 году (по другим данным – в 1972-м). Уже после смерти Мариам Ароновны во время пожара в квартире погиб ее сын Владимир. Из семьи Торбин оставалась только внучка Надежда. В Сети появлялись сообщения о том, что при пожаре ее архив сгорел, однако большая часть его уцелела, одна из частей попала в Дом-музей М.И. Цветаевой¹, в котором и обнаружились публикуемые нами мемуары.

Время ее работы над воспоминаниями – 1960-е и 1970-е годы. Вплоть до настоящего времени они оставались неизвестными даже мандельштамоведом. Были выявлены литературоведом Татьяной Феликсовной Нешумовой в части архива Торбин, находящейся в Доме-музее М.И. Цветаевой. Эта исследовательница любезно ознакомила нас с копией, за что приносим ей живейшую благодарность.

Фактический субстрат воспоминаний М.А. Торбин об О. Мандельштаме относится к двум периодам ее жизни: к Феодосии 1919–1920 годов (преимущественно, вероятно, к весне – лету 1920 года) и к Москве, весне – лету 1922 года, ко времени жизни поэта в общежитии писателей Дома Герцена. Эти части ее воспоминаний содержат сведения о городской топонимике, обычаях и нравах жителей Феодосии и далее – о насельниках писательского общежития в Москве. Эти данные, как правило, соответствуют данным других мемуаристов (или не противоречат этим данным) и потому вызывают доверие. Наиболее ценной, не испытавшей влияния литературных источников, представляется часть ее мемуаров, относящаяся к 1922 году.

В то же время следует отметить неудовлетворительное состояние текста этих воспоминаний в источнике. По-видимому, приемы литературной работы в какой-то мере оказались утрачены ею после перенесенных болезней, а также из-за возраста. В том состоянии, в котором они сохранились в архиве, они неудобочитаемы из-за стилистических погрешностей, повторов и обширных отступлений, основанных на данных других авторов или литературных источников. Эти источники, в основном относящиеся к периоду 1919–1920

¹ См.: Цветкова И. Явление доктора Живаго // https://nvo.ng.ru/margin/2000-09-14/8_event.html (дата обращения 07.10.2020).

годов, почти всегда уверенно распознаются. Так, она несомненно читала книгу Андрея Седых (Я.М. Цвибака) «Далекие, близкие» (1962), отчасти откликнувшись на ее содержание. Не вызывает сомнения, что она знала (возможно, частично использовала) книгу Э.Л. Миндлина «Необыкновенные собеседники» (1968). Ей было известно содержание воспоминаний А.Б. Гатова о литературной жизни Харькова и встречах с Мандельштамом, которые она использовала, не называя автора, достаточно подробно, причем посещение Мандельштамом Харькова ошибочно отнесла ко времени его поездки из Феодосии в Петроград в 1920 году (на самом деле – в начале 1919 года). Также она была знакома с «Воспоминаниями» Н. Мандельштам (первое, нью-йоркское, издание – 1970 года). Вне сомнения, ей были известны воспоминания Е.К. Герцык (1973), цитату из которых Торбин привела – без выделения – дословно (в купированной части текста)¹. Вероятно, ученая степень, статус члена КПСС и помощь мужа позволяли ей работать в спецхранах библиотек, где она могла ознакомиться с перечисленными изданиями. Она также знакомилась с воспоминаниями о Крымском подполье 1919–1920 годов и использовала эти данные. Упомянутые обстоятельства побудили нас прибегнуть к сокращениям, а также к стилистической редактуре. При этом авторская лексика, относящаяся к фактам и их оценкам, сохранена. Части воспоминаний Торбин, имеющие достоверные признаки зависимости от литературных источников, а также от устных сведений, полученных ею в 1960–1970-е годы от собеседников, в настоящую публикацию не включены. К последним относятся, прежде всего, сведения о дружественных контактах О. Мандельштама с С.Я. Парнок и Е.Я. Парнох (Тараховской) в 1922 году, почерпнутые, как представляется, из бесед с Е.Я. Тараховской в послевоенные годы и не основанные на фактах (или даже, по ранее известным данным, противоречащие им). Источник публикуемого текста – авторская машинопись с рукописными вставками из собрания Дома-музея М. И. Цветаевой, шифр КП–1530/38. Там же имеется еще один экземпляр машинописи с неполным текстом, шифр КП–1530/39, который также использовался нами при подготовке публикации. Название воспо-

¹ «Мандельштам мальчиком читал четкие фарфоровые стихи». Эта несколько перефразированная и сокращенная цитата – из 5-ой подглавки главы «Вячеслав Иванов» воспоминаний Е.К. Герцык (Воспоминания. Париж, 1973. С. 60) приведена вне контекста на с. 9 машинописи Торбин.

минаний – авторское. Указанные выше купюры в тексте означаются отточием в угловых скобках (<...>).

* * *

...В 1919 году я была девочкой, младшей в семье. Но память моя все же сохранила его (Осипа Мандельштама) беседы с другими людьми. <...>

Лето 1919 года. Феодосийцам было трудно дышать. Город был перенаселен. Крохотная маленькая Феодосия стала столицей белогвардейского Российского государства. Другой земли у них не было. Здесь был их госбанк, а в гостинице «Астория», против вокзала, недалеко от порта, штаб управления армией, в котором пребывали белые генералы, руководившие боями у Перекопа. Они были «мудрейшими» стратегами белогвардейской армии и были обязаны предвидеть, как «драпать» из Крыма со своим общипанным двуглавым орлом. Феодосия для этой цели была самым удобным пунктом: море и близость Перекопа. <...>

Мы из окон профучилища 12 ноября 1920 г. наблюдали, как под морозящим дождем в феодосийский порт прибывали белые отряды, сдавшие перекопские позиции Красной Армии. Они шли с песнями: «Эх, яблочко, куда котишься, к Перекопу попадешь – не воротишься». В руках они держали винтовки и бумагу: приказ Врангеля, служивший пропуском на пароход для защитников Перекопа. Но у причалов порта не было кораблей, море было пусто. Море было серым, и на нем не было ни одной лодки, а корабли давно ушли в плавание. На территории порта остались в неподвижном строе лишь 26 серых рифленых амбаров вместимостью в 50 000 пудов зерна. Голодные, побитые перекопцы сбили с них замки, надеясь, что найдут там пищу. Напрасная надежда: провизии там не было, а вдалеке за волнорезом открытого моря на рейде манил их взоры иностранный пароход. Перекопцы подняли вверх свои пропуска и стали призывно звать корабль, на мостике которого стоял капитан и смотрел в бинокль на них. Он увидел поднятые руки с белыми листами и отдал приказ: дать салют в их честь и уйти из гавани. Обманутые белогвардейцы рассредоточились: часть ушла в старокрымские леса и в монастыри и стала бандитами, а другая, побросав оружие, пыталась

преобразиться в мирных жителей. Но все это происходило через год, в ноябре 1920 года, а в лето 1919 года беженцы с севера заполнили весь феодосийский уезд. В городе не хватало места для них. Писатели жили в Коктебеле, Судаке и Отузах, работали у болгар на сборе винограда за мизерную оплату, и одежда у них была в лохмотьях. Даже [В.В.] Вересаев навещал больных в нижней сорочке: верхняя одежда давно истлела, и кто-то подарил ему нижнюю белую рубашку – без воротничка. Это было его парадным одеянием, когда он появлялся в Феодосии.

Было много путей, соединяющих Коктебель с Феодосией, из них главный – шоссе Феодосия – Симферополь, от которого на 12-й версте от Феодосии была коктебельская развилка. Этот путь был самым удобным, хотя расстояние по нему было больше остальных на шесть верст. Оно было прямым, и ровным, и удобным для пешеходов еще и тем, что проезжавшие здесь болгары на мажарах разрешали пешеходам подсесть к ним, чтобы они своей беседой скрасили дорогу. Но в то время коктебельцы редко пользовались этой дорогой из-за белогвардейских патрулей, вылавливавших дезертиров, и каждый мужчина рисковал стать пушечным мясом для Перекопа.

Другой путь, по отрогам гор Тепе-Оба, казался более удобным. Белогвардейцы здесь не показывались, они избегали уступов гор, цепью защищающих Феодосию от грозных ветров, опасаясь труднодоступных из-за глинистой почвы пещер. Тут предприниматель Бедризов и построил завод цемента, кирпича и черепицы¹. Небольшие белогвардейские отряды боялись не только дорожной пыли, сырой глины, но и рабочих, которые часто встречали непрошенных солдат-беляков колями и дубинами. Дорога от завода Бедризова кончалась в центре города, у рынка. Это тоже являлось большим препятствием для пешеходов. Запыленные, они могли вызвать подозрение у белых в том, что они партизаны, и очутиться в контрразведке.

Отправляясь пешком в Феодосию из Коктебеля, Мандельштамы² шли лесом, раскинутым по холмам, и далее напрямик, лесисты-

¹ Сведений об этом заводе нам не удалось получить. Братья Бедризовы, Иван и Христофор, владели в Феодосии чугунолитейным и механическим заводами.

² О.Э. Мандельштам приехал в Крым в 1919 году вместе с младшим братом, и они вместе убыли в 1920 году в Грузию. Александр Эмильевич Мандельштам (1892–1942) в период Гражданской войны все время оставался вместе с братом.

ми холмами, пахнущими степными травами: ковылем, полынью, чабрецом, мятой... Далее дорога проходила через татарскую часть города, где на склонах предгорий расположились глиняные домики, выбеленные известкой. Оттуда пешеходы спускались к огромному кругу равнины, которую, как круглый пирог, пересекали многочисленные улицы. В центре круга стояла мечеть и водоразборная будка, у которой всегда толпился народ с ведрами. С водоснабжением в городе всегда было плохо.

С вершины Митридата сбегали к морю узенькие тропинки. Они постепенно расширялись и превращались в широкие прямые улицы, вымощенные камнем. Чем дальше уходила улица от горы, тем больше она становилась благоустроенной. Исчезали хибарки с глиняными полами, появлялись одноэтажные каменные дома (а ближе к морю и двухэтажные), тротуары становились асфальтированными, а улицы приобретали электрическое освещение, чуждое ночным окраинам города. Далее от мечети братья уходили направо к Митридату и сворачивали налево в узкий проулок, который выводил их к широкой улице позади древней армянской церкви Св. Сергия, где был похоронен И.К. Айвазовский. Эта улица другим концом упиралась в ворота нашего особнячка на Армянской улице. На ней он был предпоследним одноэтажным домом, с большим двором, сараями, где хранились бочки для солений – овощей, арбузов и других плодов. Под потолком ласточки свили свои гнезда. Прямоугольное здание нашего жилища заканчивалось сенями, образованными стойками, крытыми сверху. Пространство между ними использовалось летом как столовая, спальня, игровая для детей. Стойки покрывались тентом, не пропускавшим дождевую воду и защищавшим от солнца. К стойкам, подпирающим тент, привязана была мешковина, которая служила дверями. Внутри стоял огромный стол и нары. В жаркие летние ночи вся семья укладывалась спать поперек нар. Это место называлось у нас «дача». Стык нашей безымянной улицы с Армянской приводил пешеходов на Итальянскую улицу к кондитерской Синопли, где путешественники выпивали по чашечке кофе и съедали по булочке. Александр Эмильевич – кассир и хранитель заработанных на виноградниках мизерных сумм, расплачивался за завтрак в том случае, если не было хозяина кондитерской Синопли, который никогда не брал плату за съеденное Мандельштамом. Он был добрым человеком и любителем поэзии. Александр благодарил хозяина, обещая

всегда помнить о его помощи. О.Э., как воспитанный человек, благодарил хозяина лишь за гостеприимство, страдая от своей необходимости в помощи; он гордо склонял голову, показывая благодетелю, что тот лишь выполнил свой долг, накормив голодного поэта. Затем высокомерно прощался и уходил, чем смущал своего кроткого брата.

О гордости нищего поэта много говорили в Коктебеле. Брат феоdosийского Синопли, хозяин кафе «Бубны»¹, однажды со своей верранды увидел бегущего под дождем поэта, снял свое пальто и одолжил его О.Э., чтобы тот не вымок под дождем и не простудился. Мандельштам, надев чужое пальто, ушел, после где-то забыл его и не смог вернуть хозяину, а когда тот напомнил ему, ответил: «Вы должны гордиться тем, что ваше пальто носил поэт, а не стыдить меня». К удивлению присутствующих, он с презрением посмотрел на Синопли, повернулся к нему спиной.

В Коктебеле была старушка, торговавшая папиросами и пирожками. Завидя О.Э., манила его рукой, и, понимая страдания от нищеты, не брала у него денег. О.Э. целовал ей руку.

В Феодосии братья посещали баню, которая находилась на Дворянской улице, недалеко от кофейни.

Братьям Мандельштамам приходилось работать на сборе винограда – за мизерную плату на солнцепеке в ближайших поселениях за Коктебелем². Среди беженцев было много желающих получить работу, и этим пользовались болгары-садовладельцы. Жадные кулаки выдавали голодным рабочим лишь кусок брынзы без хлеба на пропитание. Они жестоко эксплуатировали своих поденщиков, а те были рады хоть такой работе.

Осип Эмильевич был хилого телосложения, среднего роста – по плечо высокому Александру, был всегда занят сочинением стихов и жил вне быта, вне насущных дел, был всегда бесприютен. Он, как ребенок, всегда подчинялся младшему брату, который один брался решать бытовые вопросы. Глаза смотрели грустно, но гордо, темные волосы уже редели, не покрывая лба; у Александра они были черные и пышные, нос орлиный у обоих. Осип Эмильевич был очень эмоционален, легко возбудим, быстро переходил от одного настроения к другому. Он не умел приспособливаться к новым условиям жизни,

¹ Речь идет об Александре Георгиевиче Синопли (1879–1943).

² В частности, братья Мандельштамы ходили на заработки в Отузы (Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 95).

к людям, их обычаям, ориентироваться в быту; не понимал, что такое порядок, забывал о режиме жизни соседей, не помнил, что у кого брал и куда потом девал. Это вызывало неудовольствие окружающих и мешало дружеским отношениям. Брат Александр охранял Осипа от беспечности, старался как-то упорядочить его отношения с людьми. Он был спокойного, уравновешенного характера и с доброй душой. Был молчалив и кроток. Его огромные зелено-серые глаза казались иногда ярко-голубыми под черными бровями, они всегда с обожанием смотрели на брата, и он беззаветно того любил и старался защищать от жизненных невзгод. <...>

Внезапно появлялись грозовые тучи, изливались потоки воды, все сносившие в море. Могли унести иногда и карету с людьми, ибо кучер не мог противостоять натиску воды: мала была сила лошадей против бурных вод, стекавших с гор. Богатые люди на Греческой улице строили дома на высоком цоколе, и на первый этаж нужно было подниматься по каменной лестнице. Этим они защищались от наводнений. Во время ливней на улицах немедленно появлялись мужчины с баграми, которые, забравшись на забор, старались вырвать из власти воды плывущие избушки. Налетевший ветер гнал с гор бурные потоки глубиной в 3–4 метра. Они сносили в море все, что было на их пути. Но как только тучи уходили, ливень прекращался, вода уходила в море, появлялось солнце и моментально высушивало землю, и вновь было сухо, тихо и спокойно. Будто беды и не было.

Взрослые, зная буйный характер дождей Черноморья летом, немедленно загоняли детей на печь и не позволяли убегать на улицу. Но детям было весело и там: они наблюдали сверху, как вода проникает в дом и снимает с гвоздей лоханки, которые, как лодки, плавают по комнатам. Мальчишки немедленно забирались в эти «лодки» и плавали в них, пока вода не исчезала.

Наш отец был хозяйственным мужиком, и он принял все меры, чтобы мы не страдали от бурных уличных потоков. Ворота наглухо закрывались снаряжением, и вода не проникала в дом. С крыш дождевая вода собиралась в бочки, а со двора она стекала в колодезь по желобкам.

Дождь застал Мандельштамов вблизи нашего дома, и они попросили разрешения переждать непогоду у нас. Отец, само собой, разрешил и позвал хозяйку дома. Наша мама взяла молодых людей под свою опеку и, поскольку вид у них был неопрятный, поручила мужу

остричь их. Отец наш, мастер на все руки, велел им раздеться до трусов и усадил на табуретки на нашей «даче». Лохмотья нижних рубаш немедленно пошли в огонь. Черный пиджак Осипа Эмильевича, теплый не по сезону, пошел в чистку.

Отец постриг братьев и послал их под теплый дождь, чтобы смыть остриженные волосы. После женщины приготовили чаны-корыта с горячей водой, и братья стали тереть друг друга мочалками, а затем выбегали под дождевые струи смывать мыло. Окно нашей столовой выходило на «дачу», и мы, взобравшись на подоконник, смотрели, как Шура мыльной мочалкой трет брата, а тот громко смеется, как дитя, затем он трет спину Шуре, и они оба, смеясь, выбегают под дождь. После купанья Мандельштамов одели в приготовленное для них белье вместо сожженного. Обрядили их в халаты и пригласили к столу.

Тут неожиданно для нас возник громкий спор между поэтом и нашим отцом. Оказывается, бегая в трусах под дождем, Мандельштам сочинил первую строку будущего прекрасного стихотворения «Феодосия»:

– Хатенки с гор спускаются все ниже.

Отцу не понравилась эта строка. Он не хотел принять слов Осипа Эмильевича о законах стихосложения, о длинной рифме и других нововведениях в стихах, на которые тот был мастер. Отец требовал от поэта музыкальности и реальности виденного. <...>

У нас была собака Дамка и цыпленок-петушок Дронгушка, у которого была очень длинная шея, и он задира голову кверху, совсем как Мандельштам... Когда братья появлялись у нас опять, Дамка, увидев Осипа Эмильевича, бросалась к нему на грудь, а Дронгушка шел рядом с Александром Эмильевичем. <...>

Феодосийцы любили искусство, их делили на три группы: театралы, художники и поэты (любители литературы). Театралы осуществили сбор средств, и на них построили двухэтажное здание театра. Вход был на пересечении Греческой и Итальянской улиц против гастрономического магазина. Внизу на первом этаже большое помещение было отдано аптеке Раммеля¹. Зеркальные стекла окон позволяли видеть огромные стеклянные шары с разноцветной жидкостью, которые вечерами освещались электролампами. С Греческой улицы высокой крутой лестницей, косо и наклонно стоящей, открывался вход в большой зал театра. Здесь выступали выдающи-

¹ Раммель Иван Юлианович, провизор и зубной врач.

еся артисты: Борис Осипович Сибор, известный скрипач, пела тут и Пепи Липман¹, выступали приезжие артисты: балерины, певцы, музыканты и другие знаменитости. Местные любители ставили тут своими силами спектакли, которые пользовались большим успехом. Особо любили зрители пьесе Е. Чирикова² «Лесные тайны», где главные роли играли феодосийцы-любители: красавица Гурвич, жена директора Азовско-Донского банка (Мабо М.М.), которая не передала своей красоты дочерям. Младшая – художница Элеонора Самойловна (Лея) (1900–1989) – в 1920-х годах вышла замуж за Александра Эмильевича Мандельштама.

Главным энтузиастом театра был преподаватель феодосийского реального училища Дмитрий Евграфович Свистельников: он талантливо исполнял в пьесе Чирикова роль фавна, и сам был похож на это изображение. Д. Свистельников был организатором и литературного кружка. В члены его он привлек и преподавателей литературы других средних школ: поэта Дембовецкого, преподавателя женской гимназии Веры Матвеевны Гергелевич³, где ее помощницей была родственница Нич⁴, большой друг [М.А.] Волошина.

Этот кружок собрал всех преподавателей литературы, журналистов феодосийской газеты и писателей, живущих в Феодосии и ее окрестностях. Кружок назывался «Хлам»⁵, как исключение в него входили и любители создавать литературные статьи и сочинения вообще. Каждый член «Хлама» обязан был принести с собой сочинение и сдать его дежурному, который указывал, в какую комнату пройти. Сданное в «Хлам» сочинение уходило на рецензию, после кото-

¹ Пеппи Липман гастролировала в те годы на Юге России. Упоминается в обзоре А. Нугера «Забытые и полужабытые имена» (<http://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer3/Nuger1.php>), где о ней говорится: «опереточная дива Пеппи Липман, неизменно появлявшаяся на сцене в узких брючках и певшая чуть ли не мужским басом».

² Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – русский писатель, драматург и публицист.

³ Дембовецкий Василий Эдуардович (1883–1944) – поэт; преподаватель русского языка в гимназии Гергилевич и в Учительском институте. Гергилевич В.М. (1878–1918) – педагог, директор гимназии.

⁴ Нич Антонина Иосифовна (урожд. Курчинская; 1886–1976), педагог, директор гимназии.

⁵ Это ошибка памяти автора. ХЛАМ (Художники. Литераторы. Артисты. Музыканты) – артистическое кафе в Киеве в 1918–1919 гг.

рой оно могло быть рекомендовано к печати. Это общество окончило свое существование при белых и преобразовалось во «ФЛАК»¹.

При белых в Феодосии было несколько мест, в которых жители могли развлечься и послушать стихи О. Мандельштама:

1) ФЛАК – Феодосийский литературно-артистический клуб.

2) Столовая для бедных на Лазаретной улице, в которой устраивались вечера, куда руководство приглашало О.Э. Мандельштама.

3) Офицерское кафе БИ-БА-БО², куда феодосийцы опасались ходить, ибо оно вечерами заполнялось русскими и иностранными офицерами, которые не любили общаться со штатскими и всячески издевались над ними. Помещалось на Итальянской улице на первом углу после кино «Иллюзион», на перекрестке с Полицейской улицей. Здесь всегда дежурил полицейский наряд, наблюдая, чтобы офицеров не обидели. Артисты там были хорошие: выступала актриса Московского Камерного театра Наталья Ефрон³. Но больше всех привлекала балерина Дуся Ефрон, жена брата Наташи, и жили они все вместе в доме под мечетью, где их и навещал О.Э. Мандельштам, и у Дуси собралось много его автографов, которые она увезла с собой за границу, выйдя замуж за иностранного офицера после развода с мужем. Это была очаровательная женщина. Небольшой свой рост она старалась увеличить огромной высокой пышной прической. Эта маленькая женщина была столь обаятельной, что все, кто ее видел, сразу отдавали ей свое сердце, а жила она в большой бедности.

Широкая Лазаретная улица шла по равнине от базара до шоссе через половину города. На середине ее была еврейская столовая для бедных, содержавшаяся на ежемесячные пожертвования богатых купцов. Небольшой доход столовая получала также от летних концертов, которые устраивались в ее громадном дворе. Ворота столовой открывали вид на строение в виде буквы П. Против ворот, в глуби-

¹ Сообщение автора о литературном кружке, предшествовавшем ФЛАКу, и о его деятельности не находит подтверждения в других мемуарных источниках.

² Бибабо – простейшая кукла, состоящая из головы и платья в виде перчатки. Голова имеет специальное отверстие под указательный палец, а большой и средний пальцы служат для жестикуляции руками куклы. Бибабо часто используются в передвижных кукольных театрах.

³ Ефрон Наталья Григорьевна (1896–1973), актриса, родственница Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой. Актрисой Камерного театра она стала позднее, в 1920-е годы.

не двора, стояло одноэтажное белое здание – основное помещение столовой. Там рано начиналась жизнь, когда поставщики привозили продукты из соседних сел. Справа и слева были двухэтажные здания. В левом флигеле от ворот, ближе к столовой, располагался детский сад, в правом – библиотека. Остальные помещения занимали квартиранты, плата за наем увеличивала бюджет столовой. Двор был усажен деревьями и летом служил местом отдыха. Работали здесь добровольно, и среди работавших была замечательная женщина, Р.С. Бахмутская¹, врач по образованию, не получившая еще диплома. Жена писателя Андрея Михайловича Соболя. Она старалась лучше накормить братьев Мандельштамов и дать им с собой булку и кусок мяса: роскошь, которую братья не могли себе позволить на бюджет рабочих-поденщиков.

В летние теплые вечера во дворе столовой устраивались концерты. Приглашался и Мандельштам читать стихи за очень скромную плату. Билеты на такие вечера продавались заранее. В день концертов во дворе выставлялись столики буфета, которые обслуживали красивые гимназистки, на один вечер согласившиеся стать официантками. Это обстоятельство привлекало богатых купцов, и они тогда, не жалея денег, подбирали из этих девушек жен себе или своим сыновьям. Стулья к этим столикам выносили жильцы дома, а Мандельштамы помогали их расставлять. Тут бывал и хозяин самого лучшего ресторана в Феодосии, находившегося рядом с «Иллюзионом», – Шевченко. Он бурно выражал свой восторг устроителям вечеров.

Но единственным местом, где интеллигенция города могла ежевечерне проводить свои вечера, был «ФЛАК»². Здесь выступали лучшие силы артистов и писателей. Нужно помещение для клуба «ФЛАК» было найдено в подвале дома маклера Исайя Рудмынского. Дом был угловой. Его фасад выходил на две улицы: на Земскую без дверей, только окнами, и на Новую, со входом. Новая улица была очень ко-

¹ Бахмутская Рахиль Сауловна (1892–1979) – жена писателя Андрея Соболя. Развелись в 1919 году.

² Феодосийский литературно-артистический кружок. Легендарный подвалчик располагался в одноэтажном доме (не сохранился) на углу нынешних улиц Земской и Кирова (ул. Новая) (в настоящее время на этом месте – гостиница «Лидия»). Сообщаемые Торбин сведения об устройстве ФЛАКа совпадают с данными Э.Л. Миндлина (Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 9–11; первое изд. – 1968).

роткой. От Земской она слепо упиралась в Лазаревский сквер с весьма скудной растительностью, где вечерами в раковине играл военный оркестр, а днем были слышны паровозные гудки у вокзала, куда одной стороной и выходил сквер. Напротив дома Рудмынского был большой многонаселенный жильцами дом Рилиа и рядом здание казенной женской гимназии.

У входа в дом с Новой улицы любила сидеть на стуле жена Рудмынского, она опиралась рукой на железные перила лестницы, которая вела в полуподвал. Он был громаден и состоял из трех сводчатых помещений, «зал», как говорили в Феодосии. Одно выходило окнами на Земскую улицу, другое на Новую, третье помещение было отведено для кухни с местом для официантов, принимавших через окошко заказанную еду. Местные художники Хрустачев Николай Иванович, Людвиг Квятковский и Моне Кац, прозванный Мазесо да Винчи¹, разрисовали стены. Мазесо (от слова «мазать») изобразил персидские миниатюры в первом зале, Квятковский украсил в кубическом стиле свою стену, Хрустачев – в реалистическом. Занавесы Мазесо разрисовал тоже персианками. У входа соорудили надпись: «Всяк сюда входящий, забудь про свои неприятности».

Открытие «ФЛАКа» было очень торжественным. Именно здесь О.Э. Мандельштам впервые прочитал свое стихотворение «Феодосия». «ФЛАК» очень скоро стал привлекательным для феодосийцев. <...>

Большим успехом пользовалась здесь певица Анна Степовая, любовница генерала Шиллинга². Анна Степовая была простая русская женщина, но злая судьба бросила ее в лапы белогвардейского генерала, и, уехав с ним за границу, она вынуждена была по субботам выступать в ресторане и этим кормить своего битого генерала. Она не всегда получала гонорар у дирекции «ФЛАКа», жертвуя его на бед-

¹ Хрустачев Николай Иванович (1884–1960) – преподаватель рисования в Учительском институте. Квятковский Людвиг Лукич (1894–1977) – уроженец Феодосии. О художнике Моне Каце биографических данных не получено. По другим сведениям, этим художником был Моисей (псевд. Мозес, Мозессо) Гурвич (данные В.П. Купченко). Под прозвищем Мазеса да Винчи он фигурирует в цикле «Феодосийские рассказы» О. Мандельштама.

² Тот факт, что Анна Степовая гастролировала в Феодосии, подтверждает запись в дневнике Максимилиана Волошина, заставшего ее в 1919 году проживавшей у его знакомого в этом городе, см. в кн.: Волошин М. Путник по вселенному. М., 1990. С. 396. Упоминается также в мемуарах Э. Миндлина (см. выше).

ных. Песенки этой шансонетки пользовались большим успехом, и Самарин-Волжский¹ часто вставлял в программу выступление Степовой. Особенно любили ее песенку «Зонтик», и, несмотря на ее фривольный шансонетный стиль, она пользовалась огромным успехом. С аукциона были проданы за огромную сумму ноты «Зонтика», и деньги опять пошли «для бедных». Они поступили в кассу подпольщиков. Мандельштам тоже принимал участие в организации вечеров во «ФЛАКе» и пользовался большим уважением у Степовой. Она все надеялась, что Осип Эмильевич посвятит ей стихи, и подарила ему экземпляр нот «Зонтика», переписанный для нее поклонниками (такие экземпляры шли на продажу богатым торговцам-меценатам, не жалевшим для Анны Степовой денег). Осип Эмильевич вежливо поблагодарил Анну Степовую, подарок принял, но стихов ей не написал, к большому огорчению певицы. <...> Песенка Анны Степовой по памяти:

«ЗОНТИК»

*Поздней осенью всё было:
Под дождем я шла домой,
Потому что я забыла
Где-то зонтик дождевой.*

Припев:

*Эх, не был бы со мной
Случай бы такой,
Был бы он со мной,
Тот зонтик дождевой.*

*Дождь и буря страшно выли,
Наводили страх большой,
А я, несчастная, забыла
Взять свой зонтик дождевой.*

Припев

¹ Самарин-Волжский Арнольд Маркович (Левинский; 1878–1949) – театральный деятель, актер и режиссер.

~ ~ ~ ~ ~

*Не идти же мне обратно,
Рядом кто-то вдруг идет
И ужасно деликатно
Меня об руку берет.*

Припев

*Я, конечно, испугалась,
Но руки не отняла,
Потому что показалось,
Что я зонтик свой нашла.*

Припев

*Эх, подвел меня проклятый
Этот зонтик дождевой,
И привел мой провожатый
Не ко мне, к себе домой.*

Припев

*Никогда я не грешила,
Тут же вышел грех большой,
Потому что я забыла
Взять свой зонтик дождевой.*

Припев

...14 ноября 1920 года Крым был окончательно освобожден от белых, и для нас началась новая жизнь. В конфискованном доме Хороза по Дворянской улице была открыта детская больница с диспансерным отделением для голодающих детей. Врач Софья Рафаиловна Благая¹ стала лечащим терапевтом ее, а мне, как сестре-воспитательнице, поручили диспансерное отделение. Главным врачом назначен был незнакомый нам доктор Владимир Денисович Невзоров, которого Д.Д. Благой² окрестил в стихах «Вакх Дионисович Невзоров – цвет

¹ Благая Софья Рафаиловна (урожд. Виляк; 1893–1965).

² Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) – литературовед, историк литературы.

киммерийских докторов». Он был дельным врачом, хорошим организатором, но поклонником Бахуса и любил распевать по вечерам под аккомпанемент нашей кастелянши Александры Ивановны: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?».

Моей главной помощницей в этом деле была художница Всесвятская¹. Она делала многое, чтобы выполнить нашу задачу – искоренить болезни у детей, но чтобы они при этом не отстали в культурном и умственном развитии за длительный срок их пребывания в диспансерном отделении. По ее инициативе мы стали издавать журнал, привлекая к этому делу и детей. Они с увлечением писали рассказы, стихи, снабжая их рисунками. К сожалению, мы в этом нашем начинании встретили яростное сопротивление со стороны нашей третьей сотрудницы, Марии Степановны Заболоцкой, впоследствии Волошиной². Она считала излишним привлекать голодных детей к труду и образованию, так как наша задача якобы не педагогическая. Свою работу она организовала так: дети сидели молча на корточках у стен, пока она не призывала строиться, мыть руки и строем идти в столовую, соблюдая за едой строгую дисциплину. После еды дети благодарили ее и опять усаживались у стен. Наше несогласие с таким методом воспитания детей вызвало бурную реакцию со стороны Марии Степановны и на всю жизнь острую ненависть ко мне.

Ранней весной [1922 года] Д.Д. Благой уехал в Москву³. Остались мы с Софьей Рафаиловной вдвоем. О Мандельштаме никто не вспоминал: трудная жизнь, работа. Да и скучать нам не давали. По вечерам приходил Волошин, читал свои новые стихи и занимал нас своим озорством. Пришлось мне помогать и уполномоченному Внешторга в организации детского дома для голодающих детей Махлаку Михаилу Аркадьевичу, который вместе со своим другом комиссаром продовольствия Протанским не оставлял нас своим вниманием. Скоро Невзорова перевели в Симферополь.

Трудно прошла зима 1921/1922 года: Благая тосковала по мужу и ждала от него вызова, а у него не было квартиры. Жил он у своей красавицы матери Софьи Николаевны, урожденной Толстой, на

¹ Сведений о ней получить не удалось.

² Заболоцкая М.С. (1887–1978), по профессии медсестра. Вторая жена М.А. Волошина (официально – с 1927 г.).

³ С 1921-го и до весны 1922 года Д. Благой был на должности проректора Феодосийского народного университета (данные В.П. Купченко).

Сивцевом Вражке. Она рано развелась с отцом Дмитрия Дмитриевича, который вторым браком был женат на Софье, и третьей Софье Рафаиловне не было места в его отдельной квартире на Кропоткинском (бывшем Штатном) переулке, ибо подрастала дочь, тоже Софья. Наконец, в марте пришло долгожданное приглашение приехать в Москву, ибо подруга Благой Тамара Исаевна Ельевич¹ согласилась ее поселить в своей квартире у Бутырки, где Ельевич жила с двумя сестрами, мужем и сыном, но категорически отказалась принять меня. А дело было давным-давно решенным, что я еду вместе с Благой учиться в Москву.

Отъезд из Феодосии в Москву в 1922 году был сложным. Железнодорожный транспорт был не налажен после гражданской войны и разрухи. Билеты продавались лишь по командировочному удостоверению. Софья Рафаиловна призвала к совету Махлака, который посоветовал ехать в Симферополь к Невзорову, который имел право выдавать такие документы. Добраться до Симферополя тоже было непросто, но Махлак это дело урегулировал и довез нас до Симферополя на дрезине, которая была в его распоряжении.

Совет был дельным: Благоя и я получили командировочные удостоверения в Москву в Помгол², НКПрос, НКЗдрав для оказания помощи голодающим детям Крыма. Но не обошлось и без курьезов. Пока я ходила покупать спички и свечи для освещения вагона, эти взрослые люди додумались до смешной глупости. Мне преподнесли написанный ими документ, который обязывал меня по завершении образования выйти замуж за обезьяноподобного М.А. Махлака. И Благоя уговаривала меня принять это предложение. Я разорвала этот документ, и жених остался с его обрывками, без невесты. Сильная любовь ко мне не помешала Махлаку одновременно влюбиться в Соню Рудмынскую, попасть в лапы к ее отцу-жулику, разрешить недозволенные торговые сделки, попасть под суд и быть исключенным из партии.

Москва встретила нас хорошей погодой, но мы, усталые, направились отдыхать: Благоя к Ельевич, я в общежитие для командированных на Садовой.

¹ Ельевич Анна Исаевна – библиограф. См., напр.: Ельевич А.И. И.И. Мечников: Краткий указатель лит-ры // Н.-и. ин-т библиотековедения и рек. библиографии. Москва, 1939.

² Помгол – Комитет помощи голодающим.

На следующий день я стала бегать по учреждениям, стараясь выполнить поручения крымских организаций. Всюду я находила помощь и заинтересованность, хотя все и выражали удивление, что такое ответственное дело было поручено столь юной девушке. Я с задачей справилась и получила необходимое количество медикаментов, книг и других вещей, в которых нуждался остро голодающий Крым. Добрые люди помогли упаковать полученное и отправить багажом. Мне купили билет, проводили и усадили в поезд.

Особый интерес к нашему диспансеру проявил Главсоцвос¹ и, выслушав меня, одобрил педагогическую деятельность и постановил, чтобы наш опыт использовался и в других детских домах и больницах.

Но ни Дмитрий Дмитриевич, ни Софья Рафаиловна не желали заниматься порученным делом. Они были заняты личными делами, целиком положившись на меня. Вернувшись в Симферополь, я сдала наши командировки, умолчав о том, что Благая в Москве не занималась заданиями. Но наша деятельность, считавшаяся общей, заслужила одобрение, и бухгалтерия выдала нам (под отчет о командировке) огромную сумму денег, в том числе и за Благою. По моем возвращении в Москву Дмитрий Дмитриевич немедленно отобрал эти деньги, беспокоясь, чтобы мы их расточительно не истратили: моя часть денег удерживалась в счет того, что я питаюсь у них пшенной кашей, которой много съедаю. Другой упрек впоследствии я выслушала от Софьи Рафаиловны: я расходую слишком много масла, когда готовлю обед.

Это было потом, а пока Благие меня встретили сообщением, что у них есть квартира и место ночевки для меня. Они встретили меня на Курском вокзале по возвращении из Симферополя: я ведь везла огромную сумму денег. В связи с чем нужно было обеспечить охрану. Благие даже наняли извозчика. Они были безмерно счастливы – у них появилась квартира.

Извозчик погонял лошадей, и мы поехали на Тверской бульвар, 25, к общежитию писателей, где находились «апартаменты» Д.Д. Благого. От Тверской извозчик направился по правой стороне Тверского бульвара и остановился у дома 25. Чугунная кружевная решетка

¹ Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей, структурное подразделение Наркомпроса, в чьи функции входило руководство дошкольными учреждениями и общеобразовательными школами.

служила оградой. Сквозь нее был виден двор дома, отданного писателям. Он был усажен деревьями, а около них стояли скамейки. Три корпуса дома не соединялись между собой. Против ворот двухэтажное кремовое здание, и 12 его окон смотрели во двор¹. Здесь размещалось правление Союза писателей, здесь проводились собрания литературных объединений Москвы. С другой стороны здание фасадом смотрело на Б. Бронную, и ворота на эту улицу никогда не запирались, что делало двор дома проходным, и хождение шумной любопытной и пестрой толпы было непрерывным, а это очень мешало живущим в левом крыле писателям. В правом крыле, отдаленно стоящем, было довольно неуютно и сыро. Жил там крестьянский поэт Петр Орешин²: трезвый – очень милый человек, пьяный – буян. Буйство Петра Орешина достигало слуха обитателей левого крыла общежития, и Мандельштам, заслышав плач жены Орешина сквозь открытое окно, бросался ей на помощь. Но в комнате Петра Орешина он не бывал, хотя и знал, что к нему заходят Сергей Антонович Клычков, тонкий лирический поэт, Сергей Есенин и др. О.Э. ценил стихи Есенина и Клюева, но не встречался с крестьянскими поэтами, он избегал встреч с ними. Дружбы не было у Мандельштама и с Орешиним, и если Орешин, отрезвевший, направлялся к Осипу Эмильевичу с извинениями за вчерашний скандал, то Мандельштам

¹ На самом деле на фасаде главного двухэтажного (если не считать полуподвала) дома старинной усадьбы на Тверском бульваре можно видеть не двенадцать, а значительно большее количество окон. Если же считать окна только центральной части особняка, то их пятнадцать: пять окон полуподвала, пять в среднем этаже и пять в верхнем. Упоминание М. Торбин именно двенадцати окон, смотрящих во двор Дома Герцена, объясняется, возможно, знакомством мемуаристки с «Четвертой прозой» Мандельштама (написанной позднее того времени, которое отразилось в публикуемых воспоминаниях, в 1929–1930 гг.): «...лишь бы не видеть двенадцать освещенных иудиных окон похабного дома на Тверском бульваре, лишь бы не слышать звона сребреников и счета печатных листов» (Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 302). Отметим, что комментаторы «Четвертой прозы» не обращали внимания на то, что процитированное описание Дома Герцена не соответствует действительности; Мандельштам и в этом случае подходит к реальности творчески, в соответствии с образной логикой (подобно тому, как он это делает во многих других случаях).

² Орешин Петр Васильевич (1887–1938, расстрелян) – поэт. Член Пролеткульта, в котором основал секцию крестьянских писателей.

быстро закрывал окно, ставил бабу-ширму¹, а сам уходил на кухню и ждал, когда Орешин уйдет.

Левый двухэтажный корпус начинался сразу от ворот со стороны Тверского бульвара. Второй этаж не сообщался с первым: вход был с улицы. Правление Союза писателей продало его концессии электрической компании датчан².

Ворота были закрыты, и наш извозчик остановился у калитки. По асфальтовой дорожке мы прошли мимо большого окна, задернутого кружевной занавесью. Оно находилось слева от дверей – входа в дом, справа было еще окно, из комнаты О.Э. Мандельштама.

Открыв дверь, мы вошли в большой квадратный холл, пол его был выложен плитками. Слева дверь в большую уютную комнату Игнатия Николаевича Потапенко³, где он жил вместе со своей племянницей Марусей Грушко, студийкой МХТ.

Третья дверь из холла открывалась в очень узкий коридор, налево он вел в комнату Алексея Ивановича Свирского⁴, его престарелой жены Татьяны Алексеевны (бывшей работницы табачной фабрики в Ростове-на-Дону) и сына Кости – красавца, который дружил с приехавшим недавно из Одессы Романом Карменом. Роман приехал с матерью урегулировать дела недавно скончавшегося отца, писателя Кармена⁵.

¹ Торбин имеет в виду живописную работу Н.Я. Мандельштам (см. в ее воспоминаниях ниже).

² Имеется в виду Большое Северное Телеграфное Общество (БСТО), датская фирма, первая среди зарубежных компаний получившая концессию от советского правительства. Всероссийский Союз Писателей сдал этой фирме в 1922 году значительную часть флигеля, о котором пишет М. Торбин, см.: Видгоф Л.М. «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Он же. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018. С 45–127. В той же работе приводятся сведения о соседях Мандельштама по общежитию писателей.

³ Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – один из популярных писателей 1890-х годов, автор воспоминаний о Чехове.

⁴ Свирский А.И. (до крещения – Шимон-Довид Вигдорос; 1865–1942), автор популярной повести «Рыжик», «Истории моей жизни» и др. произведений. Участник Гражданской войны, член РКП(б) с 1919 года. С 1922 года – комендант описываемого Торбин общежития писателей при Всероссийском Союзе писателей (ВСП).

⁵ Писатель Л.О. Кармен умер весной 1920 года.

Напротив входных дверей было несколько прихожих, откуда был ход к сараям, где хранились дрова. Дверь направо вела на кухню. Мы прошли направо мимо туалета, комнаты Мандельштама¹ и вошли в огромную кухню метров 40–50. Слева от двери – большая плита и водопроводный кран, слева большое окно. Напротив двери – две другие дверки, одна в комнату старушки, левее другая в комнату Благих, метров в 6, меблированную: железная кровать, у окна стол и стул, взятый на время до 5 ч. вечера у соседки. Остальные ее (соседки) стулья стояли вдоль правой стены кухни против окна. Стулья кормили старушку: когда в раковине на бульваре начинала играть музыка, стулья с нашей помощью перетаскивались на бульвар – желающие послушать музыку сидя уплачивали хозяйке 5 копеек. Это и составляло бюджет старушек, проживающих на Тверском бульваре.

Показали мне мое ночное ложе: на кухне между окном и плитой стоял большой сундук, в котором хранились дрова для плиты, принесенные из сарая, ближайшего к черному ходу.

На кухне мы застали двух женщин, мирно, но громко разговаривающих у горячей плиты, на которой готовился обед. Они ласково ответили на мой поклон и продолжили разговор. Одна из них была Татьяна Алексеевна Свирская. Муж ее очень уважал, хотя она была старше его на четверть века. Он считал ее своей защитницей от горестей жизни и был обязан ей тем, что стал писателем. «Рыжик»² был написан Свирским под ее влиянием. Она создала ему все условия для писательской работы. Другую, небольшого роста, называли «генеральша» оттого только, что один военный, очень больной человек, женился на ней перед своей кончиной, чтобы обеспечить ее пенсией в благодарность за уход. Она с горечью отстаивала перед собеседницей свои таланты повара:

– Татьяна Алексеевна, никто так не стужит мясо, как я, никто так не обрядит в кружево пирожок, как я. Ко мне ходили молодые хозяйки учиться готовить. А вы не верите.

¹ Осип и Надежда Мандельштамы поселились в левом флигеле Дома Герцена в конце апреля – начале мая 1922 года (Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянниковой. М., 2014. С. 220). Жили они здесь до начала августа 1923 года.

² «Рыжик» (1901–1904) – наиболее популярное произведение Свирского.

– Верю, верю, верю, но дайте и нам готовить, как мы привыкли. Вкусы разные бывают.

Собеседницы вдруг замолчали: в кухню вошел пожилой человек в добротном синем бостоновом костюме. В руке он держал дымящуюся папиросу, пепел от которой осыпал левое плечо пиджака. Он был очень серьезен, суров, сердит, хмур. Ему мешает шум. Призвав женщин к тишине, он ушел, но минут через 15 громкий говор возобновился.

– Мандельштам – на редкость неустроенный человек. Ему счастье поднеси на золотой тарелочке, и он не сумеет, – говорит Татьяна Алексеевна, – воспользоваться им. Он первым въехал в этот флигель и забраковал комнату, где ныне живет Потапенко, так как решил, что она близка к улице, и шум будет ему мешать. Но там был односторонний уличный шум, и он, не задумываясь, выбрал другую, нынешнюю его комнату, между кухней и туалетом, а из окна шум круглые сутки из проходного двора. Он мог выбирать и выбрал худшее и теперь недоволен нами.

Я не узнала Мандельштама: за три года он неузнаваемо изменился. В 31 год выглядел 45-летним, исчезли его беззаботность, веселый смех. Появились мрачность, требовательность. Волосы на голове почти исчезли, остался один клоч, торчащий, как гребешок петуха.

Рядом с его комнатой была кухня, а она соседствовала с водопроводом. Здесь у раковины по утрам и вечерам выстраивались живущие в квартире женщины-«аисты»: они стояли на одной ноге, а другую мыли под текущей водой: языки их не бездействовали, а трещали вовсю.

О.Э. приходилось работать под «музыку» двух джаз-оркестров: кухонного и уличного, и он в ярости выбегал в этот клуб-кухню и высказывал свои претензии женщинам. Застав там Благого, всегда улыбающегося, вежливо целующего ручку Татьяне Алексеевне, Мандельштам приходил в ярость. Софья Рафаиловна немедленно выходила из своих «апартаментов» и уводила мужа в комнату. Смолкала и Татьяна Алексеевна. Успокоившись, Мандельштам уходил к себе, и тотчас открывались двери в кухню: выползала «генеральша» доваривать обед, появлялась у плиты Благая со своими кастрюлями. Тишина длилась недолго. Жизнь не терпит застоя, и снова начинали работать машины языков¹.

¹ В своем заявлении в Правление Всероссийского Союза Писателей от 23 августа 1923 года О. Мандельштам жаловался: «С утра до позднего вечера на кух-

Мандельштам всегда был бесприютен и беден. Обстановка комнаты была поразительна: не хватало самого необходимого. Убранство состояло из стола и полосатого матраца, наискосок лежащего одним краем на табуретке.

Присутствие Надежды Яковлевны в его комнате не внесло уюта, она не была приспособлена к домоводству, к приготовлению еды. Ее произведение, картина бабы в пестром платье, стояло в качестве ширмы, заслоняющей окно от взглядов прохожих. На стенах были вкривь и вкось приколоты кнопками ее рисунки, выполненные в левой манере, как и положено ученице киевской художницы Экстер¹. На подоконнике и на полу стояли банки с красками и высушенные кисти.

Мандельштам неожиданно для себя стал кормильцем – брат его все еще не мог устроиться на работе. Лишь к концу 1922 года он поступил продавцом в книжный магазин на Советской площади, где работал феоdosиец Морозов, а пока что три рта нуждались в пище, и О.Э. занялся переводами для заработка. Мое возвращение в Москву наладило быт Благих. На следующий день с утра Софья Рафаиловна и я отправились на Погодинку² для оформления наших учебных дел: Благая поступила на годовичные курсы для педиатров, работающих в детских садах, меня зачислили студенткой педфака с 1 сентября. Мы вернулись домой счастливые: сейчас лето, до осени много времени: можно знакомиться с Москвой, побродить по городу. Больше всех обрадовался Дмитрий Дмитриевич. Жизнь не терпит пустоты: обед приготовить дело не долгое. А остальное время Марочка³ должна заниматься выборкой прилагательных и эпитетов в трудах Ленина. Институт Языкознания дал такую работу по изучению особенностей языка В.И. Ленина ему и Пастернаку. Марочка – ученица Д. Д. Бла-

не громкий шум от хозяйственных передраг Свирских и громогласных прекраний с прислугой... Из коридора постоянно раздаются в непристойной форме восклицанья Свирских и прислуги по поводу загрязнения уборной» (Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. Т. 3. С. 498–499).

¹ Экстер Александра Александровна (1882–1949) – художница, сценограф, педагог. Надежда Мандельштам брала в Киеве уроки живописи у нее.

² Погодинка – Погодинская ул. в Москве.

³ Марочка, Мара – сокращенное от Мариам имя Торбин. Здесь и ниже автор пишет о себе в третьем лице.

гого по гимназии и умеет четко и аккуратно работать, пусть возьмет карандаш, тетрадь, статью Ленина и выпишет, не пропуская, все метафоры и прилагательные, которые есть в ней; выписывать нужно столбиками и передавать Благому для анализа. Работать она будет во дворе под деревьями – сейчас лето.

Я поняла, что должна зарабатывать на пшеничную кашу, которой кормят меня Благие, много ее не есть; завтра я обязана пойти с Д.Д. в ЦЕКУБУ¹ за пайком, в котором будет крупа (пшено), мука, сахар, мясо, рыба – все это тащить самой, не позволяя таскать тяжести Д.Д.

– У него, Марочка, грыжа, – говорит Софья Рафаиловна, – и тяжести противопоказаны ему.

– Софья Рафаиловна, я хочу свои деньги иметь при себе, и тратить их на свои нужды, и не питаться одним пшеном.

– Вам Димочка не отдаст их. Он их спрятал на черный день, а вам их хранить негде, и они у вас пропадут.

– А где мои колечки и медальончик?

– А мы продали их Свирослому: у нас не было денег.

Наутро мы с Дмитрием Дмитриевичем пошли в ЦЕКУБУ, получили паек, и я по дороге не съела сырого мяса. Пакет я притащила, обед сварила, прибрала и ушла в ОНО² просить работу.

На лето меня отправили работать в детский дом для малышей, которым ведала Наталья Сенцова. Он помещался летом в Лосиноостровском, а зимой в Москве, на Солянке, 12, где был ВЦСПС³. Урегулировав свои дела, я вернулась и стала выписывать эпитеты для Благого. Также моей обязанностью было поддерживать деловые отношения Д.Д. Благого с В.Я. Брюсовым в качестве посыльного курьера. Мне 17 лет, я свободна. Меня можно гонять.

В левом крыле Дома Герцена Мандельштамы жили бурно. Жена Мандельштама, Надежда Яковлевна, изображала озорную девчонку, а была вздорной молодкой. Она всюду лезла довольно бесцеремонно, досаждала жильцам своими циничными замечаниями.

Помню ее разговор с Благой, которая предложила ей сообщать ночлег на одну ночь одному видному писателю, который не смог устроиться в гостинице. Благая обратилась к ней:

¹ ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

² ОНО – Отдел народного образования.

³ ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов.

– Давайте на одну ночь, по-волошински, устроим «мужикею» и «гинекею»¹, чтобы устроить нашего друга. Вы идите к нам ночевать, а мужчины к вам.

– Ничего не выйдет, я предпочитаю с Осиком спать, и чтобы он грел мое брюхо всю ночь.

Другой раз Надежда Яковлевна слышала мой горестный плач и рассказ о том, что какие-то выпившие мужчины схватили меня у дома Герцена и куда-то хотели тащить. Я с трудом вырвалась от них и вбежала в дом. Без разрешения, без стука, непростенная, она вскочила в комнату к Благим и спросила:

– А сколько они вам предлагали, Марочка?

Я расплакалась сильнее, а Благая пристыдила ее. На это Надя ответила:

– Интересно же знать, как оценивается Марочкина красота.

Благая попросила Надю удалиться. Спустя много десятилетий я узнала о том, что она часто вот так же шокировала и других, и особенно Ахматову, которую спрашивала: «А влюбленный в вас поклонник приглашал вас в свою постель спать с ним? И сколько денег он на вас истратил?».

Бывало, устраивалась она со своей подружкой Сусанной Мар² напротив окон общежития, и дуэтом они распевали скабрезные песенки:

– Хорошо тому живется, кто с молочницей живет, молочко он попивает, а молочницу... – дальше шли слова непечатные. Дело было летом к вечеру, и сейчас же захлопывалось венецианское окно Потапенко, а из дверей выскакивал Осип Эмильевич с криком:

– А Марочка, она тоже тут? Ей не место здесь!

Успокаивался тем, что Марочки нет, и она не слышала это вокальное выступление, хватал Надю за ворот, толкал ее в спину и тащил в

¹ Гинекей – женские покои в доме в Древней Греции.

² Поэтесса и переводчица Сусанна Георгиевна Чалхушьян (1900–1965). Под псевдонимом «Сусанна Мар» был издан ее сборник стихов «Абем» (М., 1922). См.: «А Сусанна взяла себе самого нищего мужа, Ивана Александровича Аксенова, умного и желчного человека, знатока кубизма и Шекспира. Она никогда его ничем не обидела, а жили они в комнате с потолком, подпертым балками, чтобы он не обрушился на голову. Яркая и болтливая Сусанна была одной из редкостных женщин, равнодушных к домостроительству и благополучию» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 164).

комнату. Он не любил непечатных слов. Надя размахивала руками, показывая, чтобы ее подружка убежала от яростного Оси. Поздно, Сусанна давно уже исчезла.

Еще одно развлечение подруг: тайком от Мандельштама убежать на Тверской бульвар к памятнику Пушкину. Это было место, где собирались студенты и пели песни, не обращая внимания на концерт из соседней оркестровой раковины. Подружки становились рядом и начинали запевку, были запевалами-«боярами»¹. Пели во весь голос, и песенка разносилась далеко:

*А на Тверском бульваре
Стоят бояре,
Они не скачут,
А просто плачут.*

*«Скажи нам, Саша,
Ты гордость наша,
Когда уйдут большевики».*

*И отвечает Саша:
«Не плачь ты, Паша,
Уйдут большевики:
Когда верблудица и фак
Станцуют краковяк».*

Осип Эмильевич, обнаружив побег, бросался к памятнику Пушкину отвлечь их от озорства, которое могло привести к большим неприятностям, и обычно появлялся, когда запев только начинался. Он хватал Надю за плечи, подталкивал в спину и гнал домой². Сусанна исчезала сама, зная, что под тяжелую руку Мандельштама лучше не попадать.

¹ Вероятно, имеется в виду народная игра-диалог между группой парней и девушек: «Бояре, а мы к вам пришли, молодые, а мы к вам пришли...» и далее.

² Н. Мандельштам писала: «В суровом человеке, с которым я очутилась с глазу на глаз на Тверском бульваре, я не узнавала беззаботного участника киевского карнавала. <...> Одну меня он не отпускал никуда, и я так и не увидела московского салона времен становления империи» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 141).

Сусанна прочно вошла в быт Мандельштамов без права на питание и ночлега тотчас по приезде из Ростова-на-Дону, где она была заправилкой литературной группы «ничевоков». Сусанна издала единственную небольшую книжечку своих стихов. Была хорошим поэтом и прекрасным переводчиком. Выпущенная ею в Ростове-на-Дону книжечка¹ не дала ни славы, ни денег, а лишь одно прозвище мадам Фла-грук, потому что в ней было стихотворение, посвященное Мариенго-фу, которое начиналось: «Выкину белый флаг рук»². Озорная веселая Сусанна горестно переживала то, что не сложилась у нее жизнь с [А.Б.] Мариенгофом. Ему нужна была деловая женщина, а Сусанна презирала домоводство, достаток и удобства жизни. Появлялась она в комнате Мандельштамов уже с утра и всегда в сверкающей чистотой белой блузке и аккуратно причесанная.

Хозяйства она не вела. Не было у нее ни чайника, ни стакана, ни сковородки, ни кастрюли. Не было даже тарелки, не оказалось, в чем замочить горчичники, когда Сусанна заболела пневмонией. Приходила к ней тогда врач С.Р. Благая, тоже не отличавшаяся домовитостью, прихватив меня с собой.

Жила она в одном из переулков Старого Арбата с другим бессребреником, величайшим знатоком литературы, кубизма, Шекспира – мужем Аксеновым³. Это был очень умный, остроумный и образованный человек, щедрый душой, но с пустым карманом. В почти пустой комнате Сусанны я увидела их ложе – большой стол, кровати не было. Из мебели – два стула. На подоконнике – две зубные щетки, мыло и зубной порошок, масса книг и журналов. Да еще бутылочка с чернилами. Больше ничего, кроме большого бревна, подпирающего готовый упасть потолок комнаты. Оно, как и подоконник, было выкрашено белой блестящей краской. Чистый пол блестел красной краской. Так она жила с мужем.

Сусанна была красива. Высокая ростом и, несмотря на короткие ноги, имела очень стройную фигуру. Крупная голова была всег-

¹ Единственная книжка Сусанны Мар была выпущена в Москве. См. прим. 2 на стр. 53.

² Из сборника, упомянутого в примечании 2 на стр. 53.

³ Аксенов Иван Александрович (1884–1935) – поэт, прозаик, переводчик, искусствовед. Его брак с Сусанной Мар был зарегистрирован только в 1925 году. Аксенов был одним из близких Мандельштаму людей. По данным справочника «Вся Москва» на 1923 год Аксенов жил у Пречистенки по адресу: Обухов переулок (ныне – Чистый переулок), д. 5, кв. 2.

да аккуратно причесана, и черные подстриженные волосы обрамляли мягкими кудрями ее классической красоты лицо. Черты лица Сусанны не гармонировали с ее озорными речами и умением дать резкую отповедь любому. Она постоянно говорила и не умела молчать, но даже Мандельштам слушал ее охотно, и ее болтовня не мешала ей сходить с людьми. Материально дела Сусанны были не блестящими, и безденежье нас объединило и сблизило. Деньги, которые я привезла, попали в цепкие руки Дмитрия Дмитриевича Благого, и я должна была довольствоваться скудным пропитанием в виде блюдечка пшенной каши без масла, которое подносила лично Софья Рафаиловна. Я от недоедания стала прихварывать и худеть.

Поиски заработка мы с Сусанной вели вместе. Она познакомила меня с Львом Иосифовичем Повицким¹, добрейшим человеком, который в то время пытался открыть театр в Камергерском переулке, рядом с МХТ'ом. Он тогда набирал штат, и нам с Сусанной была уготована служба официантками в театральном буфете. Мы с ней получили аванс и должны были сдать экзамен в профсоюзе официантов, который должен был выяснить нашу профпригодность. Нам достались вопросы: Сусанне – как готовить кофе по-турецки, а мне – по-варшавски. Экзамен мы не выдержали, но горевать нам не пришлось: театр тоже провалился, ибо актеры, набрав авансы, разбежались, и не было с кем ставить спектакли. Разорение Повицкого было полным. Но он не тужил, а бегал по знакомым и упрасивал их безвозмездно забрать стулья из арендованного им помещения театра: он не мог больше платить за наем его. И мы наблюдали, как по Тверской, начиная от Камергерского, тянулись люди со стульями в руках, на плечах, за спиной. Покончив с театром, Лев Иосифович решил уехать со своим другом Сергеем Есениным в Тулу к отцу и брату, а меня временно поселил в его комнате. Она находилась у Арбатской площади на стыке с Воздвиженкой. Дом, где он жил, имел вход с Б. Кисловского переуллка, у него с левой стороны стояло высокое здание с плакатом на крыше «Нигде кроме, как в Моссельпроме»², другой конец переуллка упирался в Большую Никитскую улицу многими ответвлениями.

¹ Повицкий Лев Иосифович (Осипович) (1885–1974) – журналист. Участвовал в революционном движении, член РСДРП. После Октября в партии не восстановился. Друг Сергея Есенина.

² Реклама в стиховой форме – «Нигде кроме, как в Моссельпроме», придуманная Маяковским, была помещена не на крыше, а на стене здания.

Жил Повицкий на верхнем этаже, над квартирой Книппер-Чеховой. В Туле родные Повицкого, отец и брат, управляли большим пивоваренным заводом, очень любили они Льва Иосифовича. Они сохранили кое-что от прежнего богатства и не жалели для него денег.

Четвертым жильцом левого корпуса общежития писателей был известный писатель-прозаик Потапенко Игнатий Николаевич. Игнатий Николаевич водил меня во МХТ на «Синюю птицу» и на другие спектакли вместе с его племянницей Марусей. Это был очень культурный, добрый, деликатный человек, который ко всем относился благодушно, никому не мешал жить. К 1921 году ему было 65 лет. Был высок ростом, красивые черты лица портила желтого цвета кожа с маленькими пятнами, вероятно, от больной печени. Ко мне был заботлив, а с остальными весьма корректен. Маруся дружила со мной и любила поговорить, Игнатий Николаевич нас слушал. Дома они бывали мало, на кухню не ходили совсем. По утрам «генеральша» приносила им воду, и процесс умывания проходил в комнате. Кроме меня, Потапенко ни с кем из жильцов не общался, и даже Надя не совала свой нос и язык к ним. Правда, за глаза она говорила, что Маруся Грушко ему не племянница, а любовница, что ей не 22 года, а 28 лет, и что она актриса погорелого театра. Я всегда жалела, что жизнь меня разлучила с Марусей. В 1943 году я встретилась с профессором Сендерихиным¹, который не мог забыть свою любовь к Марусе. Он сохранил ее фото. <...>

Появлялась Анастасия Ивановна Цветаева², недавно вернувшаяся из голодного Крыма. Она не могла найти работу. Анастасия Ивановна была прекрасная мать, она заботилась о сыне и всюду брала его с собой. Он был ухожен, бедно, но чисто одет. Сама Анастасия Ивановна приходила худенькая, ее чистое ситцевое платье было выглажено, поверх него надета шерстяная серая кофта, на голове вязаная шапочка, в руках тетрадь и карандаш. Андрюшу она доверяла Александру Эмильевичу³, а сама отправлялась к А.И. Свирскому для

¹ Возможно, Сендерихин Моисей-Исаак Абрамович (1893–1949), доктор медицинских наук (1942), профессор.

² Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) – писательница, мемуаристка, младшая сестра М.И. Цветаевой. К тому времени автор книг «Королевские размышления» (1915) и «Дым, дым и дым» (1916).

³ Брат поэта, А.Э. Мандельштам, появлялся в общежитии эпизодически, иногда останавливался у него на несколько дней по разрешению правления Сою-

переговоров о работе. Шура очень любил Андриюшу, но не мог подарить ему ни книгу, ни игрушку или даже купить одну конфетку. <...>

Когда у Осипа Эмильевича кончались деньги, он шел к Шенгели¹, который в то время сам нуждался и добывал средства на пропитание для семьи разрисовкой по трафарету женских косынок. Осип Эмильевич как-то узнавал день полочки у Шенгели, а Георгий Аркадьевич, не умея отказать, отдавал товарищу из последнего. Но берущий забывал отдавать долг. <...>

Камерный театр соседствует с домом Герцена на Тверском бульваре². Его сотрудником был живописец Георгий Яковлевич³ Якулов. Это был высокий, очень красивый брюнет. Якулов жил в лабиринте переулков между Патриаршими прудами и Большой Бронной⁴, на работу в Камерный театр шел проходным двором Дома Герцена по асфальтовой дорожке и подходил к окну комнаты Мандельштама, чтобы поговорить с ним. Как только подходил Якулов, Надя пробиралась к окну и, как зайчик, выглядывала из-за плеча мужа, а тот закрывал ее своей спиной. Тогда она передвигалась вправо, но муж ее отталкивал локтем: «Не мешай». Тогда Надя усаживалась на пол и, недосягаемая для Мандельштама, слушала интересный разговор⁵. <...>

Большие перемены ожидали меня в Москве, когда я в 1922 году к началу учебного года вернулась из Феодосии. Открылось студенческое общежитие, в первом переулке по Большой Никитской, направо от Манежной площади. Отведенный для нас дом находился против здания университета. Теперь я приходила в Дом Герцена к Благим уже гостем. В студенческом общежитии у меня было личное ме-

за писателей, см.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. Т. 3. С. 495–496.

¹ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт, переводчик, стиховед. В Москве жил с конца марта 1922 года.

² Ныне – Московский драматический театр им. А.С. Пушкина.

³ Правильно: Георгий Богданович Якулов (1884–1928).

⁴ Квартира и мастерская Г. Якулова были расположены в д. 10 по Большой Садовой улице (впоследствии этот дом под номером «302-бис» попал в роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, также жившего в этом здании в 1921–1924 гг.).

⁵ О встречах в этот период жизни в Доме Герцена Н. Мандельштам писала в воспоминаниях, называя в том числе Г.Б. Якулова и И.А. Аксенова, см.: Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 142.

сто, выданы были кровать и матрац, но подушка, одеяло и простыни мои давно уже стали достоянием Благих, поэтому пришлось просить маму прислать мне другие. Пройдет пара лет, я выйду замуж, придет ко мне Софья Рафаиловна и потребует, чтобы я заплатила ее домработнице за стирку моего белья, которым я уже давно не пользовалась. Прачка не получила от меня денег, а я не получила ни скатертей, ни простынь, ни подушки, ни одеяла. Я была молода и все простила, благо больше не нуждалась в благодеяниях Благих и не дала согласия на них даже тогда, когда в начале 1924 года выслушала угрозы Дмитрия Дмитриевича не покидать их и не ехать на работу в Архангельск. Я устала от такой жизни и хотела самостоятельности, даже ценой временного перерыва своего образования в пединституте.

Второй новостью для меня явилась перестройка левого крыла Дома Герцена, в результате которой Благие получили в нем большую, метров в 18, светлую комнату, оставив свои «кухонные апартаменты» Сергею Антоновичу Клычкову¹ – крестьянскому поэту и секретарю А.В. Луначарского. Хороший заботливый хозяин – комендант общежития А.И. Свирский – пустые прихожие перестроил под жилища. Были заколочены двери на черный двор, дрова стали приносить в дом через окно в кухню, а освободившиеся помещения использовали под жилье. Коридор против главного входа был узок и имел окно. Здесь поселили всегда болящего, возлежавшего на топчане в каморке с окном, ехидно улыбавшегося, занудливого и едкого Дмитрия Шепеленко², который с насмешкой относился к приходя-

¹ Клычков Сергей Антонович (1889–1937) – поэт и прозаик, автор романов «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира». Был в дружеских отношениях с Мандельштамом и соседствовал с ним в Доме Герцена в 1922–1923 и 1932–1933 гг., а затем в писательском доме в Нащокинском переулке. Расстрелян. В январе или феврале 1922 г. устроился на работу литературным секретарем отдела прозы в журнале «Красная новь», которым руководил А.К. Воронский; также был штатным сотрудником редакции издательства «Круг» (см.: Солнцева Н.М. Биографическая хроника // Клычков С.А. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 634).

² Шепеленко Дмитрий Иванович (1897–1972) – поэт и художник, автор сборника стихотворений в прозе «Прозрения» (1-е изд. – Тифлис, 1920; 2-е изд. – М., 1925). В 1922–1923 годах был соседом Мандельштама по Дому Герцена. Назван в шуточном стихотворении «Поэту море по коленки...» (1923), см.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб., 2017. Т. 1. С. 320 и прим. С. 644–645. См. также его подпись в

щей в общежитие Вере Михайловне Инбер, за глаза, пакостно улыбаясь, говорил: «Опять Верунчик приходила». От окна отходил другой коридор, углом к первому, без окон, темный, в котором Свирский после ремонта приказал поселить И.М. Соколова-Микитова и М. М. Пришвина. <...>

Я сохранила книгу, подаренную мне Соколовым-Микитовым с дарственной надписью, говорящей о том, что он помнит меня нежно и трогательно. В то время он был моим постоянным защитником от грубых речей Сергея Антоновича Клычкова; услышав их, выходил из своей клетушки, молча брал под руку выпившего Клычкова, отводил его в «прикухонные апартаменты» и укладывал спать. К слову сказать, лет через 15 мы с Клычковым случайно встретились у метро «Кропоткинская». Тих был он, скромен и уважителен.

Событием для левого крыла Дома Герцена стало появление Бориса Михайловича Зубакина¹. Невысокого роста, тонкий, хрупкий, изящный, он более был похож на фарфоровую статуэтку пажа герцогини, чем на философа, историка, литературоведа. Был он человеком весьма образованным и умным. Он был настолько обаятелен, что даже Благая не жалела для него, всегда голодного, тарелки пшенной каши. Застенчивый Борис Михайлович стеснялся принимать такое угощение и лишь после долгих уговоров опустошал миску и благодарил Софью Рафаиловну изысканно-вежливо. Привлекали всех к нему его корректность, скромность и талант к рисованию и импровизации. Небольшие руки с тонкими пальцами гармонировали с его внешним обликом. Когда он импровизировал, то держал их за поясом черной толстовки, которую носил вместо пиджака летом.

Квартира его находилась на 6-м этаже большого благоустроенного дома на стыке Большого Знаменского переулка с Антипьевским.

заявлении Мандельштама в Правление Всероссийского Союза Писателей от 13 декабря 1922 г., вместе с подписями Б. Зубакина и В. Парнаха (Там же. Т. 3. С. 496).

¹ Зубакин Борис Михайлович (1894–1938, расстрелян) – поэт, археолог, импровизатор. В описываемое время, осенью 1922 года, вернулся в Москву, вступил во Всероссийский Союз Писателей, был принят на преподавательскую должность в Московский археологический институт. В декабре 1922 года арестован по обвинению в создании антисоветской организации (освобожден в феврале 1923 года). В дальнейшем друг А.И. Цветаевой. Подробнее см.: <https://writers.aonb.ru/zubakin-b.m.html>. О его подписи в качестве соседа О. Мандельштама по общежитию см. предшеств. прим.

Жена Зубакина отличалась большим своеобразием. Вероятно, она была психически не совсем нормальна. Одержимая манией преследования, эта высокая миловидная женщина боялась одна ходить по улицам, и ее приходилось провожать домой, чаще всего мне. Ходила она на все литературные вечера и собрания, хорошо одетая, в большой шляпе, но никогда не бывала вместе с мужем и на его вечера не ходила. Однажды летом я ее провожала в 11 часов ночи. Шли молча. На углу Большого Знаменского переулка нас нагнал Борис Михайлович. Он был усталым и бледным. Проводив жену, он не пожелал отпускать девушку одну и пошел меня провожать, опять пешком.

Обаяние Бориса Михайловича было велико, а сплетни о том, что он лазутчик в Союзе Писателей от ГПУ, нами не воспринимались. Мы смеялись, когда он отбрил двух сплетников, сказав им: «Вы умаляете мои заслуги: я не простой доносчик, а крупный там начальник. У меня на Лубянке большой отдельный кабинет с охраной. Приглашаю вас туда». Сплетники прикусили языки. Помню его выступление в 1922 году в левом крыле Дома Герцена. Все живущие в общности и гости собрались на кухне, расхватили стулья «генеральши» и уселись. Принесли стулья и из своих комнат. Остальные уселись на подоконнике или стояли, Мандельштамы остались у себя в комнате при открытых дверях. Плитку покрыли газетами и сверху простыней, превратив в импровизированный стол. За ним усадили меня, чтобы я записывала слова, которые слушатели называли для импровизации. Но записывать оказалось не нужно. Слова быстро посыпались, как дождевые капли, я не успевала, а Зубакин их моментально запоминал и использовал в рифмованных строках.

К Зубакину Мандельштам относился прохладно и называл его пуштозвоном.

Борис Михайлович Зубакин любил стихи разных поэтов, часто их читал, но особо почитал творчество Осипа Эмилевича Мандельштама, разыскивая даже его неопубликованные произведения. От Бориса Михайловича я узнала, что в начале 1920 года О.Э., готовя к печати «Антологию старофранцузского эпоса» для издательства «Всемирная литература», включил туда отрывок из «Сыновей Аймона», переведенный на русский язык, он был впервые опубликован в альманахе «Наши дни» № 3 за 1923 год¹. Зубакин прочитал нам его полностью.

¹ В 1923 году «Сыновья Аймона» публиковались три раза, в том числе в издании, указанном Торбин. Работа Мандельштама над переводом велась в пер-

Все стихи О.Э. Мандельштама он знал наизусть и часто их декламировал нам. Он кротко относился к равнодушию Осипа Эмильевича, ибо был незлобив, независтлив и любил лишь прекрасное. Мандельштам при встречах только вежливо отвечал на приветствия Зубакина, и этим заканчивалось их общение. <...>

Он [В.Я. Парнах] был очень некрасив: маленького роста, худой, даже хилый. Весь какой-то плоский, казался немощным. Да и лицо его было малопривлекательным: мелкие черты лица не освещались светом глаз небольших, зеленовато-мутных, с белесыми ресницами. Бесцветны были и брови. Желтая кожа лица и рук была покрыта крупными веснушками. Был он очень вежлив и молчалив¹. Дружбы у нас с ним не получилось. В 1960-е годы, когда я встретилась вновь с Елизаветой Яковлевной Тараховской² в Коктебеле, она меня уверяла, что я нравилась ее брату Валентину. Вероятно, это было фантастическое желание сказать мне приятное. Со мной Валентин Яковлевич был вежлив и не искал встреч. <...>

В 1922 году по каким-то делам своим Д.Д. Благой меня направил к С.Я. Парнок³. Ее большой друг Эрарская⁴ сообщила мне адрес: одна из улиц на Тверской-Ямской, справа, ближе к Садовому коль-

вой половине 1922 года (не в 1920 году, как пишет Торбин). Будучи знаком с поэтом, Б. Зубакин мог знать текст от него самого.

¹ Торбин могла видеть В. Парнаха в Доме Герцена, в котором тот по протекции Мандельштама некоторое время ночевал: 30 августа 1922 г. он писал А. Ремизову в Берлин: «Сейчас сплю на скамье в Союзе Писателей: Тверской бульвар, 25, где меня на несколько дней устроил О.Э. Мандельштам. Мой адрес пока: Софии Яковлевне Парнок-Волькенштейн, 4-я Тверская-Ямская, 8, кв. 3. Москва» (Нерлер П.М. Осип Мандельштам и Америка. М., 2012. С. 39–40). Валентин Яковлевич Парнах (Парнох; 1891–1951) – поэт, прозаик, переводчик, хореограф. Создатель первого в России джазового ансамбля. О контакте О. Мандельштама с В. Парнахом в 1922 году в Доме Герцена см. также: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской. М., 2014. С. 232 (6 авг.). 9 августа Парнах подарил Мандельштаму свою выпешшую в Париже книгу.

² Тараховская Е.Я. (урожд. Парнох; 1891–1968) – сестра В.Я. Парнаха, писательница.

³ София Яковлевна Парнок (1885–1932; настоящая фамилия Парнох) – поэтесса, литературный критик и переводчик.

⁴ Эрарская Людмила Владимировна (1890–1964), актриса.

цу¹. Занимала она с подругой большую светлую четырехугольную комнату, которая не отличалась уютом: был большой стол для работы, две кровати, тахта, шкаф для белья, стулья. Воспитанные в богатой обстановке подруги остались равнодушными к жизненным удобствам и занимались лишь большим делом: одна математикой², другая литературой, и их стол по ночам освещался лишь электролампой, привешенной к потолку на шнуре без абажура. Настольные лампы тоже не имели абажуров. Так они и жили³. <...>

С Сергеем Митрофановичем Городецким⁴ я познакомилась в 1922 году. Поздняя весна. Тепло. Полдень. Все разошлись. Я одна в доме, в комнате Потапенко. Сажусь у открытого окна и повторяю учебный материал, завтра сдаю экзамен по нему и срочно должна повторить весь курс. Рядом с книгами лежат три бублика – мой обед, рука моя продета в дырку четвертого бублика, от которого я понемногу откусываю. Стук открываемой входной двери. Вероятно, кто-то прошел со стороны Большой Бронной. Опять открывается входная дверь, оттуда выходит высокий длинноногий человек и направляется мимо меня на Тверской бульвар, но останавливается у окна, где я сижу, и спрашивает:

– Не знаете ли, куда подевались Мандельштамы и скоро ли они будут дома?

Я рассмеялась: очень забавен был этот длинноносый человек, который с вождением посмотрел на мои бублики.

¹ Торбин правильно указывает улицу, на которой жила С. Парнок. См. примечание 1 на стр. 62.

² Упоминая математику, Торбин имеет в виду другую подругу С. Парнок, О.Н. Цубербиллер (1885–1975), ученую-математика.

³ В это время отношения С. Парнок и О. Мандельштама не были дружественными, см. в записи дневника Л.В. Горнунга за 30 августа 1923 года: «Он (Н. Бернер) сейчас живет на первом этаже правого флигеля “Дома Герцена” на Тверском бульваре в доме № 25, а О. Мандельштам с женой живет в левом крыле этого дома, тоже на первом этаже. Бернер с ними встречается и дружит. Вот почему он предложил в наш кружок кандидатуру О. Мандельштама, но С. Парнок резко ее отклонила, ссылаясь на то, что у нее с Мандельштамом была ссора, и она не хочет с ним встречаться» (Летопись жизни и творчества О. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской. М., 2014. С. 256).

⁴ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – поэт, один из двоих (наряду с Н.С. Гумилевым) руководителей первого «Цеха поэтов», со времени которого велась его дружба с Мандельштамом.

– К сожалению, они не доложили мне об этом.

– Так вы доложите им о том, что я был у них, – рассмеялся длинноносый.

– Кто вы?

– Конокрад. Присмотрел тут лошадку и хочу увести ее.

– У нас нет ни конюшен, ни лошадок, и нечего красть.

– А вы? Ждите, появлюсь и украду.

– А сейчас мне не мешайте готовиться к экзамену.

– Да, дело серьезное, – сказал незнакомец, поклонился и исчез в калитке.

Когда вернулись Мандельштамы, я им сказала, что у них был высокий худой гость, назвавшись конокрадом.

– Это был Городецкий, – рассмеялся Осип Эмильевич.

Потом Надежда Яковлевна говорила, что при встречах Городецкий справлялся, куда исчезла черноокая насмешливая девушка с таким звонким смехом. Много лет я не встречалась с Городецким. Жизнь меня бросала в разные города, я вышла замуж, родила сына, окончила вузы и аспирантуру и вновь вернулась в Москву.

МАНДЕЛЬШТАМ И «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОСОБНЯК» (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)¹

«Литературный особняк»² – одно из многочисленных писательских сообществ, возникших в пореволюционное время. Этому объединению посвящены работы Е.Д. Гринько³. В своих статьях Гринько основывается, в основном, на материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Автор же предлагаемой читателю статьи хотел бы ввести в оборот данные о ЛО из Центрального государственного архива города Москвы (ГБУ ЦГА Москвы), имеющие отношение к Осипу Мандельштаму.

Как пишет Е.Д. Гринько, «в кружок объединились те, кто открыто заявил о желании сохранить чистоту русского языка и о своей прямой связи с традициями русской классической литературы... Первоначально кружок существовал в качестве секции классической и неоклассической поэзии при Всероссийском союзе поэтов (СОПО...) ... Однако деятельность союза с шумными застольями его членов на Тверской, 18⁴, драками поэтов различных направлений и откровенным эпатажем не устраивала неоклассиков, и с мая 1919 г. секция перешла к московской литературной “Среде”⁵, а с 5 декаб-

¹ Статья впервые опубликована в журнале «Rhema. Рема». 2020. № 4. С. 163–190.

² В дальнейшем упоминается как ЛО.

³ Гринько Е.Д. Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк». 1919–1930 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 3; Гринько Е.Д. «Литературный особняк» (1919–1929 гг.) как общественная организация // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. 16 декабря 2000. М., 2001; Гринько Е.Д. Судьба объединения поэтов и критиков «Литературный особняк» (1919–1929 гг.) // Проблемы отечественной истории. Вып. 7. М., 2002. Е.Д. Гринько является автором статьи «Литературный особняк» в «Мандельштамовской энциклопедии»: Мандельштамовская энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 313.

⁴ Имеется в виду располагавшееся в ныне не существующем доме кафе Союза поэтов.

⁵ «Среду» возглавлял Юлий Алексеевич Бунин, брат покинувшего Москву еще в мае 1918 г. И.А. Бунина. Иван Бунин значился «почетным председателем» секции [ЦГА Москвы. Ф. Л. –244 (Линьков А. П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 7].

ря¹ “Литературный особняк” существовал уже как самостоятельное объединение. <...> Председателем “Литературного особняка” стал писатель Олег Леонидов (Олег Леонидович Шиманский), секретарем – поэт Александр Мареев, а с начала весны 1921 г. – поэт Варвара Бутягина»². В материалах ЛО, относящихся к 1922 г., которые будут приведены ниже, секретарем ЛО выступает по большей части поэт Н.Н. Захаров-Мэнский³. В 1922 г. он составил очерк деятельности ЛО за прошедшее время (сохраняем, как и в последующих случаях, особенности написания в рукописи – не исправляя ошибок, не ставя отсутствующие знаки препинания и т. п.):

«Коллектив поэтов и критиков – “Литературный особняк”. Очерк работы коллектива с 8 февраля 1919 года⁴ по [пробел] 1922 года ([пробел] собраний) составлен по поручению Правления коллектива членом правления и секретарем Н.Н. Захаровым-Мэнским, под редакцией Правления с приложением устава коллектива»⁵.

¹ По «очерку работы коллектива», составленному Н. Захаровым-Мэнским, с 15. 12. 1919 г. (ЦГА Москвы. Ф. Л. –244 (Линьков А. П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 5).

² Гринько Е.Д. Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк». 1919–1930 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 68–69.

³ «Захаров-Мэнский (Захаров) Николай Николаевич (1895–1942) – поэт, критик. <...> В 1917 выпустил дебютный сборник стихов “Черная роза”. В первой половине 1918-го становится заметной фигурой на фоне многоликой литературной жизни Москвы. <...> С дек. 1918 года активнейший участник литературных мероприятий, проводимых только что созданным ВСП [Всероссийским союзом поэтов – Л. В.]. Отрицательно относясь к крайним поэтическим течениям (имажинизм, экспрессионизм и т. п.), выступил одним из основателей секции классической и неоклассической поэзии при ВСП и общества поэтов и критиков “Литературный особняк”» (Дроздов В. А. *Dim spigo sprego*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 669). Захаров-Мэнский дважды арестовывался. Умер в заключении. Подробнее о нем см. : Соболев А.Л. Летейская библиотека: биографические очерки. Т. 1. М., 2013. С. 125–137.

⁴ 8 февраля 1919 г. – дата образования секции классической и неоклассической поэзии при Всероссийском союзе поэтов.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. Л. –244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 2.

Имея в виду 1919 г., Захаров-Мэнский вспоминает в этом документе: «...среди шумно галдящих голосов умирающего футуризма и барабанного боя нараждающегося имажинизма, царивших в только что окрылившемся Всероссийском Союзе Поэтов, нам, немногим поэтам-лирикам, поклонникам чистого, настоящего и вечного искусства, так жгуче захотелось своего маленького интимного кружка, где бы мы могли уйдя от шумихи и гвалта модных деятелей посвятить свои досуги [нрзб] занятиям поэзией»¹. Еще в 1919 г., пишет Захаров-Мэнский, «секцией был составлен сборник» (но напечатать его не удалось)². Преобразовавшись из секции «Среды» в самостоятельное литературное общество, члены «коллектива» наименовали его ЛО. Название, по свидетельству Захарова-Мэнского, было предложено поэтом М.П. Гальпериным³. «Этим наименованием учредители, по их словам, “хотели отметить стремление стать особняком от всякого не имеющего ничего общего с литературою галдежа и срама, выносимых на подмостки кафе и др. подобных учреждений для остатков буржуазии и спекулянтов” (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 22. Ед. хр. 57. Л. 25)»⁴.

ЛО был объединением с нечетко выраженными принципами. В сущности, оно возникло в первую очередь на основе отталкивания от того, что члены будущего «коллектива» не принимали в современной поэзии, но не благодаря тому, что они хотели и могли заявить сами – своей самостоятельной яркой программы не имелось. Не принимались крайности имажинизма и футуризма, но то, что провозглашалось, не предлагало увлекающую перспективу. Расплывчатое утверждение, что содержание должно находиться в строгом сочетании с «законченной» формой⁵, объявленное главным принципом поэтики, достаточно банально, чтобы его можно было посчитать чем-то новым. Заявление о желании следовать классической традиции также неизбежно порождало вопросы о том, что, собственно, надо считать классической традицией, с какого времени «тради-

¹ Там же. Л. 1.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 669.

⁵ Гринько Е.Д. Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк». 1919–1930 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 69.

цию» можно рассматривать как классическую и когда она перестает быть таковой. Поэтому под одной крышей ЛО оказались и неоклассики, и натуралисты, и символисты, и те, кто называл себя акмеистами, и неоромантики... Показателен состав почетных членов секции в 1919 г.: «К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Минский, Д. Ратгауз, Т. Щепкина-Куперник»¹ (почетным председателем, как указывалось выше, был провозглашен И. Бунин). «Первонач. в общество входили 47 чел., – сообщает Е.Д. Гринько, – в т. ч. К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, В.И. Иванов, Ю.К. Балтрушайтис...»². Имя Балтрушайтиса в качестве члена объединения в 1919 г. называет в своем «очерке работы коллектива» и Захаров-Мэнский³. ЛО собирался по средам. Читались стихи, слушались доклады. После выступлений проходили обсуждения. Сохранился «Список поэтов, выступавших в заседаниях “Лит. Особняка” с 8 февр. 1919 г. по 17 мая 1921 г. с чтением циклов или книг стихов», подписанный председателем ЛО Олегом Леонидовым⁴ («Москва Арбат, Денежный, 12, кв. 7») ⁵. В этом списке 103 имени, и среди них – А. Кусиков, В. Шершеневич, К. Бальмонт, Вяч. Ива-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л.–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 7.

² Гринько Е.Д. «Литературный особняк» // Мандельштамовская энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 313.

³ ЦГА Москвы. Ф. Л.–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 7.

⁴ «Леонидов Олег (Шиманский Олег Леонидович, 1893–1951) – поэт, прозаик, драматург, сценарист. Один из основателей и первый председатель правления общества поэтов и критиков “Литературный особняк” (1919–1920), вел борьбу с ВСП [Всероссийским союзом поэтов – Л. В.] в период господства в нем имажинистов и Брюсова. Дебютировал как поэт сборником “Стихи” (М., 1914), который переиздал в 1918-м. Затем вышла книга стихов “На бледном шелке” (Пг., 1921)» (Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 662).

⁵ ГАРФ. Ф. А–2306. ОП. 22. Д. 57. Л. 28 и 28об. На этот документ ссылается Е.Д. Гринько в своей статье: Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк». 1919–1930 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 69. К этому же архивному делу, указывая на листы 22–28, обращается и В. А. Дроздов: «С 8 февр. 1919 по 17 мая 1921 года было проведено 134 собрания. Большинство посвящалось докладам, иллюстрируемым стихами. Доклады прочитано 76. С чтением циклов или книги стихов выступили 103 поэта...» (Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 669).

нов, Р. Ивнев и – под номером 97 – «О. Мандельштам». Но говорить о серьезном участии в делах ЛО поэтических мэтров не приходится. Здесь были и объективные причины – кто-то, как справедливо замечает Е.Д. Гринько, эмигрировал, кто-то уехал из Москвы, кто-то скончался. «И в “Литературном особняке” остались менее известные, но по-своему талантливые и своеобразные поэты...»¹. Несомненно, но все же приходится констатировать, что в целом, как организация, ЛО запоминающимся «лица необщим выраженьем» не отличался.

Тем не менее активность общества была достаточно высокой. Надо отметить, что в первый период своей деятельности ЛО получал государственные субсидии (о чем свидетельствуют, например, цитируемые ниже «Сведения о суммах, полученных “Литособняком” от Наркомпроса»). В январе 1922 г. был опубликован «Альманах “Литературного особняка” № 1», в 1929 ЛО выпустил свой второй сборник («Литературный особняк. Второй сборник. Стихи»). Члены ЛО издавали свои книги. «Важным моментом в их [членов ЛО – Л. В.] деятельности была организация конкурсов с премиями “для побуждения к творчеству беднейших поэтов”, бесплатных курсов иностранных языков, дешевой столовой»². Требовались деньги. «С 1927 г. при нем [при ЛО – Л. В.] существовало бюро “Литос”, торговавшее календарями, значками и т. п. Средства были необходимы объединению для издательской деятельности, для организации денежных премий за лучшие стихи и переводы, для поддержания работы дешевой столовой, для аренды помещений»³. А устраивал свои вечера ЛО в разных местах Москвы нередко, начиная с начала марта 1919 г., когда состоялось первое публичное выступление еще секции классической и неоклассической поэзии на эстраде клуба Всероссийского союза поэтов⁴.

¹ Гринько Е.Д. Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк». 1919–1930 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 69.

² Гринько Е.Д. «Литературный особняк» (1919–1929 гг.) как общественная организация // Российская государственность XX века. Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. 16 декабря 2000. М., 2001. С. 163.

³ Гринько Е.Д. Судьба объединения поэтов и критиков «Литературный особняк» (1919–1929 гг.) // Проблемы отечественной истории. Вып. 7. М., 2002. С. 163–164.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. Л.–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 4.

«2 апреля 1929 г. постановлением НКВД¹ “Литературный особняк” ликвидировался. Пункт 2 этого постановления гласил: “Общество лишено какого-либо общественного значения”. Вину “Литературному особняку” ставилось отсутствие средств на свою деятельность, что противоречило действительности. Есть жалоба “Литературного особняка” от 15 марта 1929 г. в связи с обложением его “промысловым налогом из расчета 10,8 % с оборота”. Таким образом, организацию, с одной стороны, облагали налогом, с другой – запрещали “из-за отсутствия средств”»². По мнению НКВД, ко времени закрытия ЛО представлял собой частное предприятие (в течение некоторого времени доход ЛО давала и продажа пива), существующее под вывеской литературного объединения. В вину ЛО также ставилось, как ни удивительно, то, что председателем общества с 1923 по 1929 г. избирался один и тот же человек – поэт В.П. Федоров: недемократично!

Теперь обратимся к материалам, которые свидетельствуют об отношениях Осипа Мандельштама и ЛО. В Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы) имеется фонд коллекционера и краеведа А.П. Линькова. Один из разделов фонда представляет собой собрание документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского.

Итак, первый документ (рукопись):

«Сведения о суммах, полученных “Литособняком” от Наркомпроса»

[подчеркнуто в источнике – Л. В.]

[Далее на этом же листе указаны суммы «прихода» и «расхода». В разделе «расход», в частности, указано:]

«Жалование поэтам и критикам (список № 2) – 835000 руб.».

[На обороте этого же листа (лист 3об) имеется запись:]

«Не выдано по списку № 2»

[Ниже перечислены имена литераторов. Среди них, в частности:]

«Р. Ивневу – 10000 руб.

<...>

Ос. Мандельштам – 5000 руб.

Эренбург – 5000 руб.

¹ Очевидно, имеется в виду НКВД РСФСР, существовавший с 8 ноября 1917-го по 31 декабря 1930 г.

² Гринько Е.Д. Судьба объединения поэтов и критиков «Литературный особняк» (1919–1929 гг.) // Проблемы отечественной истории. Вып. 7. М., 2002. С. 170.

Ф. Сологуб – 5000 руб.

<...>

Итого 120000 руб.»

[Ниже на листе Зоб :]

«Сто тридцать две тысячи шестьсот рублей получил 22 сентября 1921 г. от казначея Литособняка П. И. Карамышева (Вагина)¹ Н. Минаев²»³.

Кроме 120000 рублей, не выданных поэтам и критикам, имелся еще остаток в 12600 рублей. Поэтому Минаев и получил от казначея 132600 руб.

Сопоставив эту информацию о Мандельштаме с упомянутым выше списком «поэтов, выступавших в заседаниях “Лит. Особняка”», можно предположить, что не полученные по какой-то причине 5000 рублей причитались поэту за чтение им своих стихов (вполне возможно, сопровождаемых и неким сообщением или докладом) на одном

¹ «Карамышев (псевд. Вагин П.) Петр Иванович (1877–1926) – критик, беллетрист. <...> В 1920 году вступил... в “Литературный особняк”, выступал там, как правило, с докладами о творчестве своих коллег Манухиной, Кугушевой и др.» (Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 707–708). Расстрелян в 1926 г. в связи с бывшим сотрудничеством с охранным отделением: см. комментарий А.Л. Соболева к стихотворению Н.Н. Минаева «Записка» («Нет, невозможно слушать на ночь...») в книге: Минаев Н.Н. *Нежнее неба*. М., 2014.

² «Минаев Николай Николаевич (1893–1967) – поэт. Окончил Московское театральное училище и до 1922 года состоял в балетной труппе ГАБТ. <...> Активный участник литературной жизни Москвы в первые послереволюционные годы. Член обществ “Литературный особняк”, «Литературное звено», «Никитинские субботники». Входил в группы поэтов-неоклассиков и московских поэтов-акмеистов. Избирался в правление «Литературного особняка» (1921)...» (Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 695). В 1926 г. был опубликован его сборник стихов «Прохлада». Впервые был арестован в 1929 г., находился в заключении также в 1944–1945 и 1953–1955 гг. См. о нем: «Тюремный сонет» Николая Минаева // Соболев А.Л. *Страннолюбский перебарщивает; Сконапель истоар* (Летейская библиотека. Т. 2). М., 2013. С. 213–216; Соболев А.Л. *Биографический очерк* // Минаев Н.Н. *Нежнее неба. Собрание стихотворений*. М., 2014.

³ ЦГА Москвы. Фонд Л–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 619. Документы общества «Литературный особняк». Л. 3 и Зоб.

из собраний ЛО. Когда это могло быть? Список О. Леонидова фиксирует выступления с 8 февраля 1919 по 17 мая 1921 г. Документ, сообщаемый о суммах, полученных ЛО от Наркомпроса, датирован 22 сентября 1921 г. В 1919 г., до 19 февраля (в этот день он уже был в Харькове) Мандельштам уехал из Москвы. Далее – Харьков, Киев, Крым, Батум, Тифлис, Ростов-на-Дону. В Москве он снова оказывается не ранее 3 октября 1920 г., но уже около 6 октября он в Петрограде. С октября 1920-го по март 1921 г. – Петроград, но во второй половине марта или в конце месяца Мандельштам приезжает в Москву. 28 марта он на собрании ЛО слушает стихи поэта Т.Г. Мачтета, чьи дневниковые записи будут цитироваться ниже в данной статье. 7 апреля Мандельштам уехал из Москвы в Киев, к будущей жене. 20 апреля Осип и Надежда Мандельштам уже в Петрограде (по дороге из Киева на север они недолгое время провели в Москве). В середине мая 1921 г. (предположительно в субботу, 14 или 21 мая) Осип и Надежда Мандельштам уехали из Москвы, где они на какое-то время остановились, прибыв из Петрограда, на юг, в Тифлис. Вернулись они с юга в Москву только во второй половине марта 1922 г.¹

Маловероятно, чтобы Мандельштам выступал в ЛО (тогда еще фактически не ЛО, а секция «классиков» и «неоклассиков») в 1919 году: «Регулярные исполнительские собрания, – свидетельствует Н. Захаров-Мэнский, – начались с 16 февраля 1919 г.»². Как раз в это время, в середине февраля, Мандельштам покинул Москву. Наиболее вероятным временем, когда могло состояться выступление Мандельштама в ЛО, представляется весна 1921 г. Во-первых, некоторые его «отношения» с ЛО в этот период прослеживаются: он, как отмечено выше, слушает стихи одного из активных членов ЛО Т.Г. Мачтета³; выступление самого Мандельштама вызывает

¹ См.: Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Приложение. Летопись жизни и творчества. Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской. М., 2014.

² ЦГА Москвы. Ф. Л.-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 539. Л. 4.

³ Мачтет Тарас Григорьевич (1891–1942) – поэт. В 1926 г. вышел единственный его сборник стихов «Коркин луг». С 1918 г. «становится активным участником многочисленных литературных мероприятий в Москве и Рязани» (Дроздов В. А. Дневник Т.Г. Мачтета: второстепенное и главное // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 115–116). Оставил чрезвычайно интересный дневник (находится в

восторженную реакцию у поэтов ЛО Н.П. Кугушевой¹ и Н.Н. Минаева:

«Из “Звена”² я пошел в Союз <поэтов> [имеется в виду кафе Союза поэтов на Тверской улице в доме 18 – Л. В.] <...> На днях в Кафе читал О. Мандельштам, второй божок моих современников после Пастернака.

– Вот как надо писать, – захлебывается от восторга мой друг Минаев.

– Прелестные стихи, – вторит Кугушева.

Его “Камень” произвел в поэзии переворот, как и “Поверх барьеров” все того же Пастернака. Увы, я не понимаю обоих (НИОР РГБ. Ф. 162. Карт. 7. Ед. хр. 2. Л. 36об – 37об)»³. Запись в дневнике Т.Г. Мачтета сделана 31 марта 1921 г. (четверг).

Во-вторых, и список поэтов, выступавших на заседаниях ЛО, подписанный О. Леонидовым, и документ, где сообщается о деньгах, не выплаченных за выступления, датируются 1921 годом. Обратим внимание на то, что в списке Леонидова имя Мандельштама упомянуто под номером 97 (из 103 перечисленных имен). Это позволяет пред-

отделе рукописей РГБ), многие страницы которого посвящены событиям литературной жизни Москвы послереволюционного времени. Обширные выдержки из дневника Т. Мачтета содержатся в книге: Дроздов В. А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014 (раздел «“Так жили поэты...” Шершеневич и мир литературной Москвы в дневнике Тараса Мачтета»).

¹ «Кугушева Наталья Петровна (1899–1964) – поэтесса, активнейшая участница литературных мероприятий, проводимых московскими и рязанскими поэтами в первые послереволюционные годы. О ней см. : Соболев А.Л. Биографический очерк // Кугушева Н.П. Проржавленные дни: Собрание стихотворений.... М., 2011» (Дроздов В.А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 663). См. также: Соболев А.Л. Летейская библиотека: Биографические очерки. Т. 1. М., 2013. С. 220–233. После высылки в 1941 г. в Казахстан мужа-немца последовала за ним. В 1942 г. ее муж был арестован, в 1943 умер в заключении. Жила в Карагандинской области до 1956 г., затем в Малоярославце.

² Литературное общество.

³ Мачтет Т.Г. Дневник. Цит. по: Дроздов В.А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 349–350. В указании на источник в цитируемой книге опечатка: вместо «Л. 36об – 37об» должно быть «Л. 37–37об».

положить, что выступление Мандельштама состоялось незадолго до времени составления списка (17 мая 1921 г.). Мандельштам, как сказано выше, уехал из Москвы 7 апреля 1921 г. (пробыв в столице небольшое время: от как минимум примерно десяти дней до двадцати), и после этого до второй половины марта 1922 г. бывал в Москве только проездом (что, конечно, не исключает все же возможности его выступления в ЛО в эти дни). Примем во внимание и публикацию Н. Захарова-Мэнского «Литературная Москва (Письмо из Москвы)» в газете «Накануне» (Берлин), в номере от 17 мая, но следующего, 1922 года: «Этот дом носит название – “Дома Герцена”, а помещается здесь Всероссийский союз Писателей. <...> В задней комнате огромный, окруженный стульями стол, покрытый красным сукном, несколько кресел... <...> За этим столом собирается литературная Москва. По понедельникам – исполнительные собрания Союза писателей; по средам – “Литературный Особняк”, по четвергам – “Звено”; – по пятницам – правление союза... <...> Читают здесь, наезжая в Москву и питерцы – покойные А. Блок и Н. Гумилев поделились своими последними стихами, читали К.И. Чуковский, О.Э. Мандельштам...»¹. Речь в заметке Захарова-Мэнского идет, очевидно, не о событиях последних дней, а о жизни «Дома Герцена» вообще («Дом Герцена» стал литературным центром Москвы в 1920 году, когда часть усадьбы, в которой родился Герцен, была передана в распоряжение писателей).

Следующие ниже цитируемые тексты из попавших в ЦГА Москвы документов Н. Захарова-Мэнского относятся к 1922 г.

Приводим текст одного из протоколов «исполнительного собрания» ЛО²:

«Протокол № 32

Исполнительного Собрания Литературного Особняка от 14 июня 1922 года

Слушали

¹ Накануне (Берлин), № 42 (17 мая 1922 г.). С. 5.

² В оригинале протоколы ЛО написаны в два столбца: один под заголовком «Слушали», другой под заголовком «Высказывались» или «Постановили». В настоящей публикации помещаем сведения о высказывавшихся непосредственно под упоминаниями о тех выступлениях, к которым относились их высказывания.

1. Марианна Ямпольская¹

Книга стихов: “Нерукотворная Явь”

Высказывались

Я.Н. Полонский, Глушков, Акерин, Вас. Федоров, Ф.И. Коган, О.Э. Мандельштам.

Ответное слово М. Н. Ямпольской

2. Н. Захаров-Мэнский

Поэма о прошедшем.

[Высказывались]

Вас. Федоров, Левонтин, Арго, Акерин, Глушков, Я. Полонский, Шишов.

Ответное слово Н.Н. Захарова-Мэнского.

3. Сусанна Укше²

стихи.

¹ «Ямпольская Марианна (псевдоним Яковлевой Марии Николаевны; 1891 – вскоре после 30 апр. 1960) – поэтесса. В мае 1919-го стала членом общества поэтов и прозаиков “Литературный особняк”, активно участвовала в его работе, на заседаниях не только читала стихи, но выступала с докладами. <...> В 1939-м была арестована» (Дроздов В.А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 764–765). Стихи ее трижды печатались в литературных альманахах (все – в 1922 г.). В первом браке замужем за Н.А. Адуевым (см. ниже). После заключения в лагере долгое время пребывала в ссылке в Сибири. О ней см. : Соболев А.Л. *Летейская библиотека: Биографические очерки*. Т. 1. М., 2013. С. 445–464.

² Укше Сусанна Альфонсовна (1885–1945), поэтесса, криминалист. Давала в дореволюционное время уроки иностранных языков Л.М. Рейснер и ее брату. Возможно, У. была знакома с Мандельштамом еще в те годы – Л.М. Рейснер входила в круг его общения, в 1916 г. Мандельштам печатался в журн. «Рудин», фактическим редактором которого была Лариса Рейснер. Сама Укше писала стихи и считала себя акмеисткой. В 1923 г. был создан московский Кабинет по изучению личности преступника и преступности, а в 1925 на его основе – Государственный институт по изучению преступности и преступника (ГИИП), в работе которого Укше активно участвовала, опубликовала ряд своих работ на соответствующие темы. Неоднократно встречалась с Мандельштамом на заседаниях ЛО. В декабре 1922 г. просила Мандельштама возглавить группу акмеистов-москвичей, на предложение он ответил отказом (См. : Богомолов Н.А. К изучению литературной жизни 1920-х годов // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–96).

[Высказывались]

Э.Е. Левонтин, Глушков, Полонский, Федоров.

Ответное слово С.А. Укше.

4. В.А. Акерин¹

Стихи.

(не член Литособняка)»

[Высказывались]

Арго, Левонтин, Вас. Федоров, Захаров-Мэнский.

Ответное слово В.А. Акерин.

[Ниже – подписи председателя и секретаря и дата:]

«14/ VI 1922.

М.»²

На этом же заседании ЛО, 14 июня 1922 г., в его члены был принят Георгий Шенгели (см. лист 32 того же архивного дела). Через неделю он будет читать в ЛО свои стихи. Мандельштам на том заседании тоже был:

«Протокол № 34.

Исполнительного Собрания членов «Литературного Особняка» 21 июня 1922 года. Москва. Союз Писателей.

Председатель В.П. Федоров

Секретарь Н.Н. Захаров-Мэнский

При жизни Укше было напечатано всего несколько ее стихотворений в коллективных сборниках. Немка по паспорту (отец латыш, мать немка), она во время Великой Отечественной войны была выслана в Башкирию, откуда переехала в Алма-Ату, где и скончалась. Соч. : Укше С.А. «Стихов серебряные звенья...». Сборник стихотворений. М., 2007. В книгу вошел и биографический очерк Е.В. Алехиной «Мой путь был труден и жесток...».

¹ Имеется в виду Виктор Абрамович Якерин – поэт и прозаик. См. примечание А.Л. Соболева к стихотворению Н.Н. Минаева «Татарин / Якерин...» в книге: Минаев Н.Н. Нежнее неба. Собрание стихотворений. . М., 2014.

² ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 33. Рукопись.

Заслушали

1. Арго¹. Франсуа Вильен [оба слова зачеркнуты] Ряд переводов из неизвестного автора XV века, посвященных Франсуа Вильен

Высказывались

С. Укше, О. Мандельштам, Э. Левонтин, Н. Зархи, В. Федоров, Сильвинский [так!],

Ответное слово Арго

2. М. Э. Нетропов².

Стихи

[Высказывались]

Г. Дешкин, Э. Диксон, В. Федоров, Э. Миндлин, М. Ройзман;

Ответное слово М.Э. Нетропова

3. Г. А. Шенгели³

Вступление к поэме «Наль»

Поэму. «Поручик Мертвецов».-

¹ «Арго (Гольденберг Абрам Маркович, 1897–1968) – поэт-сатирик, драматург, переводчик, либреттист. <...> В 1918-м в Москве принимает участие в вечерах авторского чтения “Живые альманахи” в кафе “Музыкальная табакерка”. С открытием кафе ВСП [Всероссийского союза поэтов (Тверская ул., 18) – Л. В.] стал одним из самых активных участников проводимых там литературных мероприятий. В 1921 году вступил в общество поэтов и критиков “Литературный особняк”... Избирался членом правления общества. О бурной художественной жизни послереволюционных лет написал книгу “Своими глазами” (1965)...» (Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 663)

² «Нетропов Максим (Портен Максим Эрнестович, 1886–1937) – поэт, беллетрист, драматург. <...> Член ВСП со дня его основания. Один из учредителей общества поэтов и критиков “Литературный особняк”. В 1922-м вышел в свет его сборник стихов “Сноп лучей”..., вторая книга стихов “Извечные шумы” увидела свет в 1930-м» (Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 668). В 1937 г. расстрелян.

³ «Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт, переводчик, стиховед. Включается в литературную жизнь Москвы в самом начале 1922 года уже известным поэтом, издавшим 10 сборников стихов, автором теоретической книги “Трактат о русском стихе”... Выступает с докладами и чтением стихов на литературных вечерах ВСП и Всероссийского союза писателей, на заседаниях “Никитинских субботников” и “Литературного особняка”...» (Дрозд-

[Высказывались]

В. Федоров, Н. Зархи, Глушков, Арго, Сильвинский [так!], Э. Диксон, Галицкий.

Реплики: Арго, В. Федоров.

Ответное слово Г.А. Шенгели

Председатель [подпись – Вас. Федоров]

Секретарь [подпись – Н. Захаров-Мэнский]

21 – VI – 1922 – М.»¹

Вполне понятно, почему в обсуждении переводов, которые представил на заседании ЛО Арго, принял участие Мандельштам: Франсуа Вийон был одним из наиболее значимых для него поэтов, одним из его «вечных спутников». Однако что именно читал Арго, неясно. За разъяснением автор данной работы обратился к специалисту по французской литературе, Елене Викторовне Ключевой, которой выражает горячую благодарность за помощь. Полученный ответ на запрос таков: Вийон стал персонажем «*Repues franchises*» (1480). «*Repues franchises*» – «бесплатные трапезы» (речь идет о том, как поест, ничего не заплатив); это небольшая поэма из нескольких частей. В первой части Вийон и его товарищи пытаются хитроумно, обманным путём, раздобыть еду (хлеб, мясо, рыбу, вино), изобретая всякие проделки. Авторство совершенно напрасно приписывалось Вийону. Перед нами не сочинение Вийона, а отражение легенды о нем.

ков В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 767). 12 февраля 1922 г. Шенгели читал свои произведения на собрании «Никитинских субботников» (Молодяков В. Э. Георгий Шенгели: биография. 1894–1956. М., 2017. С. 179). Но тогда он еще в Москве не жил. В. Перельмутер сообщает, что Шенгели поселился в Москве 22 марта 1922 г. (Перельмутер В. Г. О стихах и о жизни Георгия Шенгели // Шенгели Г. А. Избранное. М., 2013. С. 21). В. Молодяков относит начало московской жизни поэта на несколько дней позднее: «28 марта 1922 г. Шенгели приехал в Москву не в командировку, а жить и работать – как оказалось, насовсем» ((Молодяков В. Э. Георгий Шенгели: биография. 1894–1956. М., 2017. С. 181–182).

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 36. Рукопись.

Арго Вийона переводил. Ряд его переводов хранится в его фонде в РГАЛИ¹. Они датируются второй половиной 1950-х гг., но, весьма вероятно, работу над переводами из Вийона Арго начал гораздо раньше.

Отметим, что заседание ЛО, о котором идет речь, упомянуто с предположительной (и теперь можно утверждать – неверной) датировкой в «Литературной жизни России 1920-х годов»:

«Авг., 23 (?) [1922 – Л. В.], Москва

Собрание “Литературного особняка”.

Выступают Арго (переводы Ф. Вийона), М. Нетропов (стихи) и Г. Шенгели (поэмы “Поручик Мертвецов” и “Нечаев”). Состоялся обмен мнениями.

ЛП № 15. С. 12; Россия. № 1. С. 32»².

В качестве источников в процитированном тексте из «Литературной жизни России 1920-х годов» указаны «Литературное приложение» к берлинской газете «Накануне» («ЛП») и журнал «Россия». Первый номер «России» вышел в августе 1922 г., что, видимо, послужило основанием для предположения, что и собрание ЛО состоялось в этом месяце. В «России» в разделе «Литературная хроника» говорится следующее: «В “Литературном особняке” за последнее время состоялись вечера Вас. Федорова (переводы из Э. По), Мандельштама [еще одно указание на то, что Мандельштам выступал в ЛО – Л. В.], Шенгели (поэма “Нечаев”). Ряд своих стихотворений прочли В. Бушегина [очевидно, речь идет о поэтессе В. Бутягиной], С. Укше, В. Мони́на, Э. Левантин [правильно – Э. Левонтин]. Новые пьесы прочли Я. Апушкин (“Возвращение Дон-Жуана”), Н. Зарх [правильно – Н. Зархи] (“Моисей”), Файко, И. Кордес, Марсий [?] и др.»³. «Литературное приложение» к «Накануне» № 15 появилось 27 августа 1922 г. Хотя Франсуа Вийон превратился в этой публикации курьезным образом в никому не известного автора, а заседание ЛО названо «последним», что никак не соответствует действительности,

¹ РГАЛИ. Ф. 1784. Оп. 1. Ед. хр. 161.

² Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921–1922. М., 2005. С. 500–501.

³ Россия. 1922. № 1. С. 32.

о произведениях, которые читал 21 июня 1922 г. Г. Шенгели, сообщено верно: «– На последнем заседании “Литературного Особняка” читали Арго (переводы Франца Випона), М. Нетропов – стих. и Георгий Шенгели – поэма “Поручик Мертвецов” и поэма “Наль”. После чтения состоялся традиционный “обмен мнений”»¹. «Драматическая поэма» Г. Шенгели «Нечаев» была написана в 1919–1920 гг. и была уже опубликована². Но читал Шенгели на заседании ЛО 21 июня 1922 г., судя по протоколу, другие свои сочинения. Поэма «Поручик Мертвецов» (1919–1921) была опубликована в московском журнале «Красная новь» (1922, № 5). Поэма «Наль» не была закончена. Вступление писалось как раз в то время, когда Шенгели и читал его в ЛО – летом 1922 г. Первая глава датируется «<1922 – III. 1924>»³ и заканчивается упоминанием Мандельштама: «... Ну что же: дальше, там, – / Свежей, отрадней будет вдвое. / Тому порукой – все святое. / Даю аванс, как... Мандельштам»⁴.

Мандельштам и Шенгели связывало знакомство с мая 1917 г. Близкие отношения сохранялись и в 1920-е, и в 1930-е гг. Шенгели считал Мандельштама одним из самых значимых современных поэтов, о чем не раз говорил публично. Одно из таких высказываний отразилось в дневнике Т. Мачтета (запись от 2 мая 1922 г):

«– Ну, а не знаете, как Ходасевич доволен своей все возрастающей славой? – спрашиваю М<инаева> – ведь на вечере Осипа Мандельштама Шенгели сказал, что считает в России поэтами трех: Ахматову, Ходасевича и Мандельштама. Да, в Союзе писателей как-то это сказал, издеваясь над имажинистами, Георгий Шенгели. <...> Помню в среду на страстной мы <нрзб> смеялись над этим...»⁵.

Пасха в 1922 г. была 16 апреля (по н. ст.). Страстная неделя – с 10 по 15 апреля. Вечер Мандельштама состоялся во Всероссийском союзе писателей (в Доме Герцена) 10 апреля (что зафиксировано в

¹ Литературное приложение № 15 к газете «Накануне» (к № 118). 27 августа 1922 г. С. 12.

² Молодяков В.Э. Георгий Шенгели: биография. 1894–1956. М., 2017. С. 176.

³ Шенгели Г. А. Стихотворения и поэмы. Т. 2. М., 2017. С. 658.

⁴ Там же. С. 478. Но приведенные строки первой главы поэмы, как показано в комментариях к поэме в цитируемом издании, созданы, может быть, не в 1922 г., а позднее.

⁵ Дневник Т.Г. Мачтета. Цитируется по: Дроздов В.А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 767.

дневнике литературоведа И.Н. Розанова; вечер должен был состояться 27 марта, но, как записал Розанов, «Нет света. Заседания не было»¹. Таким образом, есть все основания полагать, что слова Шенгели о «трех поэтах» в России были произнесены 10 апреля 1922 г.

Значительность поэзии Г. Шенгели была быстро понята членами ЛО. Вступив в ЛО, как было сказано выше, 14 июня, он уже 30 августа 1922 г. был избран председателем правления общества².

Через неделю после того, как Мандельштам принял участие в обсуждении переводов то ли из Вийона, то ли из сочинения, где упоминается Вийон, состоялось заседание правления ЛО (28 июня 1922 г.), в определенной мере посвященное самому Мандельштаму. Обсуждаемые вопросы отразил «Протокол № 36»:

«Слушали:

<...>

2. О заметке относительно одного из вечеров «Литературного Особняка» появившейся в «Накануне»

Постановили:

<...>

Предложить секретарю направить [последнее слово зачеркнуто и над ним написано «составить»] в «Накануне» письмо [нрзб; предпо-

¹ Галушкин А. Ю. Из разысканий об О.Э. Мандельштаме // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4. Полумтом 1. М., 2008. С. 174.

² ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 87. Хроника литературной жизни России отмечает избрание Шенгели председателем ЛО со ссылкой на другой архивный документ:

«Авг., 30 [1922 – Л. В.]; Москва

Общее собрание “Литературного особняка”. Переизбирается правление: Г. Шенгели (пред.)... <...> “Правлению было поручено к следующему общему собранию составить план реорганизации коллектива... Правление постановило воздержаться от приема новых членов в течение месяца”; планируется перерегистрация членов объединения. <...>. Бюл. “Литературного особняка” [№ 1] // ГЛМ [Государственный литературный музей]. 383. 1. 314 [номер архивного документа – Л. В.]» (Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921–1922. М., 2005. С. 510).

ложительно: «осведомить» или «освещающее»] неправильную информацию хроникера

<...>

[тот же документ, лист 41об:]

5. О приглашении в члены Кружка О.Э. Мандельштама.

[Постановили:]

Просить О.Э. Мандельштама войти в число членов Кружка

<...>»¹.

(Мандельштама в ЛО ценили, хотели, чтобы он был членом объединения, его стихи вызывали интерес. В планах ЛО предполагался специальный доклад, посвященный его творчеству:

«Протокол № 67 5-го Заседания Правления “Литературного Особняка” от 17 сентября 1922 года. М.

<...>

Заслушали:

<...>

2. О работе «Л. О.»

Постановили:

<...>

Утвердить доклады, посвященные творчеству поэтов...

[и далее, среди прочих имен:]

Мандельштама...»²).

Второй же пункт протокола № 36, зафиксировавшего решения правления ЛО, принятые 28 июня 1922 г., имеет отношение, как будет доказано ниже, к информации, появившейся на странице 11 в «Литературном приложении» № 8 к берлинской газете «Накануне» (приложение к номеру газеты 68). Литературное приложение вы-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Л. 41–41об. Рукопись.

² ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Л. 94.

шло в свет в воскресенье 18 июня 1922 г. Под заголовком «Московская хроника» было помещено, в частности, такое сообщение: «На последнем заседании Литературного Особняка читал стихи О. Мандельштам, произведший на слушателей исключительное впечатление. По общему мнению последние стихи Мандельштама изумительное явление в современной русской литературе, аналогичное только разве прозе Андрея Белого»¹. «Московская хроника» продолжается в «Литературном приложении» на странице 12 и подписана «Б». Что означает «Б», автору данной статьи неизвестно, но то, что характеристика вечера Мандельштама принадлежит перу Эмилия Миндлина, можно, на основании приводимых ниже свидетельств, утверждать определенно.

Во-первых, среди бумаг Н. Захарова-Мэнского, отложившихся в фонде А.П. Линькова в ЦГА Москвы, имеется такой документ:

«В ред. газеты “Накануне”

№ 6/а

12/VII 1922

М.

Предложение [нрзб] хронике

Самим.

– Опровержение заметки Миндлина о вечере О.Э. Мандельштама в Лит. Особняке.

секретарь [подпись Н. Захарова-Мэнского]»²

Этот текст представляет собой, судя по всему, черновую запись, сделанную «для себя», как памятка, секретарем ЛО Н. Захаровым-Мэнским. Запись несомненно связана с выше процитированным протоколом № 36 от 28 июня 1922 г. Но в бумагах Захарова-Мэнского имеется и протокол № 38, датированный тем же 28-м июня:

¹ Сообщение о вечере Мандельштама в ЛО процитировано в хронике «Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография»: Т. 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921–1922. М., 2005. С. 418. Вечер состоялся 24 мая 1922 г.

² ЦГА Москвы. Ф. Л–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 619. Документы общества «Литературный особняк». Л. 32. Рукопись.

«Протокол № 38

Экстренного Общего Собрания членов “Литературного Особняка” от 28 июня 1922 года.

Помещение Союза Писателей.

Председательствует Э.Е. Левонтин. Секретарь Н.Н. Захаров-Мэнский. Присутствуют: Левонтин, Федоров, Савицкая, Захаров-Мэнский, Полонский, Ройзман, Миндлин, Нетропов, Пресман, Фридман, Оленин, Мачтет, Укше, Кугушева, Дешкин, Вагин, Минаев, Апушкин, Лада-Руставелли, Сильвинский [так!], Кочергин.

Слушали:

1. Заявление В.П. Федорова о недопустимом поведении во время сегодняшнего исполнительного собрания члена “Л. О.” тов. Миндлина не подчинившегося требованию председателя коллектива. Тов. Федоров требует исключения из членов Э.Л. Миндлина. Тов. Миндлин выдвигает вопрос о некорректном ведении собрания председателем. Тов. Сильвинский [так!] предлагает условное исключение ссылаясь на истерию и нервность тов. Миндлина. Предложение Э.Е. Левонтина¹: В отношении заметки в “Накануне” утвердить протокол Правления № 36, § 2². В отношении поведения тов. Миндлина: Поставить ему на вид его поступок, указать ему что он оскорбляя председателя [два последних слова зачеркнуты – Л. В.] не подчиняясь распоряжению председателя оскорбляет организацию и поставить ему на вид что впо [«впо» зачеркнуто – Л. В.] повторение подобного случая заставит правление поставить правление вопрос об исключении тов. Миндлина из членов “Особняка”. Тов. Оленин³ предлагает выразить тов. Минд-

¹ «Левонтин Эзра Ефимович (1891–1968) – поэт, критик, переводчик. <...> В Киеве издана книжка стихов “Рыцарь Верный” <1918>. С 1921 (окт.) – член правления “Литературного особняка”. С июля 1922-го тов. председателя “Литературного особняка” (Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 769). В 1928 г. опубликовал книгу стихов «Фелука». Подробнее о нем: Соболев А.Л. Летейская библиотека: Биографические очерки. Т. 1. М., 2013. С. 234–238. .

² См. приведенную выше часть текста протокола № 36.

³ «Оленин Александр Борисович (1897–1962) – актер Камерного театра, впоследствии режиссер. Писал стихи, читал их в кафе Союза поэтов, один из авторов коллективного сборника “Явь” и антологии “Поэзия большевистских дней” (1921, Берлин). Блестяще читал на вечерах стихи Есенина» (Дрозд-

лину общественное порицание. Тов. Миндлин свое предложение снимает

Постановили:

- 1) Принять (бол. 8 гол.) предложение тов. Левонтина
- 2) Утвердить § 2 протокола правления № 36»¹.

Эмилий Миндлин² был принят в члены ЛО 7 июня 1922 г.³, незадолго до того дня, когда состоялись собрания правления и членов ЛО, обсуждавшие заметку о вечере Мандельштама. В это время Миндлин работал в московской редакции берлинской газеты «Накануне»⁴, в «Литературном приложении» к этой газете и появилась его заметка.

Что, собственно, могло вызвать столь бурную реакцию на заметку Миндлина в ЛО? Ответить на этот вопрос помогает дневник Т.Г. Мачтета. Он написал о конфликте в ЛО, отразившемся в протоколах, которые приведены выше: «Москва 1922 год 30 июня пятница

ков В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 658). Вероятно, именно он, «Оленин А.», собиравший опубликовать свои стихи под заголовками «Ожерелье Наины» и «Дон Кихот» (см.: Тименчик Р., Гельперин Ю. Теневой портрет русской поэзии // Турчинский Л.М. Русская поэзия XX века. Материалы для библиографии. М., 2013. С. 139).

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Л. 43–43об. Рукопись.

² Миндлин Эмилий Львович (1900–1981) – журналист, прозаик, мемуарист. В 1955 г. был арестован за «антисоветские» высказывания, в 1955–1956 гг. находился в заключении. Автор книги воспоминаний «Необыкновенные собеседники» (первое издание – 1968; второе – 1979), одна из глав которой посвящена Мандельштаму. Познакомился с Мандельштамом летом 1919 г. в Крыму. Любовь к поэзии Мандельштама сохранил на протяжении всей последующей жизни, о чем свидетельствует его дневник, хранящийся в архиве ИМЛИ им. А. М. Горького (см.: Видгоф Л.М. Дневник Эмилия Миндлина // Видгоф Л.М. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018. С. 33–44).

³ ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Оп. 1. Дело 620. Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 28.

⁴ «Я был литературным секретарем этой ... редакции [имеется в виду московская редакция «Накануне» – Л. В.] и московским корреспондентом «Накануне»» (Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С. 117).

<...> В “Особняке” третьего дня снова очередной ералаш и бенефис В. Федорова¹, напавшего на Э. Миндлина! <...> ... В.П.² придравшись уже грозит ему исключением и читает нашумевшую его Заметку об об [последнее слово зачеркнуто – Л. В.] Особняке в “Накануне” где он сообщил что “вечер Мандельштама в нем, прошел блестяще, на самом же деле о нем никто не высказался почти что”³.

Т. Мачтет присутствовал на самом вечере Мандельштама (он состоялся в ЦДРПИ, Центральном доме работников просвещения и искусств – Леонтьевский переулок, д. 4) и оставил его описание в дневнике⁴. Дневниковая запись сделана 25 мая 1922 г., в четверг, на следующий день после очередной «среды» ЛО, где и выступал Мандельштам. В извлечениях из дневника Мачтета в книге В.А. Дроздова («Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014 – раздел «“Так жили поэты...” Шершеневич и мир литературной Москвы в дневнике Тараса Мачтета») эта запись не приводится. Рукопись Мачтета читается с трудом, некоторые слова разобрать не удалось.

«Читал стихи Мандельштам и публики набралось полный зал. Я уже третий раз⁵ слышу этого самого сейчас у нас поэта популярного. Он

¹ Федоров Василий Павлович (1883–1942) – поэт, переводчик. В 1920-х печатался в коллективных сборниках, в частности, в «Альманахе “Литературного особняка”. № 1» (М., 1922) и «Литературный альманах. Второй сборник. Стихи» (М., 1929). Составлял рукописные сборники своих стихов (в 1921 г. создал рукописную книгу «Мумии» – издана в 2001 г.). «В работе “Литературного особняка” Федоров принимал участие с момента его основания» (Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 457). В августе 1921 г. был избран председателем ЛО. Был руководителем ЛО в течение почти всего времени существования объединения. В 1941 г. арестован, умер в заключении. О нем: Жизнь и смерть дерзко-поэта Василия Федорова // Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 450–461.

² В.П. Федоров.

³ Мачтет Т.Г. Дневник. Отдел рукописей РГБ. Ф. 162. Картон 8. Ед. хр. 5. Л. 24, 27 и 32об.

⁴ Мачтет Т.Г. Дневник. Отдел рукописей РГБ. Ф. 162. Картон 8. Ед. хр. 4. Л. 61об, 62–62 об, 63. Рукопись. Чернила и местами карандаш.

⁵ Можно с уверенностью сказать, когда Т. Мачтет слушал поэтическое чтение Мандельштама до этого: первый раз в 1921 г. доме Союза поэтов (Тверская,

уезжал куда то исчезал на целый год и вернувшись начал читать стихи и выступать на вечерах.

Он сильно опустил ся обрюзг, ходит небритый, подвыпивши, усталый!!

Читал он свои не самые лучшие стихи.

Однако Мареев¹ польстил ему по окончании его выступления “хотя [нрзб] слушанью таких прекрасных стихов говорить не хочется, сказал все таки предлагаю желающим взять слово”.

Однако говорили мало, а больше слушали благоговейно его почитатели.

Читает он стоя, взявшись за спинку стула, и читает очень плохо как и [нрзб; предположительно: «все»] нараспев и даже полузакрыв глаза. “Является ли эта ваша манера обычной спросил его один из гостей или следствие вашего сегодняшнего [слово «сегодняшнего» зачеркнуто] в данный момент настроения?”

Поэт ответил витиевато и запутанно и из ответа мы поняли что он читает “по вдохновению”.

“Не хотите ли вы высказаться о стихах Мандельштама” сделал Мареев предложение Федорову.

“О нет, отказался этот последний на этот раз После стихов О. М. как то не хочется [нрзб; предположительно: «много»] говорить, ведь это не стихи какой-то Кутушевой” вырвалось у него. Как раз перед этим [вероятно, на предыдущем собрании ЛО – Л. В.] читала стихи Наташа и он даже похвалил ее [нрзб; «отметив»?] некоторые достижения и вдруг такая отповедь.

Н.П. разобиделась и впала в меланхолию из-за грубости поэта.

Вообще вчера Федоров оказался героем вечера.

18) – выше была приведена его дневниковая запись от 31 марта 1921 г. ; второй раз – в «Доме Герцена» 10 апреля 1922 г., когда Г. Шенгели сказал о трех поэтах, которых он считает наиболее значимыми в России (см. выше процитированную запись в дневнике Мачтета от 2 мая 1922 г.).

¹ «Мареев Александр Яковлевич (1890-е – не ранее 1964) – поэт. Свою первую книгу “Рабиада. Поэма” (1919) выпустил в имажинистском издательстве “Чихи-Пихи” и начал выступать на эстраде кафе ВСП [Всероссийского союза поэтов – Л. В.]... <...> Не будучи любителем выступать с эстрады, перенес свою деятельность в “Литературный особняк” и “Звено”. Избирался в состав правления ВСП (1920) и правления “Литературного особняка” (1921) <...> В этом же году [1921 – Л. В.] вышла в свет вторая, и последняя, книга его стихов “Кованный ковш”» (Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 677).

<...>

Конечно, в сравнении с таким поэтом как Мандельштам она [нрзб]! не сдавался наш критик».

Авторитарный Федоров набросился на Миндлина, но общему желанию членов ЛО привлечь Мандельштама в объединение это никак не противоречило: пункт 5 выше процитированного протокола № 36 и говорит о приглашении Мандельштама «в члены Кружка» (имеется в виду, несомненно, ЛО). Предложение, очевидно, действительно было сделано: в бумагах Н. Захарова-Мэнского имеется и такой документ (рукопись):

«Копия [подчеркнуто в тексте – Л. В.]

5 июля 1922 г.

№ 3/а

О.Э. Мандельштаму

В заседании от 28/июн с г

Правление “Л. О” постановило просить Вас вступить в число членов коллектива

[нрзб] / председатель П. Вагин

и. о. секрет. [подпись Н. Захарова-Мэнского]»¹.

28 июня присутствие Мандельштама на заседании ЛО не отмечено, почему, видимо, ему и сделано было приглашение стать членом объединения 5 июля – в этот день он на собрании ЛО был:

«Протокол № 40 исполнительного заседания «Литературного Особняка» от 5 июля 1922 года. М. Союз Писателей

Слушали:

<...>

2. 1ый акт «Жирофле-Жирофля» Арго и Н. Адуева². (вступительное слово Н.А. Адуева, Пьесу читают поочередно Арго и Н. Адуев.

¹ ЦГА Москвы. Фонд Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 619. Л. 35.

² Адуев (Рабинович) Николай Альфредович (1895–1950) – поэт, фельетонист, автор либретто музыкальных комедий. В начале 1920-х гг. был членом «Литературного особняка». Позднее Адуев вспоминал об этом в стихотворении «Прощанье»: «Акмеисты, слегка пострадав от огня, / Производство ямба

Перерыв.

3. 2-ой акт «Жирофле-Жирофля».

Высказывались:

<...>

Жуков, Сильвинский [так!], Глушков, Ярославский, Мандельштам, Ярославский [так – второе упоминание], Кочергин, Акерин, Левонтин, Оленин, Захаров-Мэнский, Мандельштам [так – вторично], Апушкин, Федоров, Чичерин

Ответное слово Н.А. Адуева. Ответное слово Арго.

[Ниже – написано и зачеркнуто:]

Отрывок [нрзб] акт «Жирофле-Жирофля»

Председатель [подпись – Вас. Федоров]

Секретарь [подпись – Н. Захаров-Мэнский]»¹.

«Жирофле-Жирофля» в оригинале – оперетта-буффонада на музыку Шарля Лекока. Либретто написали А. Ванлоо и Ж. Летьерье. Премьера состоялась в 1874 г. Н. Адуев и Арго создали, на основе оригинального, свое либретто. Стихотворный текст Адуева и Арго не оставил Мандельштама равнодушным (как свидетельствует протокол заседания, Мандельштам дважды высказывался во время его обсуждения). Либретто 1922 г. сохранилось и находится в фонде Н. Адуева в РГАЛИ². Мандельштам не любил театра, где господствует быт, где главным считается жизненное «правдоподобие». Кроме

снова налаживали. / Как мокрица от сырости, завелся “Особняк” / (Каюсь публично – и я в него хаживал).» (Бизнес: Сборник Литературного Центра Конструктивистов. М., 1929. С. 92). В 1925 г. стал членом объединения «Литературный центр конструктивистов». Об отношении Адуева и Мандельштама см. : Мец А.Г., Видгоф Л.М. Заметки к биографии О. Мандельштама (по архиву С.К. Вишневецкой) // Toronto Slavic Quarterly (Academic Electronic Journal in Slavic Studies) # 65, Summer 2018.

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 45. Рукопись.

² РГАЛИ. Ф. 1847. Оп. 1. Ед. хр. 6. Адуев Н.А., Арго А.М. «Жирофле-Жирофля». Либретто для оперетты Ш. Лекока и радиокомпозиция. Машинопись с правкой Н.А. Адуева. Крайние даты: 1922, 1930-е гг.

того, ему был близок театр, в котором на первом плане стоит слово (см. очерк «Яхонтов», 1927). Либретто Адуева и Арго предопределяет постановку в виде эксцентрического театрального действия. Оно насыщено анахронизмами и комически перефразированными цитатами из русской литературы: «Болеро: – Они целуются. На Шипке все спокойно. Аврора: – С ума вы сошли. Какая еще там Шипка. Болеро: – Понятия не имею. Должно быть в тексте ошибка»; «Болеро: – Ради бога, в каком мы театре. Аврора: – В Камерном. Ничтожество. Болеро: – А по паузе я думал в Художественном»; «Мурзук: – Довольно. С вами я горжусь своим разрывом»; «Болеро: – <...> Вы сняли с нас губительные путы. Какая честь для нас, для всей Руси. Вчерашний раб, татарин зять Ма... Тыфу ты...»¹. Текст Адуева и Арго стал литературной основой для феерического спектакля Камерного театра. Пьесу поставил А. Я. Таиров, художником постановки был Г. Б. Якулов. Премьера состоялась 3 октября 1922 г. Спектакль шел с большим успехом как в России, так и за рубежом. «Весь спектакль, – пишет К. Н. Державин, – представлял фейерверк сценических внезапностей, калейдоскоп неожиданных мизансцен, живую цепь театральных трюков...»². С. В. Яблоновский характеризовал «Жирофле-Жирофля» в статье о гастролях Камерного театра в Париже так: «Оперетта превратилась в арлекинаду. <...> На сцену врывается толпа, которая и есть хозяин спектакля... Все они веселы, все они ловки, одеты в ирреальные, но стильные и очень красивые по тонам костюмы. <...> Ни одной секунды они не остаются на месте, избегают на лестницы, сбегают с них, группируются на них, лазают вверх и вниз по гладким столбам – акробаты, обезьяны, “смехачи”... Спектакль имел огромный успех»³.

19 июля 1922 г. Мандельштам снова присутствовал и выступал на заседании ЛО:

«Протокол № 44 Заседания Правления «Литературного Особняка». 19 июля 1922 года. М. Союз Писателей.

<...>

¹ Там же. С. 28, 79, 92, 95–96.

² Державин К. Н. Книга о Камерном театре. 1914–1934. Л., 1934. С. 124.

³ Яблоновский С. В. Московский Камерный театр // Последние новости. Париж, 9 марта 1923 г. (цитируется по: Советский театр. Документы и материалы. 1917–1967. Л., 1975. С. 248–249).

Слушали:

<...>

2. О сборнике «Литособняк»

Постановили:

<...>

Приступить к собиранию рукописей. В [зачеркнуто] редакционную комиссию назначить Мандельштама, Зархи¹ и Сильвинского² [так]. Редакционная комиссия должна быть утверждена общим собранием.

3. Информация О.Э. Мандельштама о помещениях занимаемых Союзом Писателей.

[Постановили:]

На основании того, что Дом Герцена предоставлен всем Литорганизациям во главе с Союзом Писателей постановили: тов. Сильвинскому [так!] И. Л. и Шенгели Г. А. обратиться в Союз Писателей от имени Правления Л. О. и просить правление С. П. приглашать с правом решающего голоса представителя правления «Л. О.» при решении всех вопросов связанных с делами дома и работающих в нем литорганизаций.

Председательствует [подпись – Эзра Левонтин]

Секретарь Захаров-Мэнский»³

¹ «Зархи Натан Абрамович (Гуревич Исаак Абрамович, 1900–1935) – драматург и киносценарист. В автобиографии, написанной в 1922 году, в частности, указал: “<...> с 1919 г. занимаюсь историко-литературной и поэтической работой. Состою членом в ряде литературных организаций: “Литературный особняк”, “Никитинские субботники”, “Современники”, “Московская ассоциация драматургов” (Дроздов В.А. *Dum spiro spero*. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 768–769).

² Сильвинский Илья Львович (1899–1968) – поэт, прозаик, драматург. Автор сборников стихов, поэтической эпопеи «Уялаевщина» (1923–1924), романа в стихах «Пушторг» (1927–1928), поэтических трагедий. Лидер Литературного центра конструктивистов (объединение существовало с 1924-го по 1930 год). Некоторое время был членом ЛО, однако уже 23 августа 1922 г. вышел из объединения – см. его заявление о выходе из ЛО: ЦГА Москвы. Ф. Л–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 619. Л. 29.

³ ЦГА Москвы. Ф. Л–244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 52. Рукопись.

Однако, как упоминалось выше, второй сборник ЛО удалось издать только в 1929 г.

Василий Федоров, импульсивный и способный на резкость, вызывал иногда недовольство у членов ЛО. 24 августа 1922 г. состоялось собрание объединения, на котором обсуждалась, в частности, возможность «дальнейшей деятельности» В.П. Федорова «в качестве председателя Литературного Особняка». Мандельштам на этом собрании был:

«Протокол № 57 Общего Собрания Членов «Литературного Особняка» от 24 – VIII 1922. Союз Писателей.

Присутствуют: Федоров, Савкин, Грузинов, Зархи, Миндлин, Жиц, Минаев, Мочалова, Мачтет, Кутушева, Масс, Мандельштам, Лаврова, Райзман, Савицкая, Укше, Мони́на, Коган, Лада Руставели, Сельвинский, Берендгоф, Вагин, Нетропов, Захаров-Мэнский, Арго, Полонский.»¹.

Голоса голосовавших разделились: 10 были за, 10 против при одном воздержавшемся, хотя присутствующих было, как можно видеть, 25, не считая Федорова. Вскоре, 30 августа, о чем уже говорилось в данной работе, правление ЛО переизбирается и председателем общества становится Г. Шенгели. Но ненадолго: Шенгели быстро разочаровался в ЛО и отказался не только от должности председателя, но и от членства в объединении. В связи с этим приводим саркастичный текст заявления Шенгели в правление ЛО – документ, ранее не опубликованный:

«В правление “Литературного особняка”

Уважаемые товарищи,

Вступая в число членов ЛО, затем в члены Правления и в дальнейшем принимая звание председателя, я руководился следующими соображениями: ЛО, как организация литературно-всепартийная и не преследующая задач профессиональной организации, как ВСП, – рисовался мне подходящей для живой борьбы литературных мнений средой; думалось, что в стенах ЛО можно будет услышать све-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-244 (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Дело 620. Протоколы заседаний правления общего собрания «Литературного особняка». Л. 74. Рукопись.

жее слово, что кое-кого из молодых стихотворцев, не заплесневевших еще в литературном чванстве, удастся привлечь к серьезной и вдумчивой работе в рамках тех предположений, которые были выработаны нынешним Правлением.

Оказалось, однако, что центробежные силы, наличествующие в ЛО, как во всякой почти организации, – слишком велики; что самолюбие ряда членов ЛО обратно пропорционально литературной весомости их произведений и, следовательно, огромно; что многие члены ЛО весь запас своей дисциплинированности и коллегиальной урядливости без остатка расходуют на службе своей и у своего семейного очага, принося в ЛО лишь анархические тенденции. Обстоятельства эти, конечно, могли бы быть устранены, путем организованной борьбы, – были бы время и охота.

Я же, к сожалению, ни временем для участия в крючкотворных дебатах, ни охотой выезжать коней ретивых и усмирять рабынь строптивых – не располагаю.

В силу этого, дальнейшее участие мое в работах ЛО представляется мне вовсе ненужным, и я слагаю с себя 1) обязанности председателя, 2) обязанности члена Правления, 3) звание члена ЛО. В последнем “отречении”, собственно, заключаются оба первые, – но одетый раздевается в обратной последовательности одежд, и деградация должна соответствовать градации...

Желаю ЛО всяческого преуспевания; я ему крайне благодарен (совершенно искренне – отнюдь не иронизирую) по одной, вполне приватной, причине¹.

Письмо это прошу огласить в ближайшем общем собрании.

Член Всероссийского Союза Писателей

[подпись]

Георгий Шенгели.

27/ IX 1922

Москва»².

¹ Очевидно, речь идет о знакомстве с поэтессой Ниной Леонтьевной Манухиной (1893–1980), ставшей женой Г. Шенгели.

² ЦГА Москвы. Ф. Л–244. (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 619. Л. 30. Машинопись. В нижней части листа имеются рукописные пометы: «Л. О. Получено 27. IX 1922» и «К протоколу № 71».

В этот же день, 27 сентября 1922 г., правление ЛО рассмотрело заявление Шенгели; было постановлено, что, поскольку у правления объединения и Шенгели «никаких принципиальных расхождений нет», просить его быть членом правления¹. Просьба, очевидно, успехом не увенчалась.

Вероятно, и Мандельштам не рассматривал свое участие в делах ЛО как нечто очень значимое. Миндлин писал об отношении Мандельштама к ЛО: «Бывал и Осип Мандельштам. Он не очень серьезно относился к этим собраниям»². То же самое Миндлин говорил в беседе с П.М. Нерлером: «М. ходил в “Литературный особняк”, ходил иронически и был там чужой...»³. Настоящим поэтическим сообществом для Мандельштама был только петербургский Цех поэтов. Он навсегда остался в прошлом. Тем не менее, Мандельштам никак не был пассеистом. Напротив, он менялся сам и его интересовало новое в поэзии. В письме Л.В. Горнунгу (август 1923 г.) Мандельштам писал: «Не презирайте современных поэтов. На них благословенье прошлого»⁴. Оказавшись в Москве в 1922 г., Мандельштам участвует в ее разнообразной литературной жизни, знакомится с теми многочисленными объединениями, в которых рождается, вызревает новая поэзия. И хотя в статье «Литературная Москва» (1922) московская поэзия в целом характеризуется несколько иронически (безоговорочно принимается только Б. Пастернак), Мандельштам отмечает при этом «живость» поэтической Москвы в сравнении с Петербургом: «Со стороны видней – с Петербургом не ладно, он разучился говорить на языке времени и дикого меда»⁵. Утверждение Мандельштама могло вызвать возражения, но так, заостренно, он в 1922 г. написал. Одной из заметных «точек» на карте поэтической Москвы был «Литературный особняк», и цель данной работы заключалась в том, чтобы рассказать об участии Мандельштама в жизни этого литературного сообщества.

¹ ЦГА Москвы. Ф. Л-244. (Линьков А.П.). Коллекция документов поэта Н.Н. Захарова-Мэнского. Оп. 1. Д. 619. Л. 98.

² Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С. 93.

³ Нерлер П.М. *Con amore: Этюды о Мандельштаме*. М., 2014. С. 739.

⁴ Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 3. СПб, 2017. С. 321.

⁵ Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. СПб, 2017. С. 87.

ЕВРЕЙСТВО И ИУДАИЗМ

(МАТЕРИАЛЫ К СТАТЬЕ
ДЛЯ «МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»)

Еврейство – собирательное понятие, относящееся в самом широком смысле к евреям, еврейской жизни, еврейской культуре и религии. **Иудаизм** – монотеистическая религия, учение и ритуалы которой сформированы еврейским народом в течение своей многовековой истории.

«Еврейская тема», как сформулировал сам Мандельштам, имеет большое значение в его творчестве. В 1928 г. в разговоре с И.С. Поступальским, написавшем о нем статью, Мандельштам, в частности, заметил (что удивило собеседника): «И затем, я не понимаю, почему вы прошли мимо еврейской темы в моих стихах – она ведь немаловажна». И мемуарист подчеркивает, что его память в точности сохранила эту фразу¹. Упомянутая тема звучит не только в стихах, но и в прозе, она проявляется как в ранних произведениях Мандельштама, так и в вещах, созданных в позднейшие периоды его творческой активности.

Для раннего Мандельштама характерно стремление стать своим в русской культуре и отталкивание от еврейства и иудаизма наряду с чувством неустрашимой, несмотря ни на что, причастности этому миру – экзотически-странному, непонятному, цепкому, необычайно устойчивому и чуждому европейской культуре вообще и в ее русском изводе в частности. В «Шуме времени» (1923–1925), вспоминая детство, О.М. пишет:

«Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался – и бежал, всегда бежал.

Иудейский хаос пробивался во все щели каменной петербургской квартиры угрозой разрушения, шапкой в комнате провинциального гостя, крючками шрифта нечитаемых книг «Бытия», заброшенных

¹ Поступальский И.С. Встречи с Мандельштамом // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые – седьмые – восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 561.

в пыль на нижнюю полку шкафа, ниже Гете и Шиллера, и клочками черно-желтого ритуала.

Крепкий румяный русский год катился по календарю, с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками [финны-извозчики, катавшие петербуржцев на Масляной неделе – Л.В.] и дачей. А тут же путался призрак – новый год в сентябре и невеселые странные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашана и Йом-кипур»¹. Отметим очевидную отсылку к Тютчеву (дневной привычный мир только покров над глубинным хаосом). Таким образом, «утробный мир», при выраженном неприятии его, осознается как нечто изначальное и непреодолимое. («Черно-желтый ритуал» обозначает здесь, несомненно, иудаизм с его обрядностью; о возможном происхождении данного цветового сочетания в качестве символа еврейства / иудаизма у Мандельштама см. ниже.)

Это место из «Шума времени» перекликается с другим, где говорится о «книжном шкапе» в родительском доме:

«Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали, как руины: рыжие Пятикнижия с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейский»².

При этом в «Шуме времени» фиксируется и восходящее также к детским впечатлениям противопоставление «иудейской» красоты и величия и «еврейской» пошлости (позднее эта противоположность снова будет обозначена в «Четвертой прозе»):

«Синагога с коническими своими шапками и луковичными сферами, как пышная чужая смоковница, теряется среди убогих строений. <...> Еврейский корабль с звонкими и альтовыми хорами, с потрясающими детскими голосами плывет на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половину. <...> Кантор, как силач Самсон, рушил львиное здание, ему отвечали бархатные камилавки, и дивное равновесие гласных и согласных в четко произносимых словах сообщало несокрушимую силу песнопениям. Но какое оскорбление – скверная, хотя и грамотная, речь раввина,

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 184.

² Там же. С. 185.

какая пошлость, когда он произносит “государь император”, какая пошлость все, что он говорит!»¹

Но, говоря об отношении Мандельштама к еврейству в его детско-юношеские годы, нельзя не отметить и восхищенную характеристику фольклориста Ан-ского (Ш.З. Рапопорта): «В нем одном помещалась тысяча местечковых раввинов – по числу преподанных им советов, утешений, рассказанных в виде притч, анекдотов и т.д. <...> Русско-еврейский фольклор Семена Акимыча в неторопливых, чудесных рассказах лился густой медовой струей. <...> За скромным чайным столом, с мягкими библейскими движениями, склонив голову набок, он сидел, как еврейский апостол Петр на вечери»². Не без иронии, но и с признанием определенной крепости в этих людях сказано о «стариках»: «Отец часто говорил о честности деда как о высоком духовном качестве. Для еврея честность – это мудрость и почти святость. Чем дальше по поколениям этих суровых голубоглазых стариков, тем честнее и суровее»³. Закрепившееся в качестве маркировки еврейской темы у О.М. сочетание черного и желтого цветов восходит, видимо, к расцветке дедовского молитвенного покрывала (талеса или талита) – притом, что на самом деле талиты делают из шерсти, шелка или хлопчатобумажной ткани не желтого, а белого цвета; полосы на покрывале чаще всего черные, однако встречаются синие, голубые и (реже) других цветов. «Вдруг дедушка вытащил из ящика комода черно-желтый шелковый платок, накинул мне его на плечи и заставил повторять за собой слова, составленные из незнакомых шумов, но, недовольный моим лепетом, рассердился, закачал неодобрительно головой. Мне стало душно и страшно»⁴. Вероятно, ткань талеса могла показаться при определенном освещении желтоватой. (Несколькими строками выше в этом же месте «Шума времени» упомянута и «бабушка в *черноволосой* накладке на седых волосах и в капоте с *желтоватыми* цветочками» (курсив мой – Л.В.)⁵.

О. Ронен определяет «Шум времени» как «долговечный памятник роковых лет империи и ее еврейских подданных, времени, ког-

¹ Там же. С. 190–191.

² Там же. С. 210–211.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 192.

да... целое поколение российских евреев исполнилось высочайшего духовного напряжения в стремлении привить чужую кровь (пользуясь словами Мандельштама) к древней толковательской деятельности – талмудической традиции гетто, исподволь определившей отношение поэта и к слову, и к вселенскому своду мировой поэзии»¹.

Отвержение «утробного мира» сопровождалось у раннего О.М. стремлением войти в христианский мир, приобщиться к той вере, которая определила главные особенности европейской культуры. В стихах 1910–1911 гг. отражены как это желание, так и драматические переживания, сомнения в глубине и искренности своей веры, страх сделать определенный выбор: «Может, мне всего дороже / Тонкий крест и тайный путь» («Душный сумрак кроет ложе...»); «Когда мозаик никнут травы / И церковь гулкая пуста, / Я в темноте, как змей лукавый, / Влечусь к подножию креста» («Когда мозаик никнут травы...»); «Из омута злого и вязкого / Я вырос, тростинкой шурша, / И страстно, и томно, и ласково / Запретною жизнью дыша» («Из омута злого и вязкого...»); «Когда укор колоколов / Нахлынет с древних колоколен, / И самый воздух гулом болен, / И нету ни молитв, ни слов – <...> Я не хочу моих святынь, / Мои обеты я нарушу: / И мне переполняет душу / Неизъяснимая полынь» («Когда укор колоколов...»); «Упасть на древние плиты / И к страстному Богу воззвать, / И знать, что молитвой слиты / Все чувства в одну благодать!» («Убиты медью вечерней...»); «В изголовьи черное распятие, / В сердце жар и в мыслях пустота – / И ложится тонкое проклятье – / Пыльный след – на дерево креста. <...> Страшен мне “подводный камень веры”, / Роковой ее круговорот!» («В изголовьи черное распятие...»); О.М. цитирует стихе Тютчева «Наполеон»; у Тютчева: «подводный веры камень» – Л.В.)². О стихотворении «Когда укор колоколов...» Д. Сегал пишет: «...церковь ... явно воспринимается лирическим субъектом стихотворения как нечто отрицательное, враждебное. <...> Мандельштам в этом замечательном стихотворении свидетельствует нам о том, что он очень рано в своей творческой жизни, которая ... одновременно разворачивалась как процесс духовного самопознания, принял решение всегда оставаться самому, всегда быть

¹ Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О.Э. Собрание произведений: стихотворения. М., 1992. С. 502.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 36, 240, 35, 242, 244, 247.

верным своему внутреннему, отдельному, внятому голосу. Он может принимать – как независимая личность – любые духовные ценности, в том числе, конечно, олицетворявшиеся церковью, но он никогда не примкнет ни к ней, ни к какой-либо другой идеологической и духовной группе. Об этом решении поэт нам сообщает в третьей строфе ... стихотворения, в которой он прямо провозглашает о своем неприятии *святынь и обетов*. У меня нет никакого сомнения в том, что Мандельштам имел здесь в виду, равным образом, и организованное христианство и организованное еврейство»¹.

Представление о еврейском мире с царящим в нем суровым религиозным законом как о засасывающем «омуте» проявилось в ст-ии «Неумолимые слова...» (1910), в котором, несомненно, звучит личное чувство: «И царствовал, и никнул Он / Как лилия в родимый омут, / И глубина, где стебли тонут, / Торжествовала свой закон»². «Жертвенное погружение Христа в смерть, – пишет В. Мусатов, – означает одновременно и торжество “закона”. Безвольно склоненная голова Распятого напоминает лилию на тонком стебле, которая так же погружается в “родимый омут”, как никла в “холодный и топкий приют” (речь о стихотворении «Из омута злого и вязкого...» – Л.В.) тростинка. Евангельская коллизия обнаруживает здесь явную автобиографическую подоплеку»³. По мнению Д. Сегала, «Акцент здесь на оставленности, страдании, смертности Христа. Наряду с этим важнейшую роль ... играют мотивы роковой роли еврейства – Иудеи – в судьбе Христа, его страстях. И здесь очевидно, что Мандельштам отождествляет себя как с умирающим Христом, так и с еврейством. Отождествление это – источник внутренних мук. <...> Одновременно – в этом стихотворении – он [Мандельштам – Л.В.] и не бросает ему [еврейству – Л.В.] упрек. Все воспринимается как некая роковая трагедия»⁴. Ср. «омут» с характеристикой «еврейского» курорта Дуббельна на Рижском взморье в «Шуме времени» (речь идет о музыке Чайковского): «Как убедительно звучали эти размягченные итальян-

¹ Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть I. Кн.1. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 68–69.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 246.

³ Мусатов В.В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 49.

⁴ Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть I. Кн.1. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 72–73.

ским безвоьем, но все же русские скрипичные голоса в грязной еврейской клоаке!»¹

14 (ст.ст.) / 27 (н.ст.) мая 1911 г. Мандельштам был крещен, присоединившись к одной из протестантских конфессий (епископско-методистская церковь): его крестил в Выборге пастор Н. Розен. Отказ от веры отцов был в первую очередь обусловлен намерением поступить в Петербургский университет, прием в который был для лиц иудейского вероисповедания очень затруднен; однако крещение не противоречило убеждениям Мандельштама, поскольку он не был приверженцем иудаизма и не являлся, в сущности, членом иудейской общины. «Можно только гадать, – пишет С. Аверинцев, – почему Мандельштам пошел именно к методистам. <...> Наиболее простых ответов ... – два, и они не исключают друг друга. Первый ответ: протестантизм именно как стускленный, неяркий вариант христианства был в колер, в масть “матовому” миру раннего Мандельштама. В 1912 году ... было написано стихотворение “Лютеранин”, тонкими нитями связанное с тютчевским “Я лютеран люблю богослуженье...”. В нем именно скудость протестантского обихода сочувственно описывается как честность и правдивость, исключаящая патетику и недостоверные духовные притязания... <...> Второй ответ: если Мандельштам хотел креститься, так сказать, в “христианскую культуру” (выражение, употребленное им еще в 1908 году в письме бывшему учителю В. Гиппиусу), если для него было важно считать себя христианином, при этом не посещая богослужений, не принадлежа ни к какой общине и не совершая выбора между этими общинами, – не православие и католицизм, а только протестантизм мог обеспечить ему для этого более или менее легитимную возможность... <...> На деле же он оказывается не внутри протестантизма, а между обеими другими вероисповеданиями, действительно задевающими его душу и вдохновляющими его поэзию. По отношению к православию и католицизму крещение у методистов – “нулевой вариант”, отодвигание выбора»².

Неприятие иудаизма и традиционного уклада еврейской жизни не было, однако, для Мандельштама препятствием при сопоставле-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 194.

² Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы. М., 2011. С. 68–69.

нии себя с библейским Иосифом (имя поэта в ряде официальных документов – Иосиф): «Иосиф, проданный в Египет, / Не мог сильнее тосковать!»¹ и для соотнесения значения своей фамилии – с библейским посохом, расцветшим миндалевидным деревом жезлом Аарона (Мандельштам – «миндальный ствол»): «Как царский посох в скинии пророков, / У нас цвела торжественная боль», – «Есть ценностей незыблемая скала...», 1914; «Посох мой, моя свобода...» – «Посох», 1914². («Миндальный посох» упоминается и в книге пророка Иеремии.) Необходимо отметить, что Мандельштам многократно обращается к библейским образам и текстам в своем творчестве. Так, например, говоря о детстве героя повести «Египетская марка» Парнока, Мандельштам пишет: «Вначале был верстак и карта полушарий Ильина»³. В своих комментариях к повести О.А. Лекманов и его соавторы усматривают здесь отсылку к зачину Евангелия от Иоанна⁴. Л.М. Видгоф однако полагает, что в этой фразе с большим основанием можно увидеть интерпретацию первой фразы Торы (Ветхого Завета в христианском наименовании): «В начале сотворил Бог небо и землю» (Бытие 1:1) – «Берешит бара Элоhim эт ha-шааим вэ эт ha-арец»⁵.

Отвержение иудаизма не помешало Мандельштаму вызвать 27 ноября 1913 г. В. Хлебникова на дуэль в связи с его антисемитским, по мнению Мандельштама, высказыванием о деле М. Бейлиса. Конфликт был улажен посредниками.

В 1916 г. в связи с кончиной матери Мандельштам пишет стих «Эта ночь непоправима...», в котором отвергается «солнце желтое» иудейства: «Солнце желтое страшнее, – / Баю-баюшки-баю, – / В светлом храме иудеи / Хоронили мать мою. // Благодати не имея / И священства лишены, / В светлом храме иудеи / Отпевали прах

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 55.

² Там же. С. 60 и 62.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 231.

⁴ Лекманов О.А., Котова М., Репина О., Сергеева-Клятис А., Синельников С. Египетская марка. Пояснения для читателя. М., 2012. С. 85.

⁵ Видгоф Л.М. «Египетская марка». Заметки и комментарии // Видгоф Л.М. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018. С. 236–238.

жены»¹. (Речь у Мандельштама идет о доме для совершения обрядов подготовки покойников к погребению на так называемом Преображенском еврейском кладбище в Петербурге – а точнее, на участке, отданном еврейской общине рядом с православным Преображенским кладбищем, отчего и на еврейское кладбище как бы распространилось название соседнего православного; сами евреи его так назвать, естественно, не могли. Этот дом ни синагогой, ни, тем более, «храмом» не являлся.) Стихотворение Мандельштама несомненно перекликается со стихами А.С. Хомякова «Широка, необозрима...», в котором «Давидов Сын» противопоставлен твердому «в своем неверье» (в Иисуса-мессию) книжнику, нарождающееся христианство противопоставлено иудейству. Желтому безблагодатному солнцу иудейства в стихотворении Мандельштама противостоит черное солнце («У ворот Ерусалима / Солнце черное взошло. <...> Я проснулся в колыбели, / Черным солнцем осиян»)². Многозначный у Мандельштама образ черного солнца в данном случае, видимо, символизирует христианство с его трагической сущностью, с его главными событиями мировой истории – распятием, воскресением и апокалипсическим концом мира. «Итак, – заключает Д. Сегал, – в Ерусалиме уже ночь – свершилось непоправимое, а в Петербурге – еще бледные сумерки (*«желтое солнце»*)». Это желтое солнце страшнее, чем *черное солнце* Иерусалима, ибо оно связано со всем тем комплексом *хаоса, непонимания, несвободы, опасности*, который теперь представляется ему как нечто, лишившее его матери. *Черное солнце* Ерусалима – это *его* солнце, солнце великой и роковой библейской истории, *желтое солнце* – это признак бытового, петроградского еврейства. Ритуал современного иудаизма, оставшийся поэтом непонятым, представляется ему как нечто недолжное, как посягательство на него, на его мать»³. Одним из источников, к которым восходит образ черного солнца, является, очень вероятно, тв-во В.В. Розанова, чрезвычайно значимого для Мандельштама писателя, у которого христианство ассоциировалось именно с черным цветом.

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 77.

² Там же. С. 77–78.

³ Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть I. Кн.1. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 274.

В предреволюционное время, время Первой мировой войны, Мандельштам уподобляет Россию Иудее перед ее крушением; подобно самодовольной Иудее, не опознавшей пришедшего Мессию, имперская Россия, гордившаяся своей истинной верой, навлекла на себя неминуемое возмездие за все накопившееся зло, за социальную несправедливость, за национальную и религиозную гордыню, за духовную косность, за моральное разложение. В этом смысле Петербург видится подобным Иерусалиму, и сходство подкрепляется тем, что дворцовый штандарт императора включает черный и желтый цвета («иудейские» в цветовой символике Мандельштама): «Только там, где твердь светла, / Черно-желтый лоскут злится – / Слово в воздухе струится / Желчь двуглавого орла» («Императорский виссон...», 1915; стихотворение можно было напечатать только в 1917)¹. По мнению Д. Сегала, «вырисовывается картина некой роковой эквивалентности Петербурга, обреченного на гибель, <...> и еврейства»². «По-видимому, – предполагает С. Аверинцев, – едва ли будет ошибкой понять негативный общий знаменатель между Российской империей и окаменевшей Иудеей как национальный мессианизм, срывающийся в “небытие”..., – качество государственности, чересчур густо сакрализованной»³. К. Тарановский указывает на то, что трагическое в мире О.М. сочетание цветов может быть связано своим происхождением и литературным источникам: «Не следует забывать, что устрашающий желтый (и черно-желтый) колорит имеет свою литературную традицию, исходящую от Достоевского (в особенности от “Преступления и наказания”)⁴. В связи с мыслью Тарановского можно вспомнить, в частности, стихотворение (с той же темой «греховности» Петербурга) чрезвычайно значимого для Мандельштама И. Анненского: «Желтый пар петербургской зимы, / Желтый снег, облипающий плиты...» («Петербург»; опубликовано в «Аполлоне» в 1910).

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 67.

² Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть I. Кн. I. Jerusalem – Berkeley. 1998. С. 318.

³ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы. М., 2011. С. 81.

⁴ Тарановский К.Ф. Черно-желтый свет. Еврейская тема в поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 88.

Во время Первой мировой войны написана (вероятно, в конце 1916-го – начале 1917-го) статья «Скрябин и христианство» (к сожалению, не дошедшая до нас в полном виде). Среди архивных материалов к этой работе содержится и зачеркнутый фрагмент (цитируем часть текста): «Бесплодная, безблагодатная часть Европы восстала на плодную, благодатную – Рим восстал на Элладу... Нужно спасти Элладу от Рима. Если победит Рим – победит даже не он, а иудейство – иудейство всегда стоит за его спиной и только ждет своего часа – и восторжествует страшный противуестественный ход истории – обратное течение времени – черное солнце Федры...»¹. Еще недавно, в связи с увлечением идеями и личностью П.Я. Чаадаева, Мандельштам воспевал католический Рим (пик «проримских» настроений – довоенные 1913–1914); во время же войны имперскому Риму, который в данном случае соотносится с милитаристской Германией, противопоставлена Эллада (чьей наследницей является для Мандельштама в этот период Россия). («Черное солнце Федры» в этом фрагменте и «черное солнце» из стиха о смерти матери «Эта ночь непоправима...» объединяет, видимо, только то, что и в том, и в другом случае речь идет о глубине страдания; страдание открывает жизненную глубину, снимая слой обыденного, рутинного существования.) «Эта модель, по всей вероятности, – предполагает Д. Бетеа, – приходит к Мандельштаму через Зелинского, известного филолога-классика..., преподававшего в Петербургском университете с 1885 по 1921 г. и выдвинувшего в книге «Древнегреческая религия» (1918) идею о том, что не Рим, а именно иудаизм с его исключительным монотеизмом и подчеркнутой не-ассимилируемостью, стоит за гибелью Эллады...»².

Однако и уподобление России обреченной Иудее не исчезает и проводится снова в стихотворении «Среди священников левитом молодым...», написанном в ноябре 1917 г. Оно посвящено А. В. Карташеву, богослову и историку церкви, в 1909–1917 гг. председателю Религиозно-философского общества, стороннику обновления церковной жизни, министру вероисповеданий Временного правительства, арестованному в октябре 1917 г. (освобожден был в январе 1918-го).

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 421.

² Бетеа Д. Мандельштам, Пастернак, Бродский: иудаизм, христианство и создание модернистской поэтики // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб, 1993. С. 371.

В списке С.П. Каблукова, близкого знакомого Мандельштама, стихотворение озаглавлено «Иудеям». Молодой левит в этих стихах противопоставляется закосневшим в своем традиционализме, самодовольным священникам-«старцам». Герой стихотворения предчувствует грядущие бедствия, но «старцы» не внемлют ему: «Он говорил: “Небес тревожна желтизна! / Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи!” / А старцы думали: не наша в том вина, / Се черно-желтый свет, се радость Иудеи»¹. Так было и в царской России, с точки зрения Мандельштама, – ее верхушка, светская и церковная, была консервативна, архаична, самодовольна, утратила духовную зоркость. (О. Ронен приводит высказывание А. Карташева: «годом раньше» он сказал, что «динамический дух пророчества» покинул церковь»²). Наступили, однако, не только трагические времена, но происходит и великое обновление: «Он [левит, герой стихотворения – Л.В.] с нами был, когда на берегу ручья / Мы в драгоценный лен Субботу пеленали...». Слово «Суббота» здесь – символ Христа.

В послереволюционное время еврейская тема сохраняет свое значение, но трактовка ее постепенно меняется. Одной из причин изменения послужило то, что в условиях новой реальности религиозное противостояние между иудаизмом и христианством отошло на второй план: новая власть была демонстративно атеистической и равно враждебной всем религиозным конфессиям. Не провозглашая этого в качестве цели, на практике революционная Россия сделала попытку уйти из иудео-христианской цивилизации. Не случайно Москва в стихах 1931 г. характеризуется как «буддийская». Кроме того, революционное и послереволюционное время резко ускорило динамику разложения патриархального еврейского мира. Если в цитированном выше «Шуме времени» Мандельштам зафиксировал, на примере своей семьи, процесс распада еврейского жизненного уклада и деградации традиционно ориентированного еврейского мировоззрения («руины» нечитаемых еврейских книг на нижней полке книжного «шкапа»), то в «Египетской марке» (1927–1928) он прочитал этому миру отходную. Одна из завершающих повесть частей представляет собой символический сон:

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 82.

² Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собрание произведений: стихотворения. М., 1992. С. 524.

«По снежному полю ехали кареты. Над полем свесилось низкое суконно-полицейское небо, скупно отмеривая желтый и почему-то позорный свет.

Меня прикрепили к чужой семье и карете. Молодой еврей пересчитывал новенькие, с зимним хрустом, сотенные бумажки.

– Куда мы едем? – спросил я старуху в цыганской шали.

– В город Малинов, – ответила она с такой щемящей тоской, что сердце мое сжалось нехорошим предчувствием.

Старуха, роясь в полосатом узле, вынимала столовое серебро, плотно, бархатные туфли.

Обшарпанные свадебные кареты ползли все дальше, вихляя, как контрабасы.

Ехал дровяник Абраша Копелянский с грудной жабой и тетей Иоганной, раввины и фотографы. Старый учитель музыки держал на коленях немую клавиатуру. Запахнутый полами стариковской бобровой шубы, ерзал петух, предназначенный резнику.

– Поглядите, – воскликнул кто-то, высовываясь в окно, – вот и Малинов.

Но города не было. Зато прямо на снегу росла крупная бородавчатая малина».

Затем сон переносит повествователя «в постылую варшавскую комнату», где его «заставили пить воду и есть лук». И повествователь бежит: «Я разметал чужие перины и выбежал в Таврический сад...»¹.

Один из источников желтого «позорного света» в этом фрагменте (и вообще желтого цвета, маркирующего еврейскую тему у Мандельштама) – очевидно, практика выделения евреев в средневековой Европе посредством предписания носить той или иной желтый знак на одежде (желтые пояса, желтые нашивки в виде круга и др.) В черновиках к «Египетской марке» сказано: «Предки Парнока – испанские евреи ходили в остроконечных желтых колпаках – знак позорного отличия для обитателей гетто...»². Город Малинов – из «Записок одного молодого человека» Герцена: это город «несуществующий»: «город Малинов, худший город в мире, ибо ничего нельзя хуже представить для города, как совершенное несуществование его»;

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 255–256.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 330.

«...Малинов лежит не в круге света, а в сторону от него (оттого там вечные сумерки)»¹. Жизнь евреев-персонажей «Египетской марки», включая героя повести, Парнока, эфемерна. В процитированном выше фрагменте повести они уходят в небытие. Это исход в никуда.

Но отношение автора к своим героям в «Египетской марке» – по большей части иронически-сочувственное; неприкаянные маленькие люди этой повести напоминают, при всей разнице, маленького бродягу Чаплина. Они, в сущности, чужие в северной столице, в российском Египте. «Петербург иудея – это египетский Петербург»².

Исчезает эфемерное петербургское еврейство, но еврейская тема у Мандельштама никак не сходит на нет и получает новое значение.

Изменение в трактовке еврейской темы обозначилось у Мандельштама уже в предшествовавшей «Египетской марке» прозе о московском Государственном еврейском театре и его ведущем актере С. Михоэлсе (1926). Рассказ о театре начинается с описания провинциального еврея, увиденного из окна вагона:

«По деревянным мосткам невзрачного белорусского местечка – большой деревни с кирпичным заводом, пивной, палисадниками и журавлями – пробиралась долгополая странная фигура, сделанная совсем из другого теста, чем весь этот ландшафт. <...> В движениях его была такая отрешенность от всей обстановки и в то же время такое знание пути, словно он должен пробежать “от” и “до”, как заводная кукла.

Эка, подумаешь, невидаль: долгополый еврей на деревенской улице. Однако я крепко запомнил фигуру бегущего ребёнку потому, что без него весь этот скромный ландшафт лишился оправдания»³.

Еврей, пришелец из какого-то совершенно иного мира, с его точностью движений и «знанием пути», «оправдывает» существование этого захолустья, создает смысл его жизни.

Мандельштам усматривает эту выработанную еврейством веками точность форм, своего рода скульптурность (при внутренней динамике) в актерской игре Михоэлса, причем подчеркивает близость этой пластики к эллинской:

¹ Герцен А.И. Собр.соч. в 30 т. Т. 1. М., 1954. С. 283, 287.

² Барзах А.Е. Без фабулы. Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама // Постскрипtum. Литературный журнал. 1998. № 2. С. 202.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 3. СПб, 2017. С. 186–187.

«Пластическая слава и сила еврейства в том, что оно выработало и пронесло через столетия ощущение формы и движения, обладающее всеми чертами моды, непреходящей, тысячелетней. <...> Во время пляски лицо Михоэlsa принимает выражение мудрой усталости и грустного восторга, – как бы маска еврейского народа, приближающаяся к античности, почти неотличимая от нее.

Здесь пляшущий еврей подобен водителю античного хора»¹.

Мысль о глубинном родстве еврейского и греческого проводится и в черновиках к цитируемому очерку: «Так в спектакле, слаженном еврейскими мастерами из Москвы, мелькает тень Еврипида»; «Но все пьесы Госета [Государственный еврейский театр – Л.В.] построены на раскрытии маски Михоэlsa, и в каждой из них он проделывает бесконечно трудный и славный путь от иудейской созерцательности к дифирамбическому восторгу, к освобождению, к раскованной мудрой пляске»². А. Барзах замечает: «Этот отчетливо фиксируемый сдвиг [от противопоставления эллинского и иудейского к их сближению, как это подчеркивается в описании игры Михоэlsa – Л.В.] вписывается в тот общий процесс переосмысления своего иудейского “наследства”, в то “возвращение блудного сына” к своим корням... <...> Сам этот очерк знаменует принципиально важный момент мандельштамовской эволюции: Иудея отныне не враждебна Элладе – и тень Еврипида мелькает на еврейской сцене. И специфический эллинский атрибут “пластичности” без натуги и натяжки переадресуется теперь Мандельштамом иудейству»³. А. Барзах отмечает также, что целый абзац из черновиков очерка о Михоэlse «перекочевал» в «Египетскую марку» и был отдан портному Мервису; этот «дрейф»⁴ весьма показателен.

В том же 1926 г. Мандельштам сообщает в письме жене о разговоре с В. Шилейко (письмо от 17 февраля): «Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... А я сказал ему, что люблю только тебя – то есть я так не сказал, конечно – и евреев»⁵.

¹ Там же. С. 187.

² Там же. С. 266.

³ Барзах А.Е. Без фабулы. Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама // Постскриптум. Литературный журнал. 1998. № 2. С. 186.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 3. СПб, 2017. С. 348.

В 1928 г. началось затяжное дело о якобы имевшем место плагиате Мандельштама в процессе «обработки» старых переводов «Тиля Уленшпигеля» (А. Горнфельда и В. Карякина) для новой публикации книги де Костера в издательстве «Земля и фабрика». Мандельштам был глубоко задет обвинениями и реагировал на них очень остро. (Речь не о том, была ли позиция Мандельштама в этом деле морально безупречной – она таковой не была, что он и сам признавал на первой стадии конфликта – а о его реакции на происходившее.) «Дело» ставило Мандельштама в положение неохотно терпимого в приличном писательском обществе странного субъекта, что в определенной степени повторяло ситуацию 1909–1910 гг., когда «неврастенический жиденок» (З. Гиппиус в письме В. Брюсову, 25.10. 1910) входил в литературную среду. Во всяком случае О.М. видел в своем «деле» и нечто «дрейфусовское»: «Теперь дело “Дрейфуса”. Сразу по приезде – вызов на пленум комиссии. 4-х-часовой допрос...» (письмо Мандельштама Н. Мандельштам, 24 февраля 1930 г.)¹. Разбирательство сыграло роль катализатора: в стихах и прозе выразилось то, что давно и исподволь накапливалось. «Невозможно правильно понять “Четвертую прозу” Мандельштама, объясняя ее биографическими фактами, связанными с обработкой перевода “Тиля Уленшпигеля” и фельетоном Заславского. Реакция настолько громче события, ее вызвавшего, что тут все кажется преувеличенным, раздутым, слишком обостренным, чересчур чувствительным»². В «Четвертой прозе» (1929–1930), прокляв писателей, которые пишут «заведомо разрешенные вещи» и клеймив такого рода литературу как «мразь», Мандельштам заявляет, что не имеет с этой литературой ничего общего: «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и особенно в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья»³. При этом замечается: «С собачьей нежностью глядят на меня глаза писателей русских и умоляют: подохни!»⁴ Еврей-

¹ Там же. С. 417.

² Гладков А.К. О Мандельштаме // Гладков А.К. Поздние вечера. М., 1986. С. 323.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 301.

⁴ Там же. С. 303.

ская же тема в «Четвертой прозе» трактуется двояко: «Основная, четко вычленяемая “национальная тема” в “Четвертой прозе” – еврейская, т.е. русско-еврейская... С одной стороны характерное для ассимилированного русской культурой еврея-интеллигента комическое и / или ироническое ostranenie *еврейского*, которое может выступать как некий парадоксальный “еврейский антисемитизм”... С другой стороны, еврейское в “Четвертой прозе” трактуется как “почетное звание иудея”...»¹. Действительно, пренебрежительную характеристику А. Горнфельда («дядя Моня с Бассейной»; «Ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый еврейский литературный жилет. Ты бы лучше поведал свое горе банкиру с ишиасом, кугелем и талесом»² или издевательские пассажи, в которых говорится о переводчике И.Б. Мандельштаме, вполне можно воспринять как антисемитские выпады. Е. Тоддес указывает на то, что «антиеврейское» в «Четвертой прозе» объясняется еще и тем, что в «разрешенной» советской литературе подвизалось немало писателей еврейского происхождения. (Тому, как проявлялось незнание русской жизни у некоторых из таких литераторов, посвящено шуточное стихотворение О.М.: «Один еврей, должно быть комсомолец, / Живописать решил дворянский старый быт: / На закладной под звуки колоколец / Помещик в подорожную спешит». [1920-е(?)]³. В то же время в цитируемой «Четвертой прозе» Мандельштам говорится о мечте уехать в Армению и оказаться на земле «страны армянской – младшей сестры земли иудейской»: «И я бы вышел на вокзале в Эривани с зимней шубой в одной руке и со стариковской палкой – моим еврейским посохом – в другой»⁴. Противопоставление двух ипостасей еврейского, которое было отмечено выше применительно к «Шуму времени», проявилось и в «Четвертой прозе». Если в период увлечения Чаадаевым и католичеством герой стихотворения направлялся с посохом в Рим («Я

¹ Тоддес Е.А. Антисталинское стихотворение Мандельштама (к 60-летию текста) // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига-М., 1994. С. 211.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 299–300.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 297.

⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 298.

земле не поклонился / Прежде, чем себя нашел; / Посох взял, развеселился / И в далекий Рим пошел» – «Посох», 1914¹), то теперь, на рубеже 1920-х – 1930-х, обозначена другая цель – земля библейская. Ковчег Ноя после всемирного потопа пристал к горам Араратским; Армения – одна из тех стран, которые образуют библейскую географию. Поэтому желаемую поездку в Армению Мандельштам уподобляет исходу: «Я покину край гипербореев, / Чтобы зрением напитать судьбы развязку, / Я скажу “села” начальнику евреев / За его малиновую ласку» («Канцона», 1931²). Слово «села» (вернее, «сэла», с ударением на первом слог) встречается 71 раз в 39 псалмах и кроме этого только 3 раза в 3-й главе книги пророка Хабаккука (в русской Библии – книга пророка Аввакума). Таким образом, «села» у О.М. является указателем на псалмы Давида (прямо упомянутого в «Канцоне»). «Малиновой лаской» названо, вероятно, армянское церковное пение. Давид-псалмопевец упоминается и в «Путешествии в Армению» (1931–1932):

«Аштаракская церковка самая обыкновенная и для Армении смиренная. <...> Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол!

Настоящий! Как в Риме у Петра, под которым тысячные толпы, и пальмы, и море свечей, и носилки.

Кому же пришла идея заключить пространство в этот жалкий погребец, в эту нищую темницу, – чтобы ему там воздать достойные псалмопевца почести?»³ Иудейское, армянское и «римское» в этом пассаже существуют в единстве. Московские же реалии в «Путешествии в Армению» подаются негативно: не случайно в «буддийской» Москве комнаты соседей напоминают восточные кумирни: «Рядом со мной проживали суровые семьи трудящихся. <...> Внутри их комнаты были убраны как кустарные магазины, различными символами родства, долголетия и домашней верности. Преобладали белые слоны большой и малой величины, художественно исполненные собаки и раковины. Им не был чужд культ умерших, а также некоторое ува-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 62.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 139.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 285.

жение к отсутствующим. Казалось, эти люди с славянски-пресными и жестокими лицами ели и спали в фотографической молельне. <...> Нигде и никогда я не чувствовал с такой силой арбузную пустоту России... Мне хотелось поскорее вернуться туда [в Армению – Л.В.], где черепа людей одинаково прекрасны и в гробу, и в труде»¹. Армения – «страна субботняя» (суббота в еврейской традиции – день отдыха и радости), субститут «земли иудейской». Пребывание в Армении мыслится как кратковременное счастье, возвращение в Москву – как вынужденный отъезд из этой благословенной страны: «В год тридцать первый от рожденья века / Я возвратился, нет – читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву. / Аперед тем я все-таки увидел / Библейской скатертью богатый Арарат / И двести дней провел в стране субботней, / Которую Арменией зовут» («Отрывки уничтоженных стихов»)². Себя же Мандельштам сравнивает и объединяет с еврейским музыкантом: «Нам с музыкой-голубою / Не страшно умереть...» («Жил Александр Герцевич...», 1931)³.

По мнению Д. Бетеа, «в конце двадцатых Мандельштам начинает *переворачивать* мифопоэтику своих ранних произведений: если раньше он исторгает себя из хаотического *омута* истоков, чтобы стать поэтом, подобным христианскому мученику, то теперь он яростно защищает свое *почетное звание иудея*...»⁴. Констатируя, что в очерке о Михоэлсе Мандельштам усматривает эллинскую «пластичность» в игре актеров еврейского театра (а ранее Мандельштам говорил об «эллинизме» как о наследии, усвоенном русской культурой), А. Барзах делает вывод: «Эта переадресация... коррелирует с заменой “русского” на “иудейское” (или как бы эквивалентное ему “армянское”), прослеживаемое и в “Египетской марке”, и в “Четвертой прозе”, и в “Канцоне”, и в “Путешествии в Армению”, – и не просто заменой, но инверсией (переадресации подвергаются такие значимые для Мандельштама мифологемы как “камень”, “посох”, “язык”, а “гранитный рай” Петербурга оборачивается “египетским изгнанием” для “бед-

¹ Там же. С. 266.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 142.

³ Там же. С. 135.

⁴ Бетеа Д. Мандельштам, Пастернак, Бродский: иудаизм, христианство и создание модернистской поэтики // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб, 1993. С. 374.

ных его сынов», то есть также оказывается в поле иудейской семантики, причем негативно)»¹.

В 1932–1935 гг. Мандельштам написал несколько философских восьмистиший, в которых он затрагивает вопросы познания мира, поэтического (и вообще художественного) творчества, эволюционных изменений в природе. По мнению М. Гаспарова, в «Восьмистишиях» нашла отражение философия А. Бергсона, одного из тех мыслителей, под влиянием которых формировалось мировоззрение Мандельштама². Мандельштам писал о Бергсоне, «чей глубоко иудайстический ум одержим настойчивой потребностью практического монотеизма», в статье «О природе слова» еще в 1922 г.³ В восьмистишии «Скажи мне, чертежник пустыни...», где противопоставляются «арабских песков геометр» и «ветр» («трепет / Его иудейских забот»), можно усмотреть, во-первых, поэтическую интерпретацию идей Бергсона о коренном различии между интеллектом, имеющем инструментально-операционный характер, и интуицией, непосредственно «схватывающей» жизнь и определяющей эстетические способности человека, и, во-вторых, проявление исключительно важной для Мандельштама мысли о языке, порождающем реальность, «перетекающем» в нее и вновь возникающем из нее: «Он [«ветр» – Л.В.] опыт из лепета лепит / И лепет из опыта пьет...»⁴. (О связи данного восьмистишия с идеями Бергсона писали Л. Видгоф и А. Ковельман)⁵. «Разве вещь – хозяин слова? – писал Мандельштам в статье «Слово и культура» (1921). – Слово – Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи

¹ Барзах А.Е. Без фабулы. Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама // Постскрипtum. Литературный журнал. 1998. № 2. С. 186.

² См.: Гаспаров М.Л. «Восьмистишия» Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама. М., 2001.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 55.

⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 163.

⁵ Видгоф Л.М. О стихотворении Осипа Мандельштама «Скажи мне, чертежник пустыни...» // Видгоф Л.М. Статьи о Мандельштаме. М., 2015; Ковельман А.Б. Осип Мандельштам как экзегет // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4, полутом 2. М., 2008.

слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела»¹. А в письме М. Шагинян (5 апреля 1933 г.) Мандельштам утверждал: «Материальный мир – действительность – не есть нечто данное, но рождается вместе с нами. Для того, чтобы данность стала действительностью, нужно ее в буквальном смысле воскресить. Это-то и есть наука, это-то и есть искусство»². Представление Мандельштама о том, что слово первично, что оно есть творящее начало (а поэт есть, соответственно, воплощенное слово) согласуется с иудаистским (усвоенным христианством) положением, что слово создало мир и поддерживает его существование. Однако не стоило бы говорить в случае Мандельштама об исключительно еврейском источнике этой идеи: «Поэтика Мандельштама – это поэтика воплощенного слова, и она органически входит в контекст эстетических идей русского православия»³.

В «Разговоре о Данте» (1933) еврейская тема, казалось бы, прямо не проявляется, но подспудно она присутствует в этом эссе – говоря о Данте, Мандельштам в значительной мере говорит о себе, и итальянский поэт представлен в качестве маргинала-неудачника, не умеющего себя вести и только благодаря Вергилию не попадающего в скандальные ситуации, – «разночинец четырнадцатого века, который так мучительно находил себя в социальной иерархии»: «Дант – бедняк. Дант – внутренний разночинец старинной римской крови. <...> Нужно быть слепым кротом, чтобы не заметить, что на всем протяжении “*Divina Commedia*” Дант не умеет себя вести, не знает, как ступить, что сказать, как поклониться»; «Если бы Данта пустить одного, без “*dolce padre*” – без Вергилия, скандал неминуемо разразился бы в самом начале и мы имели бы не хождение по мукам и достопримечательностям, а самую гротескную буффонаду». И там же: «То, что для нас безукоризненный капюшон и так называемый орлиный профиль, то изнутри было мучительно преодолеваемой неловкостью, чисто пушкинской камер-юнкерской борьбой за

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 46.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 3. СПб, 2017. С. 432.

³ Лотман М.Ю. Осип Мандельштам: поэтика воплощенного слова // Золян С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн, 2012. С. 151.

социальное достоинство и общественное положение поэта»¹. В последней из процитированных фраз Мандельштам цитирует раннее стихотворение о самом себе: «Так вот кому летать и петь / И слова пламенная ковкость, – / Чтоб прирожденную неловкость / Врожденным ритмом одолеть!» («Автопортрет», 1914)².

В последний период жизни Мандельштама – время воронежской ссылки и полтора года после нее – в произведениях, которые дошли до нас (очевидно, что дошло далеко не все), еврейская тема практически не звучит – творческое ее освоение совершилось в упомянутых выше вещах. Отметим, однако, заявление о верности своему «нелинейному» пути и «чертовой» фамилии в стихотворении «Это какая улица?» (1935): «Что за фамилия чертова! / Как ее не вывертывай, / Криво звучит, а не прямо. // Мало в нем было линейного, / Нрава он не был лилейного...»³.

Кроме того, Мандельштам несомненно соотносил свое положение с евреями-жертвами инквизиции. «...он [Мандельштам – Л.В.] ощущал связь с пастухами и царями Библии, с александрийскими и испанскими поэтами и философами и даже подобрал себе среди них родственника: испанского поэта, которого инквизиция держала на цепи в подземелье. “У меня есть от него хоть кровинка”, сказал Мандельштам, прочтя в Воронеже биографию испанского еврея»⁴. (В Воронеже Мандельштам читал книгу «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции». Л. – М., 1934).

Д. Бетеа устанавливает также связь изменения поэтики О.М. в 1930-е с интересующей нас темой: если в «Шуме времени» «косноязычие» семьи («Что хотела сказать семья? Я не знаю. Она была косноязычна от рождения, – а между тем у нее было что сказать») оценивается негативно (только мать, вероятно, «первая... в роду» «дорвалась до чистых и ясных русских звуков»⁵, то теперь усложнение

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 140–141.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 262.

³ Там же. С. 174.

⁴ Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 503.

⁵ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 213 и 191.

речи, негладкость ее, «шероховатость» фонетики реабилитируются: «В самом деле, “лепет” и “косноязычие”, которые в “Шуме времени” поэт связывал со своим еврейским прошлым, приобретают позитивный смысл в тридцатых – “неразрешенный язык” как источник настоящей поэзии имеет право быть неясным и непрямым»¹.

Целый ряд исследователей отмечает близость творческого мышления Мандельштама и традиционного еврейского дискурса, представленного, в частности, в Талмуде. «Чтобы разгадать эту систему отсылок, переносов, аллюзий, сквозящую иным, еще непрочитанным текстом, каждый читатель поневоле становится талмудистом и каббалистом»². Основываясь на писательской практике и высказываниях Мандельштама, можно заключить, что он воспринимал культуру как сложнейшее образование, элементы которого соединены между собой бесчисленными связями, как некий супертекст, единый при всем многообразии составляющих его частей, в том числе и разных языков, которые на определенном уровне, при всех отличиях, родственны друг другу и находятся в некоем «общении». В «Заметках о Шенье» (1914; 1922) Мандельштам утверждает, что «стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени, ибо все языки связаны братским союзом, утверждающимся на свободе и домашности каждого, и внутри этой свободы братски родственны и по-домашнему аукаются»³. Это все усложняющееся единство с необходимостью порождает бесконечные комментарии и интерпретации. «Культура выступает [для Мандельштама – Л.В.] как священная книга, требующая все новых добросовестных комментариев и расшифровок»⁴. Но именно таково отношение талмудистов к Торе. «Писатель для Мандельштама – не столько оригинальный создатель, что вряд ли совмещалось бы с традиционным иудейским взглядом на Господа как Первотворца всего, – но скорее переводчик и толкова-

¹ Бетеа Д. Мандельштам, Пастернак, Бродский: иудаизм, христианство и создание модернистской поэтики // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб, 1993. С. 375.

² Эпштейн М.Н. Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда, 2000. № 4. С. 83.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 85.

⁴ Эпштейн М.Н. Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда, 2000. № 4. С. 91.

тель некоего первичного текста. <...> Каждое стихотворение – надпись на полях Книги, род комментария: к Гомеру, Овидию, Данте, Оссиану, Эдгару По, Батюшкову, Пушкину, Баратынскому, Тютчеву или какому-то еще неизвестному, неразысканному, но предсуществующему источнику»¹. Мандельштам и себя воспринимает в качестве «буквы» в этой Книге: «И много прежде, чем я смел родиться, / Я буквой был, был виноградной строчкой, / Я книгой был, которая вам снится» («К немецкой речи», 1932)². Высказывание О.М. о том, что языки «братски родственны» и «аукаются», не было никак не связанным с его писательской практикой теоретическим положением; напротив, это убеждение подкреплено творчеством поэта. Стараниями Г. Левинтона, Р. Тименчика, Г. Суперфина, Ф. Успенского, М. Безродного, Л. Городецкого, О. Ронена выявлено немалое количество иноязычных подтекстов в стихах и прозе Мандельштама. Одним из главных «поставщиков» таких подтекстов, по мнению Л. Городецкого, был язык идиш. Далеко не все примеры подтекстных идишизмов, приводимые Л. Городецким, можно признать убедительными; однако в ряде случаев выводы исследователя вполне обоснованны. Так, в ст-ии «В Петрополе прозрачном мы умрем...» (1916) в строке «Богиня моря, грозная Афина» русское слово «море» «аукается» с идишским «тоуге / теуге» («страх», «ужас»), что «порождает», вероятно, эпитет «грозная». А в стихотворении 1921 г. «Умывался ночью на дворе» строки «Твердь сияла грубыми звездами» и (ниже) «Чище правды свежего холста» (вариант в публикации в газете «Накануне» в 1922 г.: «грубого холста») получают важный дополнительный смысл, если принять во внимание, что в польском диалекте идиша «grub» – «крупный, толстый», а также (омоним) – «могила»: следовательно, возникают следующие смыслы: «Крупными могильными звездами, большими звездами смерти» и «правды грубого, могильного, смертного холста» – т.е. савана. Такое понимание соответствует, во всяком случае, и образной логике ст-ия, и тому обстоятельству, что оно было написано – предположительно – в связи с получением известий о кончине А. Блока и гибели Н. Гумилева. Бесспорным представляется умозаключение относительно шуточного стихотворения, сочиненного вместе с Б. Лившицем, «На

¹ Там же. С. 91.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 156.

Моховой семейство из Полесья...» (1926 или 1927). Речь идет о стихах «Два карлика построили шалаш / Для ритуала, для раввинских каш». Л. Городецкий указывает на то, что «каш» здесь несомненно имеет связь с идишским «kaše» – «трудный вопрос, проблема». Выражение «di fir kašes» – «четыре вопроса» – обозначает на языке идиш часть иудейского пасхального ритуала (седера). (Добавим, что слово «kashe» – в значении «трудность в рассуждении», «проблема» – восходит к Талмуду, где многократно используется именно там, где речь идет о дискуссиях законоучителей. Кроме того, «шалаш» здесь, возможно, намекает на иудейский праздник «Суккот», в дни которого часть времени, по меньшей мере, положено проводить в покрытых ветками временных строениях.) Так же убедительна трактовка стиха из ст-ия «Дикая кошка – армянская речь...» (1930): «О, лихорадка, о, злая моруха!» (есть источник с вариантом «маруха»). «Магохе / maguxe» на идише – «судьба, счастье, доля»¹.

Говоря о типологической близости творческого мышления О.М. и традиционной еврейской ментальности, ряд авторов отмечает также впечатляющее сходство мандельштамовских образов и соответствующих смысловых ходов в иудейской литературе. Л. Видгоф, например, сопоставляет высказывание одного из законоучителей («Сказал раби Йоханан от имени раби Шимона бен Йохая: “Всякий мудрец, когда говорят слова, слышанные из его уст в этом мире, – уста его шевелятся в могиле”») со стихами Мандельштама: «Да, я лежу в земле, губами шевеля, / И то, что я скажу, заучит каждый школьник...» («Да, я лежу в земле, губами шевеля...», 1935²)³. Б. Острер, указывая на один из подобных случаев, пишет: «Какое-либо заимствование следует решительно исключить. Хотя в доме его родителей бывали и раввины, и фольклорист Ан-ский, и учителя иврита, Мандель-

¹ Все примеры взяты из кн.: Городецкий Л.Р. Текст и мир на листе Мебиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама versus еврейская цивилизация. М., 2008. С. 295, 297, 299, 306.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 175.

³ Видгоф Л.М. О стихотворении Осипа Мандельштама «Скажи мне, чертежник пустыни...» // Видгоф Л.М. Статьи о Мандельштаме. М., 2015. С. 28–29. И. Сурат, однако, возводит этот образ Мандельштама к докладу Д.С. Мережковского «Земля во рту» (1909), см.: Сурат И.З. Ясная догадка // Сурат И.З. Человек в стихах и прозе. Очерки русской литературы XIX – XXI вв. М., 2017. С. 210 (примечание 3).

штам был слишком мало знаком с Библией и еврейской традиционной литературой вообще, чтобы библейские и талмудические сюжеты, мотивы, а то и кальки с иврита можно было объяснить прямым заимствованием. Надо думать, здесь мы встречаемся с тем самым сближением, порождением близких сюжетов близким типом ментальности, которое так часто встречается в мировом фольклоре»¹. Другие авторы, например, Л. Кацис и Е. Сошкин² утверждают, что не стоит преуменьшать осведомленность О.М. в соответствующей литературе и традиции, и представляют определенные аргументы в пользу своего мнения.

Еще один аспект «еврейской темы» у Мандельштама: вероятно, в написании и публичном чтении антисталинского стиха «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) возможно усмотреть воспроизведение в иных условиях и времени своего рода архетипа – библейской модели: Давид против Голиафа (тем более, что Сталин в этих стихах предстает наводящим ужас гигантом).

Мандельштам всегда ощущал себя евреем. При этом он никогда не отказывался от того религиозного выбора, который совершил в 1911 г. М. Лотман констатирует: «Религиозные взгляды Мандельштама хорошо известны и вполне удовлетворительно описаны: они не отличаются ни последовательностью, ни однозначностью. Ранний период – интенсивный религиозный поиск и колебания между различными христианскими конфессиями, затем – обобщенный образ христианства внеконфессионального, понимаемого не столько в собственно религиозном, сколько в общекультурном смысле; наконец, в позднем творчестве кругозор поэта еще более расширяется, взгляды становятся еще более аморфными, включающими и традиции ветхозаветной религиозности и русского космизма...»³.

Определение Мандельштама как поэта «иудейского», или «православного» (или даже, более широко, «христианского») представляется упрощающим положением. Мандельштам не поддается в дан-

¹ Острер Б.С. Библейские образы и мотивы в стихотворении О.Э. Мандельштама «Ласточка» // Russian Literature. XLII – II. August 1997. С. 195.

² Кацис Л.Ф. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002; Сошкин Е.П. Гипограмматика. Книга о Мандельштаме. М., 2015. С. 150.

³ Лотман М.Ю. Осип Мандельштам: поэтика воплощенного слова // Золотая С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн, 2012. С. 149.

ном случае однозначной классификации (как и во многих других случаях). Кажется слишком категоричным вывод Н. Струве: «Третьей встрече [имеются в виду строки из стихотворения Мандельштама «На развалинах, уложенных соломой...» (1916): «Не три свечи горели, а три встречи – / Одну из них сам Бог благословил...» – Л.В.] суждено быть последней: византийско-русское христианство завершает духовный путь»¹. Говоря о стихотворении Мандельштама «Канцона» (1931), Надежда Мандельштам замечает: «Я думаю, что конкретность мышления Мандельштама была такова, что обе темы – национальная и религиозная [темы возвращения к своему народу и Богу – Л.В.] слились. <...> Первоначальная общность иудейско-христианского мира для Мандельштама, искавшего “ключи и рубища апостольских церквей” гораздо ощутимее, чем последующее разделение»². Нет достаточных оснований для того, чтобы говорить о возврате поэта к иудаизму. «Опираясь на ряд (преимущественно устных) высказываний позднего Мандельштама, – пишет М. Лотман, – некоторые авторы считают возможным говорить о его возврате (?) к иудаизму. <...> ...у позднего Мандельштама, действительно, очевидно пробуждение интереса к еврейской проблематике. Однако предмет его интереса был довольно четко ограничен библейским периодом и сефардской традицией; иудаизм же продолжал ассоциироваться у него, в первую очередь, с ашкеназийской традицией, от которой он всегда дистанцировался. Важнее, однако, что в его якобы “каббалистических” высказываниях не содержится ничего, что противоречило бы духовной традиции православия. Иудео-христианская духовная традиция... оставила глубокий след в культурной традиции христианства восточного»³. Автор статьи не согласен с утверждением о полном неприятии Мандельштамом ашкеназийской традиции – этому противоречит статья о Госете и Михоэлсе, например. Но в остальном мнение М. Лотмана представляется убедительным.

О. Ронен подчеркивает, что отношение Мандельштама к жизни – это в первую очередь отношение поэта: «Много слов было сказано о

¹ Струве Н.А. Осип Мандельштам. М., 2016. С. 131.

² Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 552–553.

³ Лотман М.Ю. Осип Мандельштам: поэтика воплощенного слова // Золян С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн, 2012. С. 150.

религиозности Мандельштама, и... набожные критики по крайней мере трех вероисповеданий борются за русско-еврейскую душу поэта. <...> ... Мандельштам в обыденной жизни скорее посещал, нежели ходил в церковь и, насколько нам известно, не придерживался обрядов никакой официальной религии, а Мандельштам-поэт скорее пользовался религией в качестве материала для творчества, нежели наоборот»¹. При этом неоспоримым фактом является то, что в мировую поэзию О.М. вошел в качестве русского поэта. «Вообще же Мандельштам, не отрекаясь от своего происхождения, сделал выбор в пользу того, чтобы поэтом быть именно русским. Такова была его воля»². Но, войдя в русскую поэзию, О.М. принес в нее (а также в русскую прозу), наряду с прочим, и «еврейскую тему» во всей ее сложности и драматизме; принес, никак нарочито не заботясь об этом, еврейский образ мысли, еврейский взгляд на мир – что, несомненно, обогатило русскую словесность. В письме Ю. Тынянову (от 21 января 1937 г.) Мандельштам заявил: «Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе»³. Это заявление имеет отношение, очевидно, и к «еврейской теме».

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы. М., 2011.
- Багге М.Б. Библейские мотивы в поэзии О. Мандельштама // «В Петербурге мы сойдемся снова...». Материалы Мандельштамовских чтений (декабрь 1991). СПб, 1993.
- Багратион-Мухранели И.Л. О словнике «Египетской марки» // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.

¹ Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собрание произведений: стихотворения. М., 1992. С. 508.

² Ответы С.С. Аверинцева на анкету журнала «Вестник русского христианского движения» // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы. М., 2011. С. 27–28.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 3. СПб, 2017. С. 461.

- Барзах А.Е. Без фабулы. Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама // Постскриптум. Литературный журнал. 1998. № 2.
- Бетеа Д. Мандельштам, Пастернак, Бродский: иудаизм, христианство и создание модернистской поэтики // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб, 1993.
- Вайман Н.И., Рувин М. Шатры страха. М., 2011.
- Вайман Н.И. Черное солнце Мандельштама. М., 2013.
- Вайман Н.И. Мандельштам и Мережковские; Тоска по мировой культуре // Вайман Н.И. «Любовной лирики я никогда не знал...». Серебряный век: Мандельштам, Ахматова, Гиппиус, Мережковский. М., 2015.
- Вайман Н.И. Мандельштам: послание к евреям // сетевой журнал «Заметки по еврейской истории». Май-июнь 2017. № 5–6.
- Видгоф Л.М. О стихотворении Осипа Мандельштама «Скажи мне, чертежник пустыни...»; О «начальнике евреев» и «малиновой ласке» (Два шага на пути к пониманию «Канцоны» О. Мандельштама) // Видгоф Л.М. Статьи о Мандельштаме. М., 2015.
- Видгоф Л.М. Некоторые соображения о стихотворении «Где ночь бросает якоря...» // Видгоф Л.М. Мандельштам и... М., 2018.
- Городецкий Л.Р. Текст и мир на листе Мебиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама versus еврейская цивилизация. М., 2008.
- Городецкий Л.Р. Квантовые смыслы Осипа Мандельштама. Семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М., 2012.
- Городецкий Л.Р. Пульса ди-нура Осипа Мандельштама: последний террорист БО. М., 2018.
- Каганская М. Осип Мандельштам – поэт иудейский (Мандельштам и Хомяков) // Сион. № 20. Иерусалим, 1977.
- Кац Б.А. Песенка о еврейском музыканте: “шутка” или “кредо”? К подтекстам и интерпретациям стихотворения Мандельштама “Жил Александр Герцевич...” // Новое литературное обозрение. 1994. № 8.
- Кацис Л.Ф. «Се черно-желтый свет, се радость Иудеи» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21.
- Кацис Л.Ф. Вокруг «Фагота» и «Египетской марки» (к теме «Мандельштам и Шолом-Алейхем») // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама. М., 2001.

- Кацис Л.Ф. Осип Мандельштам: мускус иудейства. Иерусалим – М., 2002.
- Кацис Л.Ф. Иудаизм и еврейство // Осип Мандельштам, его предшественники и современники. М., 2007.
- Ковельман А.Б. Осип Мандельштам как экзегет // “Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып.4, полутом 2. М., 2008.
- Куняев С.Ю. Прогулки с Мандельштамом (Не нужен ему «иудейский хаос». Евреям мы Осипа не отдадим) // Куняев С.Ю. Поэзия. Судьба. Россия. Кн.2. М., 2001.
- Львов А.Л. Желтое и черное. Опыт исследования еврейской ментальности. Вторая книга. Н.-Й. – Мюнхен, 1988.
- Мандельштам О.Э. Египетская марка. Пояснения для читателя. Составители О. Лекманов, М.Котова, О. Репина, А. Сергеева-Клятис, С. Синельников. М., 2012.
- Лотман М.Ю. Осип Мандельштам: поэтика воплощенного слова // Золян С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн, 2012.
- Мордвинов А.Б. Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама // Человек. Культура. Слово. Мифопоэтика древняя и современная. Межвузовский сб. научных статей. Вып.2. Омск, 1994.
- Мусатов В.В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
- Острер Б.С. Библиейские образы и мотивы в стихотворении О.Э. Мандельштама «Ласточка» // Russian Literature. Vol. XLII – II. 1997.
- Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собрание произведений: стихотворения. М., 1992.
- Сегал Д.М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Часть I. Кн.1. и 2. Jerusalem – Berkeley. 1998.
- Сендерович С.Я. Мандельштам и Гершензон: заметки к пониманию «Восьмистиший» Мандельштама // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999.
- Стратановский С.Г. Мандельштам о гуманизме // Звезда, 2019, № 8.
- Струве Н.А. Осип Мандельштам. М., 2016.
- Тарановский К.Ф. Черно-желтый свет. Еврейская тема в поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.
- Тименчик Р.Д. Еврейские подтексты в «Египетской марке» Осипа Мандельштама // Jews and Slavs. Vol.I. Jerusalem – СПб, 1993.

- Фэвр-Дюпэрг А. Тоска по единству: о влиянии Бергсона на раннего
Мандельштама // Russian Literature. Vol. XLII – II. 1997.
- Эпштейн М.Н. Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда, 2000. № 4.
- Cavanagh C. The Poetics of Jewishness: Mandel'stam, Dante and the
“Honorable Calling of Jew” // Slavic and East European Journal.
1991. Vol.35. N3.
- Cavanagh C. Osip Mandelstam and the Modernist Creation of Tradition.
Princeton, 1994.
- Freidin G. A Coat of Many Colors. Osip Mandelstam and His Mythologies
of Self-Presentation. Berkeley – Los Angeles – London. 1987.
- Isenberg Ch. Substantial Proofs of Being: Osip Mandelstam's Literary
Prose. Columbus (Ohio), 1987.
- O.R. (O.Ronen) Mandelshtam, Osip Emilyevich. Encyclopaedia Judaica.
Year Book. Jerusalem, 1973.
- Pollak N. Mandelstam the Reader. Baltimore – London, 1995.

О СТИХОТВОРЕНИИ МАНДЕЛЬШТАМА «МЫ ЖИВЕМ, ПОД СОБОЮ НЕ ЧУЯ СТРАНЫ...»¹

* * *

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина,
И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933²

¹ Части предлагаемой вниманию читателя статьи опубликованы в первоначальных вариантах в интернет-изданиях: Осип Мандельштам: от «симпатий к троцкизму» до «ненависти к фашизму» // Colta.ru, 19 мая 1920 г.; Дополнения к сказанному. В рифму: «широкая грудина» и «широкая грудь осетина» и другие наблюдения // Литература. № 163. Июль 2020 г.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 160. В некоторых других авторитетных изданиях в седьмом стихе имеется существенное отличие: «Тараканьи смеются глазища» (см., например: Мандельштам О.Э. Собр. соч. В 4 т. / Сост. П.М. Нерлер, А.Т. Никитаев. Т. 3. М., 1994. С. 74; Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза / Сост. Ю.Л. Фрейдин. М., 2001. С. 167). О причине расхождения в публикуемых текстах см. ниже.

Стихотворение Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...»¹, написанное в ноябре 1933 года, представляет собой поразительное явление как в русской литературе, так и в общественной жизни. Его, в сущности, не с чем сравнить – стихи Павла Васильева «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына...» (1931 или 1932), при всей их значимости и смелости, несопоставимы с мандельштамовскими по художественной силе (однако не исключено, что «жопа» в одном из дошедших до нас вариантов мандельштамовского стихотворения² могла быть «цитатой» из Васильева). А.К. Жолковский и Л.Г. Панова в своей статье «Он мастер, мастер, больше, чем мастер» пишут о мандельштамовской инвективе: «Развивая тезис об изощренности рассматриваемого текста, подчеркнем, что перед нами не шокирующий одноходовой жест/фокус авангардистского, обэриутского или акционистского толка (ср. акт экзорцизма, исполненный группой Pussy Riot в Храме Христа Спасителя, или мученический перформанс Петра Павленского на Красной площади) и не стихотворные антисталинские выпады, дерзкие, но поэтически сравнительно беспомощные (как у мандельштамовских современников Александра Тинякова и Павла Васильева), а сложное художественное построение»³. А. Жолковский и Л. Панова несомненно правы; попробуем, однако, присмотреться к стихам П. Васильева. Примем во внимание, что Мандельштам знал Павла Васильева, ценил его стихи, упомянул его в одном из своих шуточных стихотворений («Мякнул конь и кот заржал...» – вероятно, 1932 г.). Васильев был у Мандельштама. «Осип Эмильевич его полюбил. Васильев платил тем же, часто прибегал, читал свои стихи, охотно беседовал с Надей», – пишет Э.Г. Герштейн⁴. В Воронеже в 1935 г. Мандельштам

¹ В дальнейшем упоминается как «Мы живем...».

² «И широкая жопа грузина». См.: Богатырева С.И. Серебряный век в нашем доме. М., 2019. С. 195.

³ Интернет-журнал Colta.ru 1 июня 2020 г. <https://www.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-lada-panova-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-stranu> Имеются виду стихи А.И. Тинякова «Чичерин растерян, и Сталин печален...» (1926) и П.Н. Васильева «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына...» (1931). См. также более позднюю и существенно дополняющую первый вариант работы статью А. Жолковского и Л. Пановой: Больше чем мастер. Поэтика и прагматика антисталинской эпиграммы Мандельштама // Звезда. 2020 г. № 9.

⁴ Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб, 1998. С. 36.

сказал С.Б. Рудакову: «В России пишут четверо: я, Пастернак, Ахматова и П. Васильев»¹. Первая строка васильевского стихотворения: «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына». У Мандельштама последняя строка (согласно автографу из следственного дела) отвечает в рифму Васильеву: «И широкая грудь осетина». Причем переключка поддержана предпоследними словами этих строк: ударение падает на один и тот же гласный «у». «Жопу» находим в последнем стихе Васильева, она же обнаруживается в варианте последнего стиха у Мандельштама (в этом варианте последнее слово стихотворения, «грузина», также отвечает в рифму васильевской строке).

Известно, что Мандельштам, особенно поздний, вариативен. Трудно, а часто и невозможно определить, что является, так сказать, каноническим текстом. Это относится и к «Мы живем...». В ранней редакции стихи 3–4 выглядели так: «Только слышно кремлевского горца – / Душегубца и мужикоборца»² (ср. имевшую отношение к преобразованиям в деревне строку о «мужикоборце» со стихом «И тени страшные Украйны и Кубани...» – так сказано о голодающих крестьянах в другом, корреспондирующем стихотворении 1933 г. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...»). Что считать «правильным» в парах «глазища / усища»³, «дарит / кует», «осетина / грузина» (а еще вроде бы вставал выбор между «тычет» и «кычет»)? Автору данной работы «глазища» представляются все же более обоснованным вариантом: не только потому, что это слово стоит в автографе стихотворения из следственного дела 1934 г. и его же мы обнаруживаем в записи текста «Мы живем...», которую сделал Б. С. Ку-

¹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). Публикация и подготовка текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб, 1997. С. 83–84.

² Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 107.

³ В автографе следственного дела Мандельштама 1934 года «глазища». См.: Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 45. Фотография автографа воспроизведена в книге на вклейке между страницами 56 и 57. А.Г. Мец полагает, что «“глазища” вместо “усища” в автографе «явилось результатом описки, воспроизводящей вариант ранней редакции» (Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 563).

зин¹, но и в силу фонетического согласования: «ГлазиЩа» преобразуются в следующем стихе в «ГоЛениЩа». Согласование рифмующихся слов поддержано переключкой «с» в этих же строках: «Смеются» – «Сияют».

Ни Васильев, ни Мандельштам не называют Сталина его партийным именем, и тот, и другой подчеркивают его инородчество (в отношении Мандельштама об этом совершенно верно пишут А. Жолковский и Л. Панова). У Васильева – «Джугашвили», у Мандельштама – «горец», «осетин». Насколько нам известно, фамилия «Джугашвили» объясняется по-разному. По одной из версий первая часть фамилии происходит от осетинского слова, которое значит «отара, стадо». Вторая же – грузинское «швили» – «потомок», «ребенок». Таким образом, «осетин» у Мандельштама, возможно, имеет отношение к этому толкованию. (Есть и другие версии, объясняющие фамилию вождя. По одной из них, первая часть фамилии восходит к древнегрузинскому слову, значившему «сталь». Отсюда, возможно, псевдоним «Сталин». М. Вайскопф указывает на вероятную связь псевдонима с нартским эпосом: «Вероятно, нигде в мире не существует такого глобального культа железа и стали, как на Кавказе, и прежде всего в нартском эпосе...»².) Мандельштам, во всяком случае, «настаивал» на горском происхождении вождя и употреблении его изначальной фамилии: «Он родился в горах и горечь знал тюрьмы. / Хочу его назвать – не Сталин, – Джугашвили!» (Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» <«Ода» >, 1937³).

Еще несколько слов на «металлическую» тему. «Слова Сталина... неприятны, но весомы (как пудовые гири, верны)...»; «Пудовые гири... манифестируют давящую непререкаемость сталинского слова»⁴. Без

¹ Текст стихотворения по записи Б.С. Кузина приведен в кн.: Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 31. С точки зрения А.Г. Меца, в записи Б. Кузина отразилась ранняя редакция стихотворения.

² Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М., 2001. С. 193.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 279.

⁴ Жолковский А.К., Панова Л.Г. Он мастер, мастер, больше, чем мастер // Интернет-журнал Colta.ru 1 июня 2020 г. <https://www.colta.ru/articles/literature/24565-aleksandr-zholkovskiy-lada-panova-my-zhivem-pod-soboyu-nechuaya-strany>

сомнения, это так. Но вот что хотелось бы добавить по этому поводу. «Верность» пудовых гирь довольно сомнительна. Это не очень точный инструмент измерения. Мандельштам очень пронизательно уловил сталинский подход к решению проблем. Это работа по-своему эффективная, но топорная. Герой стихотворения действует не как хирург, он бьет кувалдой. Отношение Мандельштама к Сталину в начале 1930-х гг. зафиксировала Э.Г. Герштейн:

«Папа стоял посреди комнаты и с высоты своего роста с некоторым недоумением слушал Мандельштама. А он, остановившись на ходу и жестикулируя так, *как будто он подымал обеими руками тяжесть с пола* [курсив мой – Л. В.], горячо убеждал в чем-то отца:

– он не способен сам ничего придумать...

– воплощение нетворческого начала...

– тип паразита...

– десятник, который заставлял в Египте работать евреев...

Надо ли объяснять, что Мандельштам говорил о Сталине?»¹.

Э. Герштейн не только сохранила слова Мандельштама, но и отметила то чувство тяжести, которое связывалось у поэта с образом Сталина. Мотив тяжести сочетался, очевидно, у Мандельштама с представлением о прямолинейном, примитивно-лобовом подходе к решению социально-политических проблем. (Примем во внимание, что ждать от Мандельштама последовательности в политических вопросах не приходится. То симпатии к троцкизму – об этом ниже; то желание принять советскую действительность в стихах 1931 г.; то опознание Гитлера в родстве с «нашими вождями» в 1933 г.; то воронежская так называемая «Ода» Сталину; то там же в Воронеже написанное стихотворение о Вийоне – «Чтоб, приятель и ветра и капель...» – где осмеиваются «Египтян государственный стыд» вкупе с пирамидами и прославляется французский поэт-отщепенец. В данном случае речь идет о Мандельштаме в период, предшествующий написанию «Мы живем...»).

И еще одно соображение в связи с «гирями». Думается, что «металлические» детали «Мы живем...» (кроме «гирь», упоминается «подкова», которую кремлевский хозяин «дарит» – а за «дарит» неизбежно слышится «кует» – так же, как за «глазищами» читатель не может не услышать «усища») обязаны своим происхождением не только псевдониму «Сталин», но и другому – «Молотов». Н. Я. Ман-

¹ Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб, 1998. С. 26.

дельштам, говоря о написании антисталинских стихов, сообщает: «Тонкую шею О.М. заметил у Молотова – она торчала у воротничка, увенчанная маленькой головкой. “Как у кота”, – сказал О. М., показывая мне портрет»¹. Не исключено, что от этого «кота» в стихах Мандельштама и «кто мяучит».

Особняком стоит стихотворение о Сталине не только в русской поэзии, но и в поэзии Мандельштама. Несомненно, оно связано с такими его стихами, как «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...» и «Квартира» («Квартира тиха, как бумага...») того же 1933 года, но и на их фоне «Мы живем...» видится чем-то совершенно особенным по лапидарной образной мощи, по неприкрытой ярости, по целенаправленной демонстративной оскорбительности.

Естественным образом возникает вопрос: что послужило конкретной причиной написания столь впечатляющей инвективы? И была ли такая причина?

Автор данной работы убежден, что одной такой причины, одного побудительного толчка, вызвавшего написание антисталинского стихотворения, не было. Мандельштам, по нашему мнению, шел к созданию «Мы живем...» на протяжении целого ряда лет. Накопилось – и прорвалось стихами. Количество перешло в качество. Представляется верным предположение О.А. Лекманова, который пишет, что «не удалось найти конкретного веского повода к написанию самоубийственного мандельштамовского стихотворения “Мы живем, под собою не чуя страны...”... Не означает ли это, что такого решающего повода просто не было, а был месяцами копившийся гнев, чью поэтическую вспышку в ноябре 1933 г. мог спровоцировать любой пустяк?»².

О. Ронен обратил внимание на историю с М. Рютиным, которая могла произвести впечатление на Мандельштама, тем более что среди единомышленников Рютина «было несколько видных сотрудников Бухарина», партийного деятеля, с которым поэт был хорошо знаком и который Мандельштаму помогал и в житейских (например, получение жилья при Доме Герцена в 1932 г.), и в издательских де-

¹ Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 239.

² Лекманов О.А. Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...» Записки Мандельштамовского общества. Вып. 5/2. М., 2011. С. 527.

лах (планировавшаяся в 1933 г. в ГИХЛе публикация тома избранных произведений).

«Есть среди советских общественных деятелей трагическая фигура, которую по ее жертвенности можно сопоставить с судьбой Мандельштама. Речь идет о Мартемьяне Никитиче Рютине. <...> К осени 1932 года ОГПУ оформило дело о якобы контрреволюционной организации, созданной Рютиным и занимавшейся “антисоветской деятельностью”. В основе дела лежал документ под названием “Ко всем членам партии”, разосланный по почте или лично переданный членам ЦК. Достаточно привести из этого обращения несколько слов о Сталине и о результатах его деятельности, чтобы дать понятие о беззаветной отваге Рютина: “великий агент-provokator”, “разрушитель партии”, “могильщик революции”, “обнищание”, “намордник, надетый на всю страну”, “бесправие, произвол и насилие”. Называлась организация “Союз марксистов-ленинцев”. Ее подробно разработанная платформа известна по обширному докладу Рютина “Сталин и кризис пролетарской диктатуры”. <...> ...10 января 1937 года приговорен к расстрелу по обвинению в “контрреволюционной террористической деятельности”»¹.

Выступление Рютина против Сталина, очевидно, могло быть одной из причин для написания «Мы живем...».

И.З. Сурат опубликовала в 2017 г. в журнале «Знамя» (№ 11) статью: «“Я говорю за всех...”». К истории антисталинской инвективы Осипа Мандельштама». И. Сурат нашла одну из бесспорных, как представляется, причин написания «Мы живем...» – арест близкого друга Мандельштама биолога Бориса Сергеевича Кузина. И. Сурат указывает, что арест Кузина в 1933 г. (второй, в год написания «Мы живем...»; первый случился в 1930-м) был для Мандельштама непосредственно близким примером государственного насилия. Замечу, что, с нашей точки зрения, мытарства Кузина входят в число тех по меньшей мере трех «личных» причин написания антисталинских стихов, о которых надо сказать (о двух см. в данной работе ниже: объявление в «Правде» чрезвычайно ранимого и обидчивого Мандельштама «тенью» в связи с его прозой «Путешествие в Армению» и раздражающее сознание своей неуместности в писательском кооперативном доме – в, так сказать, «разрешенной литературе» – в котором Мандельштамы поселились в конце лета или осенью 1933 г.).

¹ Ронен О. Слава // Звезда. 2006. № 7. С. 218–220.

Автор же предлагаемой вниманию читателя работы хотел бы указать на некоторые другие факты, которые, как ему представляется, также относятся в данном случае к делу.

І. От «СИМПАТИЙ К ТРОЦКИЗМУ» ДО «НЕНАВИСТИ К ФАШИЗМУ»

1

Прежде всего обратим внимание на одно из мест в протоколе допроса Мандельштама от 25 мая 1934 г. Оперуполномоченный 4-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Н.Х. Шиваров со слов Мандельштама записал:

«По возвращении в Советскую Россию [из белогвардейского Крыма в 1920 г. – *Авт.*] я вступаю [так! – *Авт.*] в советскую действительность первоначально через литературный быт, а впоследствии непосредственной работой: редакционно-издательской и собственно-литературной. Для моего политического и социального сознания становится характерным возрастающее доверие к политике Коммунистической партии и советской власти.

В 1927 году это доверие колебалось не слишком глубокими, но достаточно горячими симпатиями к троцкизму и вновь оно было восстановлено в 1928 году»¹.

Мандельштам говорит о «горячих симпатиях» к троцкизму в 1927 году. 1927-й – год 10-летия Октябрьской революции; именно в этом году внутрипартийная борьба приняла самые острые формы. Мандельштам, как известно, был активным и постоянным читателем газет. Об этом чтении он написал сам: «А я люблю выбежать утром на омытую светлую улицу через сад, где за ночь намело сугробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков, – прямо в киоск, за “Правдой”»². О.А. Лекманов в своих работах³ убедительно показал, насколько тес-

¹ Цит. по: Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 46.

² «Холодное лето» (1923) // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб, 2017. С. 23.

³ «Я к воробьям пойду и к репортерам». Поздний Мандельштам: портрет на газетном фоне // интернет-журнал Toronto Slavic Quarterly. № 25; «Я гово-

но творчество Мандельштама связано с тем, что публиковалось в прессе его времени. Поэтому обратимся к периодической печати, держа в уме при этом «Мы живем...».

В первую очередь нас будет интересовать газета «Правда», главная газета страны. К 1927 году, который Мандельштам назвал в связи со своими симпатиями к троцкизму, мы вернемся. Но сначала вспомним о некоторых событиях и публикациях более раннего времени.

1923 год. Левая оппозиция пишет о все более укрепляющейся власти партийной бюрократии, «секретарской иерархии» (письмо 46-ти). 11 декабря 1923 г. в «Правде» публикуется статья Троцкого «Новый курс. (Письмо к партийным совещаниям.)», в которой автор предлагал внутрипартийную демократизацию. В январе 1924 г. вышел сборник «Новый курс», куда помимо давшей название книжке статьи, были включены некоторые другие работы Троцкого. Летом и осенью 1924 г. Троцкий готовил к изданию третий том собрания своих сочинений. Предисловие к тому он назвал «Уроки Октября». Третий том с вышеупомянутым предисловием вышел в 1925 г. В «Уроках Октября» противопоставлены последовательные революционеры Ленин и сам Троцкий и проявившие себя в октябре 1917 г. как соглашатели, противники вооруженного восстания некоторые видные деятели партии (в первую очередь речь идет о Каменеве и Зиновьеве). Косвенным образом статья затрагивала и Сталина, поскольку он тогда, после смерти Ленина, был одним из членов «тройки» Зиновьев – Сталин – Каменев. Статья вызвала большой резонанс и ожесточенную полемику в большевистской партии. В январе 1925 г. Троцкий теряет посты председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам. Сталин же постепенно укрепляет власть и завоевывает авторитет в партии. Союз Сталина, Зиновьева и Каменева не был долговечным. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. Каменев заявил, имея в виду Сталина: «Мы против того, чтобы создавать теорию “вождя”, мы против

ру с эпохой...» Газетный фон стихов Осипа Мандельштама 1935 года // Вопросы литературы. Сентябрь – Октябрь. 2008; Газетные подтексты гражданских стихотворений О. Мандельштама 1936–1937 гг. // Русская почта. [Белград]. 2008. № 2; Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...» Записки Мандельштамовского общества. Вып. 5/2. М., 2011.

того, чтобы делать “вождя”»¹. Просталинское большинство не поддерживало Каменева.

Начиная примерно с середины 1926 г. почти в каждом номере «Правды» печатаются статьи, посвященные оппозиции. Слово «троцкизм» употребляется очень часто и обозначает позицию, разрушающую партийное единство.

В 1926–1927 гг. левая оппозиция продолжала выступать против бюрократизации партийной жизни, отвергала сталинскую установку на построение социализма в одной стране (построение полноценного социализма невозможно без мировой революции), ратовала за ускоренную индустриализацию, оценивала политику партии в деревне как потакание кулаку. Троцкий говорил об опасности сползания партии вправо. В «Правде» от 17 августа 1927 г. в докладе противника левой оппозиции, А.И. Рыкова, приводится высказывание Троцкого (с.3): «Весь последний период состоит в том, что пролетариат политически свертывается, а остальные классы развертываются – кто этого не хочет понять, того, по-моему, скорее уж надо “выводить” из руководящих учреждений. И это свертывание и развертывание имеет свое выражение всюду...»; «Точно так же, как в материальной области непролетарские классы расширяются, – это вы видите и на улице, и в лавках, и в трамвае, и в квартирах, – точно так же и в политике пролетариат в целом сейчас сжимается, а наш партийный режим усиливает классовое свертывание пролетариата». Можно, думается, не без оснований предположить, что странное на первый взгляд слова из «Четвертой прозы» о «запретном понятии класса» (речь о работе в газете «Московский комсомолец», а также, возможно, в журнале «Пятидневка») могут восходить к риторике левой оппозиции: «Мы стреляем друг у друга папиросы и правим свою китайщину, зашифровывая в животное-трусливые формулы великое, могучее, запретное понятие класса»². Мандельштам к троцкистской оппозиции не принадлежал, но язык левой оппозиции был на слуху, не знать его было невозможно.

¹ Эти слова можно было прочесть и в отдельном издании речи: Каменев Л.Б. Речь на XIV съезде РКП (б). М.-Л.: Гос. издательство, 1926. С. 40. В названии брошюры именно так: РКП(б). Партия была переименована в ВКП(б) на самом XIV съезде.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. СПб, 2017. С. 295.

Оппозиции всячески и чем дальше, тем больше мешали высказать свою точку зрения. В «Правде» в 1926 г. настойчиво проводится мысль, что никакой дискуссии не надо. Так, в № 230 (6 октября 1926 г., с. 4) опубликованы материалы под общим заголовком «За единство – против дискуссии». А в следующем № 231 на первой странице помещена статья, озаглавленная «Почему партия против дискуссии?». Она заканчивается словами: «Партия даст крепкий большевистский отпор тем, кто провоцирует ее на дискуссию. Партия **хочет дела** [выделено в газете жирным шрифтом – *Авт.*], деловой работы, а не болтовни “снова” и “снова” на решенные темы. Партия дискуссировать [так! – *Авт.*] **не хочет** [выделено в газете жирным шрифтом – *Авт.*]». От оппозиции откровенно требовалось замолчать. На этой же странице того же номера Правды» напечатано стихотворение Демьяна Бедного «Всему бывает конец», в котором, в частности, есть такие строки:

Троцкий гарцует на старом коньке,
Блистая измятым оперением,
Скачет таким красноперым Мюратом
Со всем своим “аппаратом”,
С оппозиционными генералами
И тезисо-маралами, –
Штаб такой, хоть покоряй всю планету!
А войска-то и нету!
<...>
Надо твердо сказать “крикунам”
И всем, кто с ними хороводится:
**“Это удовольствие нам
Чересчур дорого обходится!
Довольно партии нашей служить
Мишенью политиканству отпетому!
Пора, наконец, предел положить
Безобразию этому!”**

(Последние шесть процитированных строк выделены в газете жирным шрифтом.)

В следующем номере «Правды» – № 232 от 8 октября 1926 г. – на первой странице опять стихи Демьяна Бедного «Взвод. Дискуссион-

ная баллада». Речь идет о том, что оппозиционеров не стали слушать на заводе «Авиоприбор»:

Перманентно-фракционный
Вышел “вождь”. Привычна роль:
– Смир-р-р-но, вз-з-звод дискуссионный!
Слуш-ш-ш-шай лозунг и пароль!
<...>
Но – не дрогнула ячейка:
Приняла гостей в штыки.
Фракционная семейка
Прикусила языки.

Демьян Бедный выразил в своих стихах недвусмысленную позицию руководства ВКП(б): левой оппозиции надо закрыть рот. Нужно единство, а не обсуждения. Это постоянно подчеркивается в главной газете партии. Так, в «Правде» от 22 июня 1927 г. – № 138 – на первой странице редакционная статья «Путь оппозиции». Статья завершается словами: «Партии нужно большевистское единство, пролетарская дисциплина во что бы то ни стало и без всяких бы то ни было оговорок».

Повторим: речь совсем не о принадлежности Мандельштама к троцкистской оппозиции, никаких данных на этот счет нет, а о недвусмысленном курсе руководства правящей партии на шельмование неугодных уже в самой же партии (естественно, что и вообще в стране подавление инакомыслия год от года усиливалось), принуждение их к молчанию. Мандельштам, для которого свобода речи всегда была чрезвычайно значима, не мог не замечать того, что происходит, и воспринимать это безучастно.

Тем не менее пока еще с оппозицией приходилось считаться. В номере «Правды» от 6 ноября 1926 г. – № 257, с. 4–6 – помещена речь Троцкого в прениях по докладу Сталина на XV конференции ВКП (б). А в «Правде» от 14 декабря 1926 г. – № 289, с. 2–3 – была опубликована речь Троцкого в прениях по докладу Сталина на VII расширенном пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). 10 августа 1927 г. в «Правде» (№ 180) напечатано «информационное сообщение» объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Пункт II сообщения (с.3–4): «О нарушении

партийной дисциплины тт. Зиновьевым и Троцким». В этой резолюции, в частности, говорится: «Наконец, на заседании президиума ЦКК (июнь 1927 г.) тов. Троцкий выдвинул совершенно неслыханные клеветнические обвинения партии в термидорианстве». Указывается, что 9 июня 1927 г. Троцкий и Зиновьев участвовали в демонстрации на Ярославском вокзале (Троцкий выступил там с речью) «под предлогом проводов тов. Смилги, который в течение нескольких недель саботировал постановление ЦК о выезде для работы на Дальний Восток». Но в этом же номере газеты помещено и «Заявление оппозиции» (с. 4). В нем, в частности, сказано: «По вопросу о термидорианстве мы говорим: в стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу. Чего мы требуем, это чтобы партруководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья партии систематический, твердый, планомерный отпор. Мы отвергаем мысль о том, будто наша большевистская партия стала партией термидорианской». Заканчивается заявление оппозиции словами: «Мы готовы сделать все для ликвидации всех элементов фракций, образовавшихся в силу того, что в условиях извращения внутрипартийного режима мы были вынуждены бороться за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати, читаемой всей страной». Под заявлением стоят подписи: «Авдеев, Бакаев, Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Лиздин, Муралов, Петерсон, Пятаков, Раковский, Смилга, Соловьев, Троцкий». Это заявление оппозиции с некоторыми изменениями в тексте было помещено и в следующем номере «Правды» – от 11 августа 1927 г. (с.3).

Дело шло к разрыву, к исключению оппозиционеров из рядов ВКП(б). На объединенном пленуме ЦК и ЦКК (состоялся 21–23 октября 1927 г.) Зиновьев и Троцкий были исключены из состава ЦК ВКП(б). 25 октября 1927 г. в «Правде» (№ 244) на первой странице появилось информационное сообщение «Объединенный пленум ЦК и ЦКК и оппозиция». В нем, в частности, говорится: «То, что постановил об'единенный пленум, и то, что требовала от него вся партия, – **исключение тт. Зиновьева и Троцкого из состава ЦК** [воспроизводим выделение жирным шрифтом в газете – *Авт.*] – это минимальная и безотлагательная мера». А в «Правде» от 2 ноября (№ 251) на стр. 3–4 опубликованы, в частности, тексты выступлений Зиновьева и Троцкого на пленуме. Их речи неоднократно прерывались выкри-

ками с мест. Поскольку это имеет значение для дальнейшего хода рассуждений в статье, приводим текст речи Троцкого полностью в том виде, в каком он был напечатан в «Правде» (цитируем с теми особенностями пунктуации и т.п., которые присущи тексту в газете):

«Речь тов. Троцкого.

Троцкий. – (Читает). Мое предложение – обсудить самостоятельно вопрос о врангелевском офицере и военном заговоре – было отклонено.

Скворцов-Степанов. – Опять! Ай-ай-ай! Позор!

Троцкий. – Я ставил **по существу** вопрос о том, **почему, как и кем** была обманута партия, которой было сказано, что коммунисты, связанные с оппозицией, **участвуют в контрреволюционной организации**. Ведь это разошлось по всей стране. Об этом неизбежно заговорит завтра весь мир. Чтобы лишний раз показать, что вы понимаете под дискуссией, вы постановили мою краткую речь о подложном врангелевском офицере изъять из стенограммы, т.е. спрятать от партии. Бухарин преподносил нам здесь философию термидорианской амальгамы на основе документов Менжинского, не имеющих никакого отношения ни к типографии, ни к оппозиции.

Скрышник. – А вот теперь Щербаков. Вот тебе и на!

Троцкий. – Но нам нужна не дешевая бухаринская философия...

Уншлихт. – А троцкистская.

Троцкий. – ...а факты. Фактов нет.

Скрышник. – А Щербаков?

Троцкий. – Поэтому весь вопрос двинут фокусом в дискуссию об оппозиции. Все документы, оглашенные Менжинским, целиком говорят против проводимой ныне политики, – нужно только эти документы осветить марксистским анализом. Об этом говорил т. Зиновьев. Мне остается поставить основной вопрос: каким образом и почему руководящая ныне фракция...

Скворцов-Степанов. – Фракция?

Троцкий. – ...оказалась вынужденной обманывать партию, выдавая агента ГПУ за врангелевского офицера, и выдергивать осколки незаконченного следствия для того, чтобы пугать партию ложным сообщением об участии оппозиционеров в контрреволюционной организации. Откуда это идет? Куда это ведет? Только этот вопрос имеет политическое значение. Все остальное отступает на второй и десятый план.

Чубарь. – Выдвигает на первый план типографию.

Троцкий. – В нашей июльской декларации прошлого года мы с полной точностью предсказали все этапы, через которые пройдет разрушение ленинского руководства партии и временная замена его сталинским.

Скрыпник. – Т.-е. вы наметили заранее, что будете делать?

Троцкий. – Я говорю о **временной** замене, ибо чем больше руководящая группа одерживает “побед”, тем больше она слабеет. Июльское предвидение прошлого года мы теперь можем дополнить следующим заключительным выводом: нынешняя организационная победа Сталина предшествует его политическому крушению. Это совершенно неизбежно...

Чубарь. – Это по “Соц. Вестнику”?

Троцкий. – ...и – в соответствии со сталинским режимом. – наступит сразу. Основная задача оппозиции состоит в том, чтобы последствия губительной политики нынешнего руководства нанесли как можно меньший урон партии и ее связи с массами.

Вы хотите нас исключить из Центрального Комитета. Мы согласны, что эта мера полностью вытекает из курса нынешнего руководства на данной стадии его развития, вернее – его крушения. Правящая фракция, которая исключает из партии сотни и сотни лучших партийцев, непоколебимых рабочих-большевиков; аппаратная фракция, которая осмеливается исключать таких большевиков, как Мрачковский, Серебряков, Преображенский, Шаров, Саркис, Вуйович, т.-е. товарищей, которые одни могли бы создать секретариат партии, неизмеримо более авторитетный, более подготовленный, более ленинский (шум)...

Ворошилов. – Ваша партия – это секретариат.

Петровский. – Меньшевистская речь.

Троцкий. – ...чем нынешний наш секретариат (шум): фракция Сталина – Бухарина, которая сажает во внутреннюю тюрьму ГПУ прекрасных партийцев как Нечаев, Штыкгольд, Васильев, Шмидт, Фишелев и многие другие [так! – Л.В.]: аппаратная фракция, которая держится насилием над партией, удушением партийной мысли, дезорганизацией пролетарского авангарда не только в СССР, но и во всем мире; насквозь оппортунистическая фракция, в хвосте которой за последний год шли и идут Чан Кай-ши, Фын Юй-сян, Ван Тин-вей, Персели, Хиксы, Бен-Тиллеты, Куусинены, Шмерали

(шум), Пепперы, Гейнц-Нейманы, Рафесы, Мартыновы, Кондратьевы и Устряловы...

Петровский. – Возмутительная речь, меньшевистская речь, – ужас прямо.

Скрышник. – Какие гнусности вы говорите, Троцкий.

Ворошилов. – Это – амальгама.

Троцкий. – ...эта фракция не может нас терпеть в Центральном Комитете даже за месяц до с'езда. Мы это понимаем. Нашу платформу спрятали. Вернее – попытались спрятать. (Шум).

Бабушкин. – Это вас надо спрятать.

Скрышник. – Что его слушать, это сплошная руготня против ЦК.

Голощекин. – Он себя ублажает.

Троцкий... (не слышно из-за шума, возгласов протеста)... Что означает страх перед платформой? Ясно. Страх перед платформой есть страх перед массой.

Мы заявили вам 8 сентября, что платформу мы наперекор всем запрещением доведем до сведения партии. Мы это сделали. Мы эту работу доведем до конца. Тт. Мрачковский, Фишелев и все другие, кто печатал и распространяет нашу платформу, действовали и действуют в полной солидарности с нами, оппозиционными членами ЦК и ЦКК, за полной нашей ответственностью (шум), как политической, так и организационной.

Ломов. – А Щербаков тоже с вами солидарен?

Троцкий. – Грубость и нелояльность, о которых писал Ленин, уже не просто личные качества; они стали качествами правящей фракции, ее политики, ее режима. Дело идет не о внешних приемах. Основная черта нынешнего курса в том, что он верит во всемогущество насилия – даже по отношению к собственной партии.

(Шум.)

Бабушкин. – “Соц. Вестник” читает. Мелкий буржуа в пролетарском государстве.

Скрышник. – Еще одна статья из “Соц. Вестника”.

Возгласы. – Меншевик!

Троцкий. – Через Октябрьскую революцию наша партия получила в свои руки могущественный аппарат принуждения, без которого немыслима пролетарская диктатура. Средоточием диктатуры является Центральный Комитет нашей партии. (Шум.) При Ленине, при ленинском Центральном Комитете организационный аппарат

партии был подчинен революционной классовой политике мирового масштаба. Правда, Сталин, в качестве генерального секретаря, внушал Ленину опасения с самого начала. “Сей повар будет готовить только острые блюда”, – так говорил Ленин в тесном кругу в момент X съезда партии. Сегодня было сервировано здесь одно из таких острых блюд под видом сообщения о военном заговоре. (Шум).

Возгласы. – Меншевик, довольно!

Троцкий. – Но при ленинском руководстве, при ленинском составе Политбюро генеральный секретариат играл совершенно подчиненную роль. (Шум.) Положение стало меняться со времени болезни Ленина. Подбор людей через секретариат, аппаратная группировка сталинцев получили самостоятельный, независимый от политической линии характер. Вот почему Ленин, взвешивая перспективу своего отхода от работы, подал партии последний совет: “снимите Сталина, который может довести партию до раскола и гибели”. (Шум).

Степанов-Скворцов [так! – Л.В.] – Старая клевета!

Тальберг. – Ах ты, болтун, хвастун!

Возгласы. – Позор!

Тальберг. – А у вас правильная политика?

Скрыпник. – До чего дошел! Гнусность какая!

Возгласы. – Это ложь!

Петровский. – Презренный меньшевик вы!

Калинин. – Мелкий буржуа, радикал!

Голос. – Мартов!

Троцкий...(из-за шума, возгласов протеста, не слышно) ...Партия не узнала своевременно об этом совете. Подобранный аппарат спрятал его. Последствия встали перед нами во весь рост.

(Шум)

Руководящая фракция думает, что при помощи насилия можно достигнуть всего.

Голос. – Это он из “Соц. Вестника”.

Возгласы. – Долой Троцкого! Довольно болтать! Нет возможности терпеть подобные вещи!

Троцкий. – Это – коренная ошибка. Насилие может играть огромную революционную роль. Но при одном условии: если оно подчинено правильной классовой политике (Шум). Насилие большевиков над буржуазией, над меньшевиками, над эсэрами дало – при определенных исторических условиях – гигантские результаты. Насилия

Керенского и Церетели над большевиками только ускорили поражение соглашательского режима. Изгоняя, лишая работы, арестовывая, правящая фракция действует дубьем и рублем против собственной партии.

(Шум. Крики: Долой! Что за гнусность! Меншевик! Предатель! Нельзя же его слушать! Что за издевательство над ЦК!)

Троцкий. – Рабочий-партиец боится в собственной ячейке говорить, что думает, боится голосовать по совести. Аппаратная диктатура (шум) застрашивает партию, которая должна быть высшим выражением диктатуры пролетариата. Запугивая партию, правящая фракция...

Голоса. – Ложь! Долой!

Ломов. – Завитушек много, а содержание пустое.

Троцкий. – ...понижает ее способность держать в страхе классовых врагов. Но партийный режим живет не сам по себе. В партийном режиме находит свое выражение вся политика партийного руководства. Эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо: от пролетариата – к мелкой буржуазии, от рабочего – к спецу, от рядового партийца – к аппаратчику, от батрака и бедняка – к кулаку, от шанхайского рабочего – к Чан Кай-ши, от китайского крестьянина – к буржуазному офицерству, от английского пролетария – к Перселю, Хиксу, генсоветчикам и т.д. В этом самая суть сталинизма.

Ворошилов. – В “Руле” лучше сказано, дядя!

Троцкий. – На первый взгляд кажется, будто сталинский курс совершенно победоносен. Сталинская фракция наносит удары налево (Москва, Ленинград), направо (Сев. Кавказ). На самом деле, вся политика центристской фракции совершается под ударами двух кнотов: справа и слева (Шум). Классово-беспочвенная, бюрократически-центристская фракция качается между двумя классовыми линиями...

Голоса. – Ложь! Долой!

Троцкий. – ...систематически сползая при этом с пролетарской линии на мелкобуржуазную. Это сползание происходит не по прямой линии, а в форме резких зигзагов.

Скрышник. – Меншевик! (Шум).

Троцкий. – Таких зигзагов мы имеем в прошлом немало. Особенно ярким и памятным явилось расширение избирательной инструкции под нажимом кулака (кнут справа). (Шум). Затем отмена ее под

нажимом оппозиции (кнут слева). (Шум). Немало было зигзагов в области рабочего законодательства, заработной платы, налоговой политики, отношения к частнику и пр. и пр. Общий курс при этом передвигался направо. Последний манифест представляет собою, несомненно, зигзаг влево. Но мы ни на минуту не закрываем глаза на то, что это только зигзаг...

Ярославский. – Заупокойная Троцкого.

Голос – Похоронный марш!

Троцкий. – ...который сам по себе не изменит общего направления политики, и даже должен – уже в ближайшем будущем – ускорить дальнейшее сползание руководящего центра вправо.

Голоса. – Шпана ты этакая! Меньшевик!

Троцкий. – Сегодняшние выкрики о форсированном наступлении на кулака, которому вчера еще кричали “обогащайся”, не могут изменить этой линии, как не изменяет ее юбилейные сюрпризы в роде семичасового рабочего дня. (Шум, свист) Политическая линия нынешнего руководства определяется не отдельными авантюристическими зигзагами...

Чубарь. – Большого авантюризма, чем твой, не может быть.

Скрыпник. – Меньшевик, ступай прочь из партии!

Троцкий. – ...а той социальной опорой, которую эта линия собрала вокруг себя в борьбе против оппозиции. Через нынешний аппарат, через нынешний режим нажимают на пролетарский авангард... (Шум все время усиливается, речи Троцкого почти не слышно) ...укрепившиеся бюрократы, в том числе и бюрократы-рабочие... (Шум, свист все время нарастают) ...администраторы, хозяйчики, новые собственники, привилегированные интеллигенты города и деревни...

Ворошилов. – Зиновьев, послушай эту гнусность!

Скрыпник. – Трибуна ЦК не для такой мерзости!

Скворцов-Степанов. – Дан выехал на гастроли!

Троцкий. – ...все те элементы, которые начинают показывать кулак пролетариату, приговаривая: “это тебе не 18-й год”. Решает не левый зигзаг, а основная политическая линия. Решает подбор единомышленников. Решают кадры. Решает социальная опора. Нельзя душить рабочие ячейки и напирать на кулака. Одно с другим несовместимо (Шум, свист).

Голоса. – Могильщик революции! Позор! Долой! Долой гада! Долой ренегата!

Троцкий. – Левый юбилейный зигзаг, как только дойдет до осуществления, натолкнется на жесточайшее сопротивление в рядах самого большинства. Сегодня “обогащайся”, а завтра... (Шум) ...с кулаков взятки гладки... за спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутри буржуазия... (Шум. Крики: долой!)

Ворошилов. – Будет вам, позор! (Свист, все нарастающий шум. Страшный шум. Ничего не слышно, звонок председателя. Свистки. Голоса: Долой с трибуны! Председатель об’являет перерыв. Тов. Троцкий все время читает, но нельзя разобрать ни одного слова. Члены пленума встают с мест и начинают расходиться)».

Рядом в этом же номере «Правды» на стр. 4–5 помещена речь Сталина «Троцкистская оппозиция прежде и теперь». Выступление проходило в совершенно другой обстановке. После речи звучали «продолжительные аплодисменты».

Мы в нашей работе намеренно не комментируем упомянутые в речи Троцкого и в словах высказывавшихся с мест различные имена и факты («врангелевский офицер», «типография», «Щербаков», «Чан Кай-ши» и пр.). Это заняло бы немало места; при этом каждый желающий может самостоятельно найти информацию на этот счет. Нас в данном случае интересует другое. События пленума привлекли внимание всей страны. Мандельштам не мог не знать о них. Маловероятно, что он не читал процитированный номер «Правды». Отметим не один раз упомянутый свист во время выступления Троцкого; думается, не будет натяжкой усмотреть возможную связь между текстом в «Правде» и строкой в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...» о «вождях»: «Кто *свистит*, кто мяучит, кто хнычет» (курсив мой – Л.В.).

Троцкий в своем выступлении отстаивал идеалы революции, как он их понимал, призывал сохранять, говоря словами Мандельштама, «Присягу чудную четвертому сословию» («1 января 1924», 1924). (Дела не меняет то обстоятельство, что следующая строка в этом стихотворении Мандельштама, «И клятвы крупные до слез...», вероятно, имеет отношение к шести клятвенным заверениям как раз Сталина продолжить дело покойного Ленина – речь 26 января 1924 г.: «Клянемся тебе, товарищ Ленин...» и т.д. Стихотворение создавалось, видимо, в определенной части после кончины Ленина, опубликовано в журнале «Русский современник» в июле 1924 г.). Стой-

кость человека, остающегося верным своим убеждениям, несмотря на шельмование и глумление толпы, не могла не произвести сильное впечатление.

Есть весомые основания предполагать, что действительная речь Троцкого на пленуме в определенной мере отличалась от того текста, который был опубликован на страницах «Правды». На это указывает сам Троцкий в письме в Секретариат ЦК ВКП(б), написанном 24 октября 1927 г., то есть по горячим следам, на следующий день после окончания пленума. Приведем это письмо, поскольку в нем содержится существенная для темы нашей работы деталь.

«В СЕКРЕТАРИАТ ЦК

1. Так как я речь свою читал по рукописи с очень небольшими дополнениями, то, вместо исправления стенограммы, препровождаю ту рукопись, по которой я читал.

2. Работа стенографисток протекала в очень трудных условиях. Целый ряд реплик отмечен, но отмечены далеко не все. Возможно, что стенографистки избегали записи некоторых реплик из чувства брезгливости. Я ни в каком случае не могу им поставить это в вину. В стенограмме не указано также, что с трибуны Президиума мне систематически мешали говорить. Не указано, что с этой трибуны брошен был в меня стакан (говорят, что тов. Кубяком). В стенограмме не указано, что один из участников Объединенного пленума пытался за руку стащить меня с трибуны, и пр. и пр.

3. Первая моя речь в защиту предложения о постановке в порядок дня особым пунктом вопроса о врангелевском офицере и военном заговоре изъята из стенограммы особым постановлением пленума. Вследствие этого в стенограммах пленума окажется незаписанным тот факт, что член Президиума ЦКК, тов. Ярославский, во время моей речи бросил в меня томом контрольных цифр. Морально-политический смысл этого факта особенно подчеркивается тем обстоятельством, что рабочего-партийца за резкое слово в ячейке во время прений исключают из партии, тогда как один из организаторов и руководителей этих исключений считает возможным в высшем органе партии, на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, прибегать к методам, которые иначе никак нельзя назвать, как *фашистски-хулиганскими* [курсив мой – Л.В].

4. Во время речи тов. Бухарина, в ответ на реплику с моей стороны, тов. Шверник также бросил в меня книгу. Тов. Шверник – бывший секретарь ЦК, ныне руководитель Уральской организации партии. Надеюсь, что его подвиг будет закреплён в стенограмме.

5. Ни один из указанных выше хулиганских поступков (Ярославского, Шверника, Кубяка и многих других) не встретил даже и тени осуждения со стороны Президиума.

Вот почему нельзя рассматривать разыгравшиеся на Объединённом пленуме сцены иначе, как директивные указания наиболее ответственного органа всем партийным организациям относительно того, какими методами надлежит проводить предсъездовскую дискуссию.

Л. Троцкий

24 октября 1927 г.»¹

В том же 4-м томе «Архива Троцкого» напечатан и текст речи Троцкого на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), который мы цитировали выше по публикации в «Правде». Он в ряде мест отличается от газетного. Особенно важным для нас представляется фрагмент, в котором возникает тема фашизма:

«Непосредственной задачей Сталина является: расколоть партию, отколоть оппозицию, приучить партию к методам физического разгрома. *Фашистские свистуны* [курсив мой – Л.В.], работа кулаками, швыряние книгами или камнями, тюремная решетка – вот пока на чем временно остановился сталинский курс, прежде, чем двинуться далее. Этот путь предопределен. Зачем Ярославским, Шверникам, Голощекиным и другим спорить по поводу контрольных цифр, если они могут толстым томом контрольных цифр запустить оппозицию в голову? Сталинщина находит в этом свое наиболее разнузданное выражение, доходя до открытого хулиганства. И мы повторяем: эти *фашистские методы* [курсив мой – Л.В.] представляют собой слепое, бессознательное выполнение социального заказа других классов. Цель: отсечь оппозицию и физически разгромить ее. Уже раздаются голоса: “тысячу исключим, сотню расстреляем – и в партии

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Редактор-составитель Ю. Фельштинский. Т. 4. М., 1990. С. 230–231. Опубликовано также в: Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг. Сборник документов. М., 2017. С. 224–225.

станет тихо". Так говорят несчастные, перепуганные и в то же время осатаневшие слепцы. Это и есть голос Термидора»¹.

Если в отношении газетного текста речи Троцкого на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК можно с большой уверенностью говорить, что Мандельштам был знаком с ним, то утверждать, что поэт знал вариант речи Троцкого со словами о «фашистских свистунах» и «фашистских методах», невозможно. Несомненно, оппозиция распространяла свои материалы, но насколько широко они были распространены, какое хождение имели, к примеру, в среде творческой интеллигенции – это вопрос, вероятно, отдельного исследования. Мог ли Мандельштам знать слова Троцкого о фашистских свистунах? Не исключено, хотя это можно только предположить, не более. Мы обращаем внимание на «фашистских свистунов» по той причине, что, с одной стороны, мы находим свистящих вождей в стихотворении Мандельштама, а, с другой стороны, имеется свидетельство Н.Я. Мандельштам о том, что на вопрос следователя о причине написания антисталинского стихотворения поэт заявил о ненависти к фашизму: «Следователь особенно интересовался тем, что послужило стимулом к их [стихов – Л.В.] написанию. О.М. оговорил его неожиданным ответом: больше всего, сказал он, ему ненавистен фашизм... Ответ этот вырвался, очевидно, невольно, потому что О.М. не собирался исповедоваться перед следователем, но в тот момент, когда он это произнес, ему было все равно, и он махнул рукой на все... Следователь метал громы, как ему и положено, кричал, спрашивал, в чем О.М. усматривает фашизм в нашей жизни, – эту фразу он повторил и при мне на свидании, но – удивительное дело! – удовольствовался уклончивыми ответами и уточнять ничего не стал»². В протоколе допроса Мандельштама (18 и 19 мая 1934 г.) такого ответа арестованного нет; Надежда Мандельштам на допросе не присутствовала; однако, затруднительно предположить здесь выдумку Н.Я. Мандельштам, даже если подозревать ее в такого рода выдумках, в силу совершенной неожиданности, явной нетривиальности ответа: в стихах ничего

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Редактор-составитель Ю. Фельштинский. Т. 4. М., 1990. С. 223. Текст речи с приведенным выше фрагментом напечатан и в сборнике «Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг.» М., 2017. С. 225–229.

² Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 158.

не говорится о фашизме, и меньше всего можно ожидать, что ненависть к фашизму могла быть побудительной причиной их написания.

Автор статьи не хочет сказать, что ненависть к фашизму, которая была, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, одной из побудительных причин написания «Мы живем...», возникла у Мандельштама только в связи с разгромом левой оппозиции. Отнюдь нет. К «фашистской теме» в другом ее аспекте мы еще вернемся. Пока же продолжим «троцкистский сюжет».

5 ноября 1927 г. «Правда» (№ 254) помещает на стр. 3–4 в «Дискуссионном листке» № 3 к XV съезду ВКП (б) «Контр-тезисы троцкистской оппозиции о работе в деревне». К публикации имеется примечание: «Троцкисты называют этот свой документ “Тезисы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV с'езду ВКП(б)”». Контр-тезисы оппозиции (на этот раз о пятилетнем плане народного хозяйства) были опубликованы в «Дискуссионном листке № 5 к предстоящему съезду в «Правде» от 17 ноября (№ 263).

7 ноября 1927 г., в день 10-летия Октября, левая оппозиция проводит свою отдельную демонстрацию в Москве и Ленинграде. Ряд оппозиционеров были избиты, плакаты вырывали у них из рук. Об одном из эпизодов этого дня вспомним особо. И.Т. Смилга оставил вызывающее интерес свидетельство:

«Около 11 час. утра 7 ноября, во время прохождения колонн демонстрантов Хамовнического района, на открытый балкон конторы 27-го Дома Советов (быв. гостиница «Париж»), выходящий на угол Охотного Ряда и Тверской ул., вышли член ЦК ВКП (б) и член ЦИК тов. Смилга, быв. секретарь ЦК при Ленине, тов. Преображенский и еще несколько других товарищей. Вышедшие на балкон товарищи приветствовали проходившие колонны демонстрантов и, провозглашая приветствия по адресу вождей Октябрьской революции, вывесили на балконе под портретом тов. Ленина красное полотно с лозунгом “Назад к Ленину!”. Проходившие колонны демонстрантов дружно, всей массой отвечали на приветствия с балкона, за исключением одиночек, идущих у знамен во главе каждого предприятия и вооруженных свистками и пищалками. Эти одиночные свистуны свистели, пищали, кричали “Долой!”. Но эти одиночные свистки и крики тонули в мощных раскатах “Ура!” всей массы демонстрантов, переплетаясь с приветствиями из рядов демонстрантов по адресу оппозиции, большевиков-ленинцев и ее вождей. <...>

Скопившиеся под балконом, под руководством съехавшихся властей, стали свистать, кричать “Долой!”, “Бей оппозицию!” и бросать в стоявших на балконе товарищей Смильгу, Преображенского и др. камнями, палками, щепками, огурцами, помидорами и пр. В то же время с противоположного балкона, из квартиры тов. Подвойского, находившейся напротив, в 1-м Доме Советов, стали кидать в тт. Смильгу и Преображенского льдинами, картофелем и дровами.

Проходившие колонны демонстрантов продолжали отвечать на приветствия тт. Смильги и Преображенского и выражали свое возмущение против действий свистунов и хулиганов криками: “Долой свистунов и хулиганов!”, “Долой фашистов, раскалывающих партию!”¹. 7 ноября Каменев, Муралов и Смильга написали письмо в Политбюро ЦК ВКП(б) и в президиум ЦКК, в котором утверждали: «Каждый московский партиец знает, что фашистские группы получили инструкции от секретарей райкомов и что центром всей этой омерзительной кампании является секретариат ЦК ВКП(б), пользующийся Президиумом ЦКК, как послушным и на всё готовым орудием»². Вот и «фашистские свистуны» не в речи Троцкого, а непосредственно в реальности. В ряде случаев нападения на оппозиционеров сопровождалась антисемитскими выкриками. О выступлении оппозиции в Москве и Ленинграде Мандельштам несомненно в той или иной мере не мог не знать.

14 ноября Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. На XV съезде ВКП(б) (2–19 декабря 1927 г.) речи оппозиционеров многократно прерывались возгласами с мест. Например, Х. Раковскому кричали, в частности: «Ступайте из партии, и кончено. Долой меньшевиков с трибуны!..» (см.: «Правда», 8 декабря 1927 г., с. 2–3). 20 декабря «Правда» сообщает об исключении из партии активных членов «троцкистско-зиновьевского блока». В этом же номере газеты на стр. 4 опубликованы и заявления оппозиционеров. В заявлении Н. Муралова, Х. Раковского и К. Радека говорится, в частности: «мы считаем, что наши взгляды, изложенные в платформе и тезисах, каждый из нас в рамках устава может защищать перед партией».

12 февраля 1929 г. Троцкий был выслан из СССР. Первые годы эмиграции он прожил в Турции, на острове Принкипо в Мраморном

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Редактор-составитель Ю. Фельштинский. Т. 4. М., 1990. С. 258.

² Там же. С. 252.

море. Это нашло отражение в «Четвертой прозе» (1929–1930) Мандельштама: «Ночью на Ильинке, когда Гумы и тресты спят и разговаривают на родном китайском языке, ночью по Ильинке ходят анекдоты. Ленин и Троцкий ходят в обнимку как ни в чем ни бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руке»¹.

«Правда» и другие центральные газеты, естественно, писали о деятельности Троцкого за границей. В «Правде» на первых порах на этом специализировался в основном Е.М. Ярославский: «Мистер Троцкий на службе буржуазии или первые шаги Л. Троцкого за границей» («Правда», 8 марта 1929, с.2), «Еще о мистере Троцком» («Правда», 22 марта 1929 г., с. 2), «Принципиальное обоснование ренегатства» («Правда», 12 мая 1929 г., с.2), «Этот сон кончен» («Правда», 30 мая 1929 г., с.2).

Левая оппозиция была разгромлена, пришла пора бороться с правой. 11 октября 1932 «Правда» (№ 282, с.5) публикует статью «Беспощадный отпор врагам ленинской партии», в которой, в частности, говорится:

«Эти группы [имеются в виду «группы» партийцев, отклоняющихся от «ленинской выдержанной партийной линии» – *Авт.*] выражают настроения озлобленного кулака, спекулянта и тупоумного мелкого буржуа. Такой группкой и является группа Рютин – Галкина – Иванова и др., сомкнувшаяся с исключенными из партии троцкистами и другими антипартийными элементами на почве защиты самых реакционных взглядов, какие до сих пор проповедывали [так!] различные антипартийные и антисоветские группы.

Эта контрреволюционная группа развивала в своих документах доподлинную программу капиталистической реставрации и восстановления кулака, проповедуя необходимость роспуска совхозов и колхозов, требуя такой политики, которая означает передачу в концессии капиталистам социалистических предприятий, созданных героическим трудом и энтузиазмом рабочего класса.

<...> Пособниками этой контрреволюционной группы оказались такие люди, как Зиновьев и Каменев, как Угланов.

<...>

Президиум ЦКК [имеется в виду постановление президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г., опубликованное в этом же номе-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 304.

ре газеты также на с.5 – *Авт.*] своим решением подчеркивает, что партия беспощадно выбросит из своих рядов всякого, кто станет на путь оппортунизма, на путь фракционной борьбы, ибо этот путь, – как доказал весь предыдущий опыт борьбы с троцкистами и правыми оппортунистами и как показывает история группы Рютина, Галкина, Иванова и др., – ведет в лагерь контрреволюции: живой пример – Л. Троцкий».

Таким образом, М.Н. Рютин, активно участвовавший в разгоне демонстрации левой оппозиции 7 ноября 1927 г., был объявлен контрреволюционером и предателем партии и рабочего класса (первый раз он был арестован еще в 1930 г.). Автору данной статьи нечего добавить о Рютине в связи с Мандельштамом к тому, о чем написал О. Ронен. Поэтому первый сюжет нашей работы считаем законченным и переходим к следующему, который, однако, связан в определенной степени с предыдущим. В дальнейшем будем обращаться к материалам не только «Правды», но и других периодических изданий.

2

Не позднее чем с начала сентября 1929 г. Мандельштам работал в газете «Московский комсомолец» (возможно, поступил на службу в это молодежное издание несколько ранее, до 1 сентября газета носила название «Молодой ленинец»). Он вел в газете «литературную страницу» и консультировал молодых поэтов. 1 сентября 1929 г., в воскресенье, вышел первый номер «Московского комсомольца». На первой странице – рисунок, изображающий молодого человека, левой рукой он размахивает чем-то, напоминающим гранату на длинной ручке. Рядом статья без подписи «Метко бить врага»:

«С первого дня своего существования “Московский Комсомолец” должен стать во главе руководства классовой борьбой, которую ведет рабоче-крестьянская молодежь Московской области, во главе классового воспитания масс.

Мы питаем глубокую ненависть к мелко-буржуазным демократам, которым **“свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтание о том, чтобы обойтись без нее”**. (Ленин) <...> Советская печать накопила за последние годы большой опыт **“деловой, беспощадной и истинно-революционной войны с конкретными носителями зла и хранителями традиций капитализма”**. <...> Призыв

Ленина – великолепно травить врага и сживать его со света – найдет свое конкретное отражение на ежедневных страницах “Московского Комсомольца”» [ленинские цитаты выделены жирным шрифтом в газетном тексте – *Авт.*]. В том же номере «Московского комсомольца» на стр.3 помещена статья «Шелковый чулок Отто Бауэра». Статья направлена против социал-демократов, против Социалистического интернационала молодежи (СИМ):

«В такие дни таков закон –
Со мной, товарищ, рядом
Родную мать коли штыком,
Глуши ее прикладом!

Если поэт комсомола мог так писать о матерях, что уж говорить о приемных отцах II Интернационала? Революционная юность – это пора возмездия, которой наше поколение воспользуется во что бы то ни стало и без промедлений». (Цитируется стихотворение М. Светлова «Песня» 1926 г.: «В такие дни таков закон: / Со мной, товарищ, рядом / Родную мать встречай штыком, / Глуши ее прикладом»).

Стиль публикаций «Московского комсомольца» можно определить как агрессивно-залихватский. С врагами нечего церемониться, надо быть беспощадным. А врагов много.

«Московский комсомолец» от 6 сентября 1929 г., № 5. На с. 2 заметка А. Ларского «Старое и новое. С астраханского процесса». В Астрахани судили местных деятелей, которые обвинялись в том, что покровительствовали частному капиталу в ущерб государственной промышленности и торговле. «На скамье подсудимых сидят только два брата Солдатовых. Был еще третий. Он тоже должен был сидеть на скамье подсудимых, но на следующий день после признания следователю о взяткодательстве Протождяконову он повесился в камере, испугавшись пролетарского суда. Пролетарская общественность не пожалеет о смерти Солдатова. Но в Астрахани нашлись люди, которые об этом пожалели. Это были прихвостни, слизняки, подхалимы Солдатова – рабочие и служащие его промыслов». 5 октября 1929 г. «Московский комсомолец» № 30 предостерегает: церковники не дремлют (заметка Н. Надеждина на с.3): «“Черные вороны” наступают». Через неделю, 12 октября, газета помещает подборку антирелигиозных материалов под общими заголовками: «На штурм религиозных твердынь. Нанесем сокрушительный удар по классовому врагу [так,

без запятой – *Авт.*] вооруженному крестом и библией. Как орудует небесная гвардия». На этой же третьей странице статья, подписанная «Н.Н.» и называющаяся «Серпуховские вредители», сообщает о других контрреволюционерах (речь идет о строителях, которые выступают против непрерывной рабочей недели):

« – К черту непрерывку. Нам, сезонникам, приходится работать только сезон, а в остальное время мы сидим по домам. Мы лучше подольше поработаем, а непрерывка нам совершенно не нужна.

Что же это за артель, систематически выступающая против всех мероприятий партии и советской власти? <...>

И вот эта небольшая, но удалая группа контрреволюционеров с самого начала строительного сезона вела и ведет разлагающую вредительскую работу, творит контрреволюционную работу».

25 октября 1929 г. молодежная газета призывает «не церемониться» с кулаками (с.3): «Растрясем кулацкие закрома. Нечего церемониться с могильщиками хлеба. Не ослаблять темпа». И ниже: «Кулак продолжает упорствовать в сдаче хлеба. Вместо ржи сдает овес. Надо обрушиться на кулака. Заставить его сдать хлеб государству. Надо полностью использовать все формы воздействия, от организованного бедняцко-середняцкого общественного мнения до применения административных мер». Несложно обнаружить у Мандельштама, который в «Четвертой прозе» (1929–1930, создавалась поэтом в период его работы в «Московском комсомольце») говорит о культе насилия, характерном для газеты, почти прямую цитату из этого текста:

«Мальчик в козловых сапожках, в плисовой поддевичке, напомаженный, с зачесанными височками, стоит в окружении мамушек, бабушек, нянюшек, а рядом с ним стоит поваренок или кучеренок – мальчишка из двора. И вся эта свора сюсюкающих, улюлюкающих и пришепетывающих архангелов насаждает на барчука:

– Вдарь, Васенька, вдарь!

<...>

– Вдарь, Васенька, вдарь, а мы покуда чернявого придержим, а мы покуда вокруг попляшем.

Что это? Жанровая картинка по Венецианову? Этюд крепостного живописца?

Нет. Это тренировка вихрастого малютки комсомола под руководством агитмамушек, бабушек, нянюшек, чтобы он, Васенька, топнул, чтобы он, Васенька, вдарил...

<...>

Как мальчишки топят всенародно котенка на Москве-реке [несомненная переключка с более ранней прозой, «Египетской маркой», 1927–1928 – Л.В.], так наши веселые ребята играючи нажимают, на большой переменке масло жмут. Эй, навались, жми, да так, чтоб не видно было того самого, кого жмут, таково священное правило самосуда.

Приказчик на Ордынке работницу обвесил – убей его!

Кассирша обсчиталась на пятак – убей ее!

Директор сдуру подмахнул чепуху – убей его!

Мужик *припиртал в амбаре рожь* [курсив мой – Л.В.] – убей его!»¹

Воспитание молодежи в духе классовой ненависти и нетерпимости в газете, где он служил с сентября 1929 по январь 1930 г., откликнулось в стихотворении Мандельштама, написанном в том же ноябре 1933 г., что и «Мы живем...»: «И я как дурак на гребенке / Обязан кому-то играть. // Наглей комсомольской ячейки / И вузовской песни бойчей / Присевших на школьной скамейке / Учить щебетать палачей» («Квартира тиха, как бумага...»)².

Много внимания уделяется в газете комсомольской «легкой кавалерии» – молодежным группам, призванным разоблачать бюрократизм, выявлять недостатки в работе предприятий и госучреждений, совершать внезапные инспекции – «налеты» и пр. Такая девушка, представительница «легкой кавалерии», прикрепленная, видимо, к редакции «Московского комсомольца», упомянута в «Четвертой прозе».

Несмотря на свою «левизну», «Московский комсомолец», естественно, клеймит врагов-троцкистов; отвергает и правую оппозицию. Так, в № 30 за 1929 г. (5 октября) на с.2 достается, в свойственной изданию хлесткой манере, и тем, и другим: «Правые вышли на путь активной фракционной борьбы с партией. “Барометр” троцкизма в арсенале правых оппортунистов. Зарвавшиеся клеветники расшибут лбы о железное единство двух поколений большевиков». 5 января 1930 г. газета призывает: «Очищайте ряды от осколков троцкизма» (№ 4, с.2). Сталин же подается как подлинный вождь, про-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 294–295.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 159.

должатель ленинского дела. 21 декабря 1929 г. вся первая страница «Московского комсомольца» (№ 94) посвящена 50-летию со дня его рождения. Под шапкой «Да здравствует большевик-ленинец И. Сталин.» расположена фотография вождя с трубкой, передовица С. Орджоникидзе «Верный ученик Ленина» и другие материалы.

Сочетание подчеркнутого молодежного «задора», якобы вольности, с безусловной лояльностью, характерное для «Московского комсомольца», нашло отражение в «Четвертой прозе»: «Кто мы такие? Мы школьники, которые не учатся. Мы комсомольская вольница. Мы бузотеры с разрешения всех святых»¹

В январе 1930 г. «Московский комсомолец» прекратил свое существование (ставку сделали на «Комсомольскую правду»)²; затем Мандельштам недолгое время работал в журнале «Пятидневка». (Редакция находилась в том же доме 15 на Тверской, что и редакция «Московского комсомольца», ныне в этом здании – Театр им. М.Н. Ермоловой). «Пятидневка» начала выходить во второй половине февраля 1930 г.: на первой странице первого номера указано: «4-я пятидневка февраля 1930 г.». На с. 5 сообщается о том, что это должен быть многотиражный общественно-политический журнал, рассчитанный на «широкие массы рабочего читателя». Выходить он должен был «один раз в каждые пять дней». («Пятидневка», или «непрерывка» – пятидневная рабочая неделя – четыре рабочих дня и один выходной; действовала в 1929–1931 г. вместо семидневной недели.)

На первой странице первого номера журнала – передовица: «Ликвидируем кулачество как класс» (без подписи). В эпиграфе – высказывание Сталина: «Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо с л о м и т ь в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников существования и развития (свободное пользование земель, орудия производства, аренда, право найма труда и т.д.)». Рядом – на полстраницы большой рисунок, напоминающий фотографию: радостный колхозник на тракторе движется вперед, а кулак припал к тракторному колесу и пытается остановить движение.

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 2. СПб, 2017. С. 295.

² См.: Добровольский А. «Молодежка» закрывается – «Молодежка» открывается. Вместо «Московского комсомольца» могла быть «На штурм» // «Московский комсомолец», № 27926, 15 марта 2019 г.

Вообще для журнала были характерны, в частности: 1) резкая антикулацкая пропаганда; 2) постоянная агрессивная антирелигиозная пропаганда (К примеру, в № 11 на с.3 в статье «Вооружайтесь против “святейших” мракобесов» сказано: «Бешеная кампания церковников и антисоветские планы империалистической буржуазии приняли уклон “духовной” мобилизации черных сил. <...> Вождем врагов, главой черной армии выступил римский папа. Папство, как институт религиозно-политического порабощения народов Европы, успело разложиться с самых первых шагов своего существования, и этот процесс загнивания полз, как гангрена, через века, достигая порой на глазах у всех чудовищных форм распада и мерзости». Не затрагиваем тему отношений папского престола с Советским Союзом и не говорим о политике католической церкви вообще, это не входит в цели нашей работы. Неизвестно, читал ли Мандельштам статью о церковниках-мракобесах в том журнале, где он некоторое время служил. Отметим только, что Мандельштам был в молодости хотя и кратко временно, но сильно увлечен католицизмом, и такая примитивная характеристика последнего, в случае знакомства поэта с цитируемой публикацией, не могла не вызвать у него соответствующего отношения); 3) односторонне-негативная, схематичная характеристика капиталистического мира и «прислужников» буржуазии – социал-демократии и некоммунистических профсоюзов. В первом номере «Пятидневки» на с.3 помещен фотомонтаж, характеризующий происходящее на Западе. Под монтажом – развернутое объяснение того, что показано: «Наверху слева – знаменитая статуя “Свободы”, м е р т в ы й монумент, олицетворяющий американскую демократию, рядом со статуей – ж и в о й полисмен, за деньги правящих классов осуществляющий эту “демократию” на практике. По другую сторону статуи – электрический стул, последнее слово техники и христианского человеколюбия. Дальше идет буржуазная печать, содержанка банкиров, вдохновительница расправ с трудящимися. На фоне газетных страниц – исполнители высших директив “демократии” осуществляют “свободу” граждан – тащат в участок забастовщицу. В правом углу – “Белый дом”, дворец президента в Вашингтоне, штаб диктатуры доллара и полицейских дубинок. Под ним короли долларов подсчитывают сверхприбыли. Над ними благословляющий лик вождя американских реформистов, предателей рабочего класса, господина Грина. Но крепнут организации пролетариата.

Создается революционная печать, организующая массы на бой против капитализма под знаменем коммунистического Интернационала. Свирепый террор, расстрелы митингов из пулеметов и прочие демократические “методы” не спасут буржуазии и ее лакеев-реформистов. Все ярче и ярче сверкают зарницы мировой пролетарской грозы!».

Вернемся к ведущим газетам СССР. Примерно с середины 1932 г. «Правда» регулярно, почти в каждом номере пишет об усилении нацистов в Германии, об уличных столкновениях, нападениях нацистских штурмовиков на коммунистов и т.п. 30 января 1933 г. Гитлер становится рейхсканцлером. 31 января в «Известиях» (№ 30, с. 6) собственный корреспондент газеты информирует в своей заметке: «Гитлер у власти». 1 марта 1933 г. «Правда» (№ 59) сообщает на первой странице о пожаре в здании германского рейхстага: «провокация фашистов». На следующий день, 2 марта, также на странице 1, помещена информация о происходящем в Германии за подписью «Лоренц» («от нашего специального корреспондента»): «Чрезвычайный декрет о введении смертной казни. Отдан приказ об аресте всех членов ЦК компартии». «Известия», 1 марта 1933 г. (№ 59), первая страница: под общим заголовком «Фашистская провокация в Берлине» опубликован ряд материалов, относящихся к поджогу рейхстага. Одна из заметок озаглавлена: «Новый чрезвычайный декрет. Смертная казнь, пожизненная каторга, заключение в крепости...». Компартия Германии была запрещена. Вскоре начались репрессии и по отношению к социал-демократам и либералам. 3 апреля 1933 г. в «Известиях» (№ 88, с. 1) сообщается: «Законодательное “творчество” гитлеровцев. Введена смертная казнь через повешение». 13 мая 1933 г. «Правда» (№ 130) вышла с карикатурой Гр. Розе на первой странице. Под карикатурой подпись: «С пламенным приветом...из Средневековья! В Германии сожжены на костре произведения выдающихся мировых писателей». Ниже карикатуры – заметка «В “черном списке” крамольных книг – почетное место советским писателям». В заметке сообщается о том, что прусский министр просвещения Руст утвердил черный список книг художественной литературы, подлежащих уничтожению. В этом списке, в частности, Горький, Джек Лондон, Ст. Цвейг, Арн. Цвейг, Я. Гашек, А. Барбюс, Серафимович, Ф. Гладков, «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, рассказы Зощенко. Отметим, что Мандельштам высоко ценил «Двенадцать стульев» и восхищался прозой Зощенко. 16 мая «Правда» (№ 133) на стр. 4

поместила довольно большую фотографию костра с горящими книгами. Фотография дополняет статью, подписанную «Коллет», под названием «Культура на костре» – о сожжении книг перед Берлинским университетом. Упомянуты имена авторов, чьи книги были сожжены: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Либкнехт, Каутский, Карл Радек, Михаил Кольцов, Томас и Генрих Манн, Горький, Барбюс, Ст. Цвейг, А. Шницлер, З. Фрейд, Ремарк... «Студент кричит, – описывает происходившее автор статьи. – “Долой измену германскому солдату мировой войны! Я предаю огню Ремарка “На западе без перемен””. Книжка летит в костер». «Известия», в свою очередь, 12 мая (№ 122) вышли с корреспонденцией Л. Кайта на первой странице: «Германское средневековье. Публичное сожжение книг». Л. Кайт сообщает об уничтожении книг в Берлине, Мюнхене, Кенигсберге, Франкфурте-на-Майне, Бонне и др. местах Германии. Геббельс заявил в кратком выступлении в Берлине: «отныне в Германии покончено с изощренным еврейским интеллектуализмом».

Вообще «Правда» и «Известия» постоянно информируют читателей о фашистском терроре в Германии, избиениях, пытках, репрессиях, увольнении евреев с работы, издевательствах над всеми несогласными с нацистской политикой и т.п.

В это же время, в 1932–1933 гг., в СССР все более укрепляется значение Сталина, все заметнее становится формирующееся поклонение ему. 1 мая 1932 г., например, «Известия» (№ 121) на первой странице помещают рисунок Б. Ефимова: четыре профиля – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин; Сталин на переднем плане. В 1933 г. (год написания «Мы живем...») культ Сталина уже очевиден. Новогодний номер «Известий» (№ 1, 1 января 1933): 2/3 первой страницы заняты изображением Сталина (рис. Б. Ефимова). Сталин в шинели, вытянув левую руку вперед, указательным пальцем обозначает направление – «тычет», как сказано у Мандельштама в интересующем нас стихотворении (Неологизм «бабачит» в той же строке, возможно, идет от Данте, которого поэт читает в оригинале в это время: в 32-й песни «Ада» встречаем рифмы abbo – gabbo – babbo. «Babbo» – по-итальянски «папочка», слово может, в просторечно-ироническом варианте, обозначать папу римского. Сталин – коммунистический непогрешимый папа¹. Рисунок сопровождается призывом: «Вперед,

¹ См.: Городецкий Л.Р. Квантовые смыслы Осипа Мандельштама. Семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. С. 248. М., 2012. С. 248.

товарищи, к новым победам!». В номере «Известий» от 1 мая 1933 г. (№ 114) на первой странице большие портреты Ленина и Сталина. Здесь же лозунг: «Под знаменем большевистской партии, ее ленинского ЦК, вождя и учителя товарища Сталина – вперед к новым победам!». (Получается, что «вперед, к новым победам» следует идти «под знаменем...товарища Сталина»; не очень ловко получилось, но, видимо, не было замечено.) В «Правде» все чаще появляются «письма т. Сталину» от инженеров, рабочих, колхозников, участников конкурса музыкальных исполнителей (см. «Правду» от 28 мая 1933), ученых... 1 июня 1933 г. «Правда» печатает на первой странице фотографию: «барельеф Сталина, отлитый из первой бронзовой плавки на Челябинском тракторном»; 13 июня «Правда», также на первой странице, информирует: «Сто пять тысяч физкультурников Москвы демонстрировали вчера готовность к труду и обороне, беззаветную преданность большевистской партии, ее ленинскому ЦК, вождю трудящихся всего мира тов. СТАЛИНУ»; в номере 208 от 30 июля 1933 г. на первой странице «Правды» плакат: на фоне знамени профили Ленина и Сталина, а анфас и поменьше, рядами, «вожди» – Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, за ними, помельче, Калинин, Киров, Куйбышев, Косиор и т.д.; 29 октября, «Правда» (№ 299) открывается (1 стр.) фотомонтажом: слева – крупная фотография Сталина, справа – большая фотография Ленина; их фотографии – на фоне ликующей молодежи; тут же – письмо-привет комсомолу в день его 15-тилетнего юбилея от Сталина; 31 октября, в «Правде» (№ 301) на первой странице большое письмо «тов. Сталину» «от колхозниц района деятельности Советской МТС, Георгиевского района, на Северном Кавказе»; начинается письмо так: «Дорогой наш друг, товарищ СТАЛИН!»; 7 ноября – в «Правде» (№ 308), естественно, на первой странице – огромная фотография Сталина в шинели; рядом фотография Ленина; правее – летящие аэропланы и ликующие народные массы; в следующем номере главной газеты страны (№ 309 от 10 ноября 1933 г.) – большая фотография на первой странице: Сталин среди вождей, в центре, на трибуне мавзолея Ленина во время демонстрации.

Некоторые бывшие оппозиционеры публично каются. В номере «Правды» от 18 мая 1933 г. на стр. 4 можно прочитать «Заявление Л.Б. Каменева в ЦК ВКП (б), в ЦКК ВКП(б)». Каменев признает свои ошибки и просит восстановить его в партии. В прошлом он

был во всем неправ: «ошибкой был союз с Троцким, ошибкой был переход к фракционной борьбе, приведшей к безобразному выходу на улицу». Сталин же – наследник Ленина. «За последние годы партия живет борется [так, без запятой между глаголами – Л.В.], развивается под теоретическим и практическим руководством тов. Сталина, как раньше жила, боролась и развивалась под руководством Ленина». Через день, 20 мая, в «Правде» (№ 137, с. 3) было напечатано и аналогичное заявление Зиновьева. Он, как и Каменев, заявляет об ошибочности своих действий в прошлом, во всем был прав Сталин. «Нападки на т. Сталина в действительности вызваны только тем, что он является самым выдающимся теоретическим и политическим представителем ленинизма и поэтому самым опасным противником для всех врагов генеральной линии партии. <...> Имя т. Сталина есть знамя всего пролетарского мира».

О степени искренности этих заявлений Каменева и Зиновьева доказательно говорить не представляется возможным, но впечатление унижительной капитуляции они производят. «Кто свистит, кто мяучит, кто *хнычет...*» (курсив мой – Л.В.).

Также заметной особенностью прессы конца 1920-х – начала 1930-х гг. является ужесточение тона в отношении разнообразных «врагов» (саботажников, двурушников, вредителей, кулаков, попов и пр.) и публикация сообщений об их суровых наказаниях. Так, в «Известиях» от 12 марта 1933 г. (№ 70, с.2) рядом со статьей корреспондента Л. Кайта «Германия в тисках фашистской диктатуры» помещено сообщение «От коллегии ОГПУ»: «Коллегия ОГПУ постановила: За организацию контрреволюционного вредительства в машино-тракторных станциях и совхозах ряда регионов Украины, Северного Кавказа и Белоруссии, нанесшего ущерб крестьянству и государству и выразившегося в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей, поджоге машино-тракторных станций, машино-тракторных мастерских и льно-заводов, дезорганизации сева, уборки и обмолота с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода – приговорить к высшей мере социальной защиты – расстрелу...» (следуют 35 фамилий; к 10-летнему тюремному сроку приговорены 22 человека и 8-летнему – 18 человек). В следующем номере «Известий» (№ 71 от 14 марта 1933 г.) на первой странице три портрета: Маркс, Ленин, Сталин; на стр. 4 сообщается об аре-

сте 31 человека, подозреваемого во вредительстве на электростанциях. 16 марта «Известия» (№ 73) выходят с передовицей «Сурово карать врагов народа». В номере «Правды» 191 от 13 июля 1933 г. на первой странице помещен материал, озаглавленный вошедшей в жизнь формулировкой: «Враги народа» (о суде над «вредителями» в общественном питании). «Известия», 14 июля 1933 г. (№ 174, с. 3): «Беспощадно карать буржуазных перерожденцев-обманщиков пролетарского государства. Начался процесс вредителей из Одесского зернотреста».

Мандельштам, безусловно, никогда не ставил знак равенства между коммунизмом и фашизмом. Социалистические идеи в марксистской и в эсеровской форме увлекали его уже в юности. Споря с Блоком, Мандельштам отказывался принять утверждение о крушении гуманизма (см. статью «Гуманизм и современность», 1922; опубликована в январе 1923 г.). Фашизм и нацизм представляли собой радикальный антигуманизм (презрение к человеку во имя «сверхчеловека», социалдарвинизм, антихристианство, отвержение демократии). Это было для Мандельштама совершенно неприемлемо. Однако он не мог не видеть сходства в тех режимах, которые складывались в СССР и Германии: культ возвышающегося над всеми остальными вождя; пропаганду насилия и широкое применение насилия, включая смертную казнь; демонстративное презрение к праву и так называемым «буржуазным свободам», «гнилой демократии»; навязывание всему обществу одной, считающейся непогрешимой, идеологии, запугивание и террор в отношении инакомыслящих, внедрение принудительного единомыслия во всех сферах, включая литературу и искусство (в СССР книги публично не жгли, но шельмование Е. Замятина и Б. Пильняка за то, что их произведения были опубликованы за рубежом, в 1929 г. уже состоялось; свободное слово, как сказано у Мандельштама в «Четвертой прозе», уже «ворованный воздух»). С.И. Липкин сохранил в своих воспоминаниях чрезвычайно важное высказывание Мандельштама, датирующееся именно 1933 годом, тем годом, когда написано «Мы живем...»: «Интересовали Мандельштама и политические вопросы, и немудрено: политика властно и жестоко входила в повседневный быт советских людей. У Мандельштама не было того обстоятельного, поразительного ясного политического мышления, которое впоследствии восхищало меня в Ахматовой, зато некоторые его прозрения были гениальны. Запомнилось:

– Этот Гитлер, которого немцы на днях избрали рейхсканцлером, будет продолжателем дела наших вождей. Он пошел от них, он станет ими»¹.

12 апреля 1933 г. Осип и Надежда Мандельштам приехали в Крым к вдове Александра Грина Н.Н. Грин. Вид голодающих крестьян, бежавших с Украины и Кубани, произвел на поэта сильнейшее впечатление. По возвращении в Москву (в середине июня) Мандельштам написал стихотворение «Холодная весна. Беспхлебный робкий Крым...». Эти стихи фигурируют в следственном деле Мандельштама 1934 года наряду с антисталинской инвективой. Безусловно, крымское потрясение должно быть названо в числе одной из важнейших причин создания «Мы живем...» (в одном из вариантов стихотворения борьба с мужиками была, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, прямо упомянута: «Только слышно кремлевского горца – / Душегубца и мужикоборца...»²). В середине июля осведомитель сообщал в ОГПУ: «На днях возвратился из Крыма О.МАНДЕЛЬШТАМ [на самом деле поэт вернулся в Москву, как выше было сказано, в середине июня – Л.В.]. Настроение его резко окрасилось в антисоветские тона. <...> Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму, а также собственные литературные неудачи: из его книги Гихл собирается издать даже старые стихи, о его последних работах молчат»³. «Гихл» – Государственное издательство художественной литературы, которое действительно планировало выпустить том избранных произведений Мандельштама.

Обстоятельства написания стихов о голодном Крыме, донесение осведомителя давно известны, здесь мы не сообщаем ничего нового. Но на утверждение агента о том, что Мандельштам угнетают литературные неудачи, имеет смысл обратить особое внимание. Одна из таких «неудач», которая вызвала у поэта немалое огорчение, случилась в конце августа 1933 г. (более чем через месяц после того, как осведомитель ОГПУ написал свое донесение, так что этот эпизод он

¹ Липкин С.И. Угль, пылающий огнем // Липкин С.И. Квадрига. М., 1997. С. 397–398.

² Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 107.

³ Berelowitch A. Les Écrivains vus par l'OGPU // Revue des Études Slaves. 2001. Vol. 73. No. 4. P. 626–627. Со ссылкой на ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 262–267.

не мог иметь в виду). В «Правде» (30 августа, № 239, с.4) была напечатана статья С.Д. Розенталя «Тени старого Петербурга («Звезда», №№ 1–7 за 1933 год)». С. Розенталь говорит, как и заявлено в названии публикации, о том, что было напечатано в ленинградском журнале «Звезда». Наряду с достойными, по мнению автора обзора, произведениями, в журнале увидели свет сочинения авторов, которых печатать никак не стоило. Это «тени» старой культуры: «А остатки петербургского периода литературы, осколки старых классов и литературных школ продолжают жить. В. Шкловский, О. Мандельштам, Вагинов, Заболоцкий». По мнению Розенталя, Мандельштам – безыдейный эстет, его мир – «мир маркера и гурмана», ему свойственна «неумная злоба человека, не понимающего пролетарской литературы». В связи с опубликованным в «Звезде» (№ 5) мандельштамовским «Путешествием в Армению» Розенталь пишет: «расточая похвалы Армении», Мандельштам «хвалит ее экзотику, ее рабское прошлое», он «прошел мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении». «Так “путешествовать” можно, сидя в комнате и окружив себя гравюрами, старинными книгами и раритетами армянской старины...». Объявление его «тенью» из прошлого уязвило поэта и запомнилось ему. В воронежской ссылке, он напишет: «В роскошной бедности, в могучей нищете / Живи спокоен и утешен – / Благословенны дни и ночи те, / И сладкогласный труд безгрешен. // Несчастлив тот, кого, как тень его, / Пугает лай и ветер косит, / И жалок тот, кто, сам полуживой, / У тени милостыни просит»¹. И в письмах из Воронежа повторяется этот образ: 21 января 1937 г. Мандельштам пишет Ю.Н. Тынянову: «Пожалуйста, не считайте меня тенью», а весной того же года (около 17-го апреля) – К.И. Чуковскому: «Я поставлен в положение собаки, пса... Я – тень. Меня нет. У меня есть одно только право – умереть»².

О статье С. Розенталя в связи с Мандельштамом давно известно, мы бы не стали в данной работе говорить о ней, тем более, что это не первый отрицательный отзыв о «Путешествии в Армению»: ранее, 17 июня 1933 г. в «Литературной газете» об этой прозе Мандель-

¹ «Еще не умер ты. Еще ты не один...», 1937 // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1. СПб, 2017. С. 193–194.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб, 2017. С. 461 и 469.

штама также негативно отозвался Н. Оружейников. (Естественно, значение отзыва в «Правде» значительно весомее, чем в писательской газете, и Мандельштам это хорошо понимал.) Мы хотим обратить внимание на обстоятельство, которое, насколько нам известно, осталось незамеченным исследователями. На той же странице того же номера «Правды», в котором опубликована критическая заметка С. Розенталя, напечатана информация «Казнь германского коммуниста». Речь в ней идет о том, что в гитлеровской Германии обезглавили четверых коммунистов (жирным шрифтом выделяем, как и в других цитатах, слова, напечатанные так же в газете). «1 августа в **Альтоне** (близ **Гамбурга**) были казнены 4 коммуниста, приговоренные к смерти фашистским судом за антифашистскую борьбу. В числе казненных был тов. **Август Лютгенс**. <...> Тов. Лютгенс держал себя на суде с исключительной революционной стойкостью. Он мужественно положил голову на плаху, и его последние слова были: **“Я умираю за пролетарскую революцию! Да здравствует советская Германия! Рот фронт!”**». На странице воспроизведено предсмертное письмо Лютгенса детям (факсимиле), перевод письма и фотография казненного с женой и детьми. В письме Лютгенс призывает детей: **«БУДЬТЕ БОРЦАМИ»** (в переводе эти слова напечатаны заглавными буквами). О казни Лютгенса и его товарищей сообщалось в центральной печати и ранее. «Известия» писали об этом еще 2 августа 1933 г. (№ 190, с.1): «Казнь 4 рабочих в Альтоне. <...> Агентство Вольф распространяет следующее официальное сообщение прусского правительства: “Сегодня утром в Альтоне казнены коммунисты: **моряк Август Лютгенс, рабочий Вальтер Меллер, сапожник Карл Вольф и слесарь подмастерье Бруно Тэш**, которые были 2 июня приговорены чрезвычайным судом Альтоны к смертной казни за убийство двух национал-социалистских штурмовиков во время кровавого столкновения в июле прошлого года”. <...> Следует напомнить, что казненный сегодня рабочий Лютгенс особенно выделялся на суде своим революционным последним словом, в котором он заявил: “Требование прокурора приговорить меня к смертной казни означает для меня большую награду. Для революционера смертная казнь является самым высшим признанием его заслуг, которое он может получить”». А в дополнение к этому сообщению, через день, 4 августа, «Известия» (№ 192) также на первой странице поместили заметку Л. Кайта «Средневековые казни в Гер-

мании»: «Официальное сообщение от 1 августа о казни четырех коммунистов в Альтоне не упоминает о способе приведения смертного приговора в исполнение. Как сейчас выясняется из гамбургских газет, **осужденные были казнены в половине шестого утра на дворе альтонской тюрьмы посредством отсечения голов топором.** <...> Смертная казнь в Пруссии впредь должна приводиться в исполнение исключительно путем отсечения головы топором. Это мотивируется тем, что применение вывезенной из Франции гильотины чуждо духу германского народа. Баварский министр юстиции Франк уже заявил, что аналогичный закон будет принят и в Баварии». На Мандельштама, который всегда был противником смертной казни, у которого угроза лишения человека жизни (на любом основании) вызвала очень острую отрицательную реакцию, информация об отрубании людям головы не могла не произвести сильного впечатления. Совершенно очевидно, что в воронежских «Стансах» Мандельштама (1935) строка «Я помню все: немецких братьев шеи...» говорит о происходящем в нацистской Германии. Д.Г. Лахути проникательно предположил, что строка «Стансов» может иметь отношение к узаконенной нацистами казни через отсечение головы¹. Д. Лахути ссылается на несколько сообщений об этом в советской прессе, в том числе и на информацию о казни Лютгенса и его товарищей в «Комсомольской правде» от 5 июля 1934 г. Но это для Мандельштама уже начало воронежской высылки, т.е. к этому времени стихотворение «Мы живем...» было создано. Автор предлагаемой читателю работы обращает внимание в первую очередь на сообщение о казни Лютгенса именно в «Правде» от 30 августа 1933 г. (это сообщение в книге Д. Лахути не упомянуто), потому что в данном случае можно быть совершенно уверенным в том, что Мандельштам эту страницу газеты видел. Поэтому, представляется, «немецких братьев шеи» – это отсылка в первую очередь к смертной казни в Альтоне. В Воронеже «шеи» попали в «Стансы» 1935 г. Но тонкие шеи «вождей» есть уже в антисталинских стихах.

Думается, написание «Мы живем...» было вызвано комплексом впечатлений: свист во время речи Троцкого и шельмование троцкистов; сообщения о судах над «вредителями» и «врагами народа»; все усиливавшееся поклонение Сталину; дело М. Рютина; нападения

¹ Лахути Д.Г. Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. Попытка внимательного чтения (с картинками). М., 2008. С. 131–132.

на коммунистов и социал-демократов, антисемитские выходки в нацистской Германии; сожжение книг в Берлине и удушение писательской свободы на родине; голодные крестьяне в Крыму; информация о лейпцигском процессе Г. Димитрова и его товарищей (сентябрь – декабрь 1933 г.); наконец, сыграли свою роль и непосредственно личные переживания: арест друга, Б.С. Кузина; объявление в «Правде» «тенью» и болезненное сознание собственной неуместности в писательском доме на улице Фурманова, куда Осип и Надежда Мандельштам вселились осенью 1933 г. – желание не иметь ничего общего с писателями, которые пишут, как это сказано в «Четвертой прозе», «заведомо разрешенные вещи»; в стихах об этом: «Какой-нибудь избразитель, / Чесатель колхозного льна, / Чернила и крови смеситель, / Достоин такого рожна»¹. Имел значение, думается, и случай с А. Лютгенсом – впечатление произвело, очевидно, не только известие о чудовищной казни, но и мужество, героическая жертвенность казненного. Мандельштам рассматривал создание антисталинского стихотворения не только как поэтический, но и как политический акт. Мысль о героическом самопожертвовании не нова для Мандельштама. Она звучит, например, в стихотворении «Век» (1922): «Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки / И своею кровью склеит / Двух столетий позвонки?» и в стихах, посвященных Армении: «Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил, / Время свое заморозил и крови горячей не пролил» (1930)². Отсюда – публичное чтение антисталинских стихов в разных местах. И необоснованная надежда на то, что эти стихи могут что-то изменить в стране. Мандельштаму казалось, что еще не все решено. Прочитывая отрывок из воспоминаний Э.Г. Герштейн («– Это комсомольцы будут петь на улицах! – подхватил он сам себя ликующе. – В Большом театре... на съездах... со всех ярусов... – И он зашагал по комнате. Обдав меня своим прямым огненным взглядом, он остановился: – Смотрите – никому. Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!»), О. Ронен пишет: «Здесь присутствует явная и твердая надежда на то, что курс партии будет изменен. Откуда – в преддверии XVII съезда ВКП(б) –

¹ «Квартира тиха, как бумага...», 1933 // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 159.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 109 и 126.

Мандельштам черпал мечту о грядущей победе самих коммунистов над Сталиным и о своем окончательном торжестве?»¹.

II. В рифму: «ШИРОКАЯ ГРУДИНА» И «ШИРОКАЯ ГРУДЬ ОСЕТИНА»

Автор данной работы давно наткнулся на странную переключку: в посвященном Армении стихотворении «Канцона» (1931) поэт объединяет ученых с орлами и характеризует образовавшиеся существа так: «Там зрачок профессорский орлиный, – / Египтологи и нумизматы – / Это птицы сумрачно-хохлатые / С жестким мясом и широкою грудиной»². О том, что речь идет не только б орлах, но и об ученых, свидетельствует переключка этих стихов с прозой, с «Путешествием в Армению»: «Профессор Хачатурьян, с лицом, обтянутым орлиной кожей... Не только археолог, но и педагог...» (глава «Севан»)»³. Что общего у армянских ученых, о которых Мандельштам пишет с очевидной симпатией, с «кремлевским горцем»? Почему «широкая грудина» рифмуется с «широкой грудью осетина»? Думается, что общее между орлоподобными учеными и Сталиным Мандельштам видит в том, что они кавказцы. Представляется, что для Мандельштама Кавказ – это мир, где древность жива, где мифы не умерли, где язычество никуда не ушло, где люди еще не отделились от природы, где человеческий мир накрепко спаян с миром растительным и животным. Конечно, Сталин в «Мы живем...» зооморфен (что убедительно показали А. Жолковский и Л. Панова). Но зооморфизм присущ описаниям и других кавказцев. Приведем примеры. Дети на острове («Путешествие в Армению», глава «Севан»): «Они, как зверьки, лазили по гробницам монахов...», «Дети показывали ему [доктору – Авт.] свои узкие язычки, высовывая их на секунду ломтиками медвежьего мяса...»⁴. Глава «Ашот Ованесьян»: «Черно-голубые, взбитые с выхвалю, пряди его жестких волос имели в себе нечто

¹ Ронен О. Слава // Звезда. 2006. № 7. С. 217.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 139.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 260.

⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 259 и 262.

от корешковой силы заколдованного птичьего пера»¹. Глава «Сухум»: «Язык абхазцев мощен и полногласен... можно сказать, что он вырывается из гортани, заросшей волосами. Боюсь, еще не родился добрый медведь Балу, который обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга, прекрасному языку “апсны”...»². Записи из записных книжек, имеющие отношение к «Путешествию в Армению»: «...учительница Анаида Худавердян... Ее фигурку заморенной львицы... неповорачивающаяся голова»; «Армянские мальчишки и юноши, коротконогие, усатые, с широчайшими плечами борцов [«с широкою грудиной» – Л.В.], они шли какой-то вздрагивающей берцовой походкой»; «Комендант по имени Сабуа, ловко скроенный абхазец с [осиной талией], ногами танцора и румяным лицом оловянной куклы...»; «У Нестора Лакобы – главы правительства движения человека, стреляющего из лука... [Он убивает кабанов и провозит великолепные] Абхазцы приходят к марксизму, минуя христианство Смирны и не по лезвию ислама, а непосредственно от язычества. У них нет исторической перспективы, и Ленин для них первее Адама. <...> Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку – слава!»³. Мандельштам о поэзии Важа Пшавела (из очерка «Кое-что о грузинском искусстве»): «Это был настоящий ураган слова, пронесшийся по Грузии, с корнем вырывавший деревья... Образность его поэм, почти средневековых в своем эпическом величии, стихийна. В них клокочет вещественность, осязаемость, бытийственность. Все, что он говорит, невольно становится образом, но ему мало слова, он его как бы рвет зубами на части, широко пользуясь и без того страстным темпераментом грузинской фонетики»⁴. Дополним приведенные места из прозы цитатами из поэзии. Из цикла «Армения»: «Ты розу Гафиза колышешь / И нянчишь зверушек-детей...»; «Ах, Эривань, Эривань! Или птица тебя рисовала, / Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?»;

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 264.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 273.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 337, 339, 343, 346.

⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб, 2017. С. 14–15.

«Здесь жены проходят, даруя / От львиной своей красоты»; «И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией» (т.е. речь о неистребимом язычестве, не подавленном Византией); «Дикая кошка – армянская речь»¹. Из стихотворения «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...» (в стихах отразилось воспоминание об Абхазии и об одноголосом пении): «Песнь одноглазая, растущая из мха, – / Одноголосый дар охотничьего быта...»². Ср. в «Записных книжках» к «Путешествию в Армению»: «Абхазские песни удивительно передают верховую езду. Вот копытитесь высота... бесконечная, как дорога, хоровая нота – камертонное бессловесное длинное а-а-а! И на этом ровном многокопытном звуке, усевшись в нем, как в седле, плывет себе запевала...»³. Отметим, однако, что Мандельштам, которого Аверинцев в своем классическом определении назвал одним из «виртуозов противочувствия»⁴, в очерке «Сухарева» противопоставляет «человеческих» кавказцев зооморфным московским торговцам: «Я видел тифлисский майдан и черные базары Баку, разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов, – но никогда не видел ничего похожего на ничтожество и однообразие лиц сухаревских торгашей. Это какая-то помесь хоряка и человека, подлинно “убогая славянщина”. Словно эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы, этот кустарный румянец на щеку выдавались им всем поровну в свертках оберточной бумаги. <...> ...отдыхаешь на смуглых и открытых лицах каких-то кавказских чертенят, ковыряющих ваксу с блаженным смехом»⁵. (Действительно, как отмечают А. Жолковский и Л. Панова, Мандельштам «совершенно» не политкорректный автор. Досталось от него и цыганам, и китайцам, и русским, и евреям. В последнем случае достаточно вспомнить только «Шум времени», где в главе «Хаос иудей-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 125, 126, 128, 131.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 200.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 345.

⁴ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы. М., 2011. С. 70.

⁵ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 26.

ский» говорится о музыке Чайковского в «еврейском» курорте Дуббельне: «Как убедительно звучали эти размягченные итальянским безвоьем, но все же русские скрипичные голоса в грязной еврейской клоаке!»¹) Но «Сухаревка» написана в 1923 г., до более, видимо, значимой встречи с кавказской древностью во время пребывания в Абхазии, Армении и Грузии в 1930-м. После пребывания на Кавказе Мандельштам прозорливо увидел в Сталине ожившего персонажа из глубокой архаики. Близость сталинского мышления и действия к тем представлениям и поведению, которые отразились в кавказской мифологии, отмечает М. Вайскопф: «Изумительные нартский и кавказско-иберийский эпосы доносят до наших дней важнейшие реликты индоевропейской архаики. Наряду с превозносимыми добродетелями – честностью, отвагой и стойкостью – кавказские легенды актуализируют и память о brutальных аспектах древнейших цивилизаций. Как всякий народный эпос, нартские предания дышат свирепой жестокостью и теми психологическими свойствами, которые сегодняшнее нравственное сознание может истолковать лишь в качестве абсолютного имморализма»². Таким – архаическим – существом и предстает Сталин в «Мы живем...». Сталин наделен в этом стихотворении теми же качествами (зооморфизм и витальность), что и люди Кавказа в мандельштамовских соответствующих стихах и прозе, только со знаком минус.

Язык – это все, что есть у поэта. Это его материал, его инструмент, его оружие. Более того, он, поэт, порожден языком, который он же и преобразует. И язык – ближайший друг поэта, более близких друзей у него нет. В связи с этим хотелось бы обратиться к стихотворению «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (1931). Автор данных строк убежден, что в этих стихах моление «сохрани мою речь» обращено к языку. В стихе «И за это отец мой, мой друг и товарищ мой грубый...» заявление о грубости «товарища» не является отрицательной характеристикой: речь о напряжении творческой работы, о сопротивлении материала; подобно тому, как скульптор борется с глыбой мрамора, создавая скульптуру, поэт сотрудничает и борется с языком. Об этом писал еще

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 2. СПб, 2017. С. 194.

² Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М., 2001. С. 183.

«ранний» Мандельштам: «Тем чаще думал я: из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам» («Notre Dame», 1912)¹. Что же касается заключения, что в «Сохрани мою речь...» именно язык именуется «другом», на этот счет можно привести два текстуальных подтверждения. Первое мы находим в четверостишии: «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг – / Язык бессмысленный, язык солено-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг!» (Май 1933; август 1935)². Здесь недвусмысленно сказано, что язык – друг поэта. (Глубокий анализ этого стихотворения содержится в фундаментальном труде Л.Г. Пановой *«Итальянцы, русцы: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама»*. М., 2019). Другое стихотворение, в котором Мандельштам говорит о «друге»-языке применительно к себе самому, – «Стансы» 1935 г.: «Я должен жить, дыша и большевая, / Работать речь, не слушаясь, сам-друг»³. «Сам-друг» – наедине с языком, который в процессе работы с ним становится «речью» поэта (слово «речь» здесь, очевидно, устанавливает связь с «Сохрани мою речь навсегда...»: язык сохранит речь, если она будет того достойна).

В 1931 г. Мандельштам написал: «Я больше не ребенок! / Ты, могла, / Не смей учить горбатого – молчи! / Я говорю за всех с такою силой, / Чтоб небо стало небом, чтобы губы / Потрескались, как розовая глина» («Отрывки уничтоженных стихов»)⁴.

Иосиф Прекрасный был убит Иосифом Ужасным (да, не им лично, но порядком *его* мира). Но и Мандельштам нанес Сталину такой удар, от которого тот никогда не оправится. Говоря о «Мы живем...» необходимо вспомнить еще одно имя. Это имя Данте (имя «Данта», как сказал бы Мандельштам). Именно в апреле – мае 1933 г. Мандельштам пишет «Разговор о Данте», читает Данте, 9 ноября 1933 (в тот же месяц, когда создано «Мы живем...») Мандельштам записал нача-

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 47.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 158.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 177.

⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост, подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 1. СПб, 2017. С. 143.

ло VIII песни «Чистилища» на итальянском языке¹. (Многосторонняя связь между Данте и творчеством Мандельштама показана в упомянутой выше книге Л.Г. Пановой.) Что общего между «Мы живем...» и «Божественной комедией»? По меньшей мере одно: сила поэтического приговора. Для Мандельштама «Божественная комедия» была, помимо прочего, «величайшим политическим памфлетом» («Заметка о Барбье»²). Естественно, «Мы живем...» не плоский политический плакат, а поэтический шедевр. В 1935 г. в Воронеже Мандельштам сказал С.Б. Рудакову: «Поэтическая мысль вещь страшная, и ее боятся...» и «Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся...»³.

Но все же поэзию часто вообще не принимают в расчет. А напрасно.

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Приложение. Летопись жизни и творчества. Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской. М., 2014. С. 413.

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб, 2017. С. 80.

³ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). Публикация и подготовка текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб, 1997. С. 68.

МАНДЕЛЬШТАМ НА ЛУБЯНКЕ.

Из воспоминаний Б.В. Мяздрикова¹

Сначала несколько слов о том, как была написана предлагаемая читателю статья. В последней трети 2017 года я обратился к руководителю замечательного московского издательства «Новый хронограф» Леониду Сергеевичу Яновичу с предложением опубликовать книгу моих статей под названием «Мандельштам и...». Рукопись была мной представлена и одобрена издательством. (Книга вышла в январе 2018 года.²) В один из тех дней, когда обсуждались условия издания, структура книги и пр., Леонид Сергеевич сообщил мне, что в его распоряжении находятся ненапечатанные мемуары некоего Мяздрикова, в которых, в частности, идет речь об Осипе Мандельштаме. Я никогда не слышал ни о Мяздрикове вообще, ни тем более о Мяздрикове в связи с Мандельштамом. Естественно, я попросил Леонида Сергеевича показать мне то место в мемуарах, где упоминается Мандельштам. Познакомившись с этим фрагментом воспоминаний, я понял, что его несомненно следует опубликовать. Но я захотел, конечно, прочесть воспоминания полностью. Такая возможность мне была предоставлена, и я не был разочарован.

Горячо благодарю Л.С. Яновича за возможность познакомиться с воспоминаниями Мяздрикова и за разрешение опубликовать данную работу.

Осип Мандельштам был впервые арестован в середине мая 1934 года. Ордер на арест был выписан 16 мая³, обыск проходил ночью; следовательно, поэт был арестован в ночь с 16 на 17 мая. Анна Ах-

¹ Первая публикация работы: Видгоф Л.М. Мандельштам на Лубянке. Из воспоминаний Б.В. Мяздрикова // Знамя. 2018. № 5. С. 107–124.

² Видгоф Л.М. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018.

³ Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 41. В воспроизведенном в книге тексте ордера ошибка в номере квартиры, в которой на момент ареста проживал поэт: № 16 (вместо 26). Но в протоколе обыска-ареста от 17 мая 1934 г. и в анкете арестованного (датирована 16 мая) адрес указан верно: Нащекин-ский пер. (правильно было бы написать «Нащокинский»), д. 5, кв. 26 (там же; с. 41–43 и фотографии документов на вклейке).

матова в «Листках из дневника» утверждает, что Мандельштам был арестован в ночь с 13 на 14 мая: «13 мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я ... приехала к Мандельштамам из Ленинграда... <...> Обыск продолжался всю ночь. <...> Его увели в семь утра»¹. Согласно мемуарам Эммы Герштейн, Мандельштам был арестован в эту же ночь, с 13-го на 14-е: «Ахматова приехала 13 мая. Они провели вместе один день. Поздно вечером явились гепеушники с ордером на арест Мандельштама. Всю ночь производили обыск. Осипа увели. <...> 14 мая утром я пришла в Нащокинский. Мне открыла Анна Андреевна со слезами на глазах...»².

Так или иначе, после ареста поэт был доставлен на Лубянку, во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Здесь и встретился с ним Б.В. Мяздриков, чьи воспоминания цитируются ниже.

Передо мной – старомодная вместительная картонная папка с характерными завязочками. На папку наклеен бумажный прямоугольник со словами, написанными зеленым фломастером: «Б.В. Мяздриков. Сызнова живу». В папке 774 страницы с текстом, отпечатанным на пишущей машинке. Часть страниц пожелтела сильно, часть поменьше. На первой странице заглавие, «Сызнова живу», с подзаголовком: «Повесть-воспоминание». В нижней части страницы стоит: «Казань. 1987 год.»³

Кто же автор этой рукописи?

Борис Васильевич Мяздриков родился в Москве 30 сентября (13 октября по новому стилю) 1911 года. «Я родился в зажиточной буржуазной семье и хорошо помню свое раннее дореволюционное детство», – пишет он⁴. Его дед, Иван Денисович Баев-«младший», был московским купцом, торговавшим обувью. (В доме племянника Ивана Денисовича, И.К. Баева, на Первой Мещанской улице Валерий Брюсов снял в 1910 году квартиру на первом этаже и жил в этом здании до смерти в 1924 году; сейчас в доме на проспекте Мира расположен Музей Серебряного века.) Мяздриковы тоже были купцами: «торговый дом И.И. Кочетыгова и братьев Мяздриковых» про-

¹ Ахматова А.А. Листки из дневника // Ахматова А.А. Requiem. М., 1989. С. 137.

² Герштейн Э.Г. Вблизи поэта // Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб, 1998. С. 54.

³ В настоящее время издательство «Новый хронограф» готовит воспоминания Б.В. Мяздрикова к публикации.

⁴ Страница 5 рукописи. В дальнейшем текст воспоминаний Мяздрикова будет цитироваться так: Мяздриков. С. такая-то.

давал мануфактуру. Детство Бориса Мяздрикова прошло на Пименовской (сейчас Краснопролетарская) улице, неподалеку от церкви Нового Пимена; позднее семья жила в доме бабушки в Замоскворечье, дом находился на углу Кадашевской набережной и Старомонетного переулка). У Бориса был старший брат Серафим (между ними было примерно пять лет разницы) и сестра Марина. Другая сестра, Анна, «Нюра», умерла в 1915 году.

Семья Бориса принадлежала к слою московского культурного купечества: любили оперу, театр, не забывали о детском чтении. Однажды в день рождения Борису подарили книжку «Моя первая русская история». На внутренней стороне обложки имелся стишок:

Бойтесь, дети, лени
Как дурной привычки
И читайте в сутки
Вы хоть по страничке.¹

Борис вырос любителем литературы и театра, рано увлекся историей, стал талантливым чтецом и артистом-любителем, был сильным шахматистом.

После революции жизнь изменилась. Сначала было плохо, голодно. Потом, при НЭПе, стало лучше. «Жить стало легче – это сразу все почувствовали. Прежде всего окончились хлебные затруднения, карточки отменили, в магазинах хлеба стало сколько угодно, да еще какого – ведь мы отвыкли от белого хлеба»². Но здесь отец семейства сделал неверный шаг. «В это время папа совершил непоправимую ошибку в жизни, убийственно отразившуюся на нашей судьбе, – он начал торговать. Сначала они с дядей Сашей вошли в компанию с каким-то евреями и открыли на Арбате в полуподвале мастерскую-магазин по изготовлению и продаже кондитерских изделий». Но это предприятие как-то довольно быстро окончилось. «Папа не успокоился и вступил в торговое общество по продаже мануфактуры, где также участвовали крупные воротилы с известными именами. Затем по их советам принял эту торговлю на свое имя и опять прогорел.

¹ Мяздриков. С. 105.

² Там же. С. 144. В большинстве случаев текст мемуаров приводится при цитировании в оригинальном виде. Но иногда возникает необходимость устранить ошибки в написании слов, в расстановке знаков препинания и т.п.

Когда его задушили налогами, то компаньоны отступились и не стали платить их из своих денег, и папе пришлось отдуваться одному за всех. Он оказался неплатежеспособным, и нас описали, все имущество вывезли, и семья осталась без средств. <...> Позорное клеймо нэпмана преследовало папу до самой его смерти, а мы с Серафимом во многом пострадали от этого»¹. «Словом, мы сразу окунулись в настоящую бедность – и не временную, как в годы разрухи, – а в длительную устойчивую бедность. Конечно, до прямой нищеты дело не дошло, но заметную материальную нужду мы испытали...»². Б. Мяздриков отмечает, что, уже начиная с 1925 года, «НЭП постепенно стал отмирать», – «папа, задавленный налогами, вынужден был закрыть магазин, и у нас описали и вывезли все имущество. Другие знакомые нэпманы еще держались, но постепенно начали свертывать свою торговлю. Власти не ограничились чисто экономическими мерами, появились меры физического принуждения. Помню, как перед некоторыми магазинами частных торговцев дежурили комсомольские пикеты, не допускавшие посещения магазинов покупателями. Следующим был юридический акт – лишение права голоса не только самих нэпманов, но и бывших нэпманов и членов их семей. Так наша семья вошла в группу “лишенцев”, а следом за этим пошло лишение продовольственных карточек»³. Отцу удалось устроиться на скромную должность бухгалтера. В 1933 году он умер.

Мяздриковы были домовладельцами, а пришло время покончить с такой социальной категорией. Дóма в Замоскворечье, где жили четыре семьи Мяздриковых, они лишились. Семья Бориса, обменяв свою комнату у бабушки на две комнаты в полуподвальной коммунальной квартире в Бабьегородском переулке, переехала туда. Здесь Серафим и Борис и жили до ареста. А бабушкин дом и сад были уничтожены еще до Великой Отечественной.

Тем не менее жизнь продолжалась; братья учились и закончили школу. Серафим, замечательно рисовавший, хотел поступить во ВХУТЕМАС. Борис Мяздриков характеризует своего старшего брата так: «В моих воспоминаниях он предстает как человек исключительного обаяния, талантливейший рисовальщик, актер-импровизатор,

¹ Там же. С. 145.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 352.

превосходный рассказчик, поэт, юморист, сатирик...»¹. Но во ВХУТЕМАС Серафим поступить не смог: несмотря на очевидные художественные способности, он принят не был – он был дальтоник. Закончил бухгалтерские курсы, но не смог никуда устроиться: была безработица, получить должность было непросто. Подрабатывал от случая к случаю писанием плакатов, оформлением стенных газет и т.п. Работал и чернорабочим на стройке.

А Борис в 1929 году поступил в Политехникум имени В.И. Ленина. Там он учился на «пищевом отделении». Политехникум располагался в здании бывшего Александровского коммерческого училища на углу улицы Карла Маркса (ныне снова Старая Басманная) и Бабушкина переулка (теперь улица Александра Лукьянова). Надстроенное здание в настоящее время занимает Высшая школа экономики.

Один из близких знакомых братьев Мяздриковых, Сергей Пантелеев, «увлекся биологией и вступил в кружок юных биологов Зоопарка, и Сефа [домашнее имя Серафима – Л.В.] вслед за ним оказался там же. Сережа стал ходить за город ловить лягушек для корма змеям в Зоопарке, и Сефа составил ему компанию, а заодно потащил меня с собой»².

Знали бы братья, чем для них обернутся впоследствии отношения с кружком юных биологов!

Когда Борис перешел на третий курс, его группу перевели учиться в новый, только что созданный институт – Московский инженерно-технологический институт хлебопечения (МИТХ), и с 1931 года он учился там. Учился он старательно и очень успешно. Но все свободное время Борис проводил в зоопарке: вместе со старшим братом он вступил в члены Кружка юных биологов зоопарка (КЮБЗ); они «были без ума от Петра Александровича Мантейфеля, научного руководителя зоопарка...»³. Серафим был заметной фигурой в КЮБЗе – он «стал заведующим террариумом и в третий раз съездил в Туркестан на заготовку рептилий. Он умело ловил ядовитых змей (гюрз) и варанов»⁴.

¹ Там же. С. 116–117.

² Там же. 299.

³ Там же. С. 361. П.А. Мантейфель (1882–1960) – выдающийся биолог. С 1924 г. – заместитель директора Московского зоопарка по научной части. Один из организаторов КЮБЗа. Работал в Зоопарке с 1924 по 1937 г.

⁴ Там же. С. 406.

В своих мемуарах Б. Мяздриков характеризует КЮБЗ не только положительно, ему там нравилось не все, но о каких-то обстоятельствах он сознательно умалчивает.

«КЮБЗ... представлял собой некую полунаучную богему. В нем было немало по-настоящему хорошей молодежи, впоследствии известной в научном мире. Наряду с этим в кюбзовской среде культивировались какие-то дикие нравы, подчас даже с хулиганским прикусом. В последнее время в нем появились ребята, близкие к уголовному миру.

Я не хочу об этом подробно писать. В этой среде нашлись люди, создавшие злостную и клеветническую версию о кружке, вследствие чего многие из нас пострадали. Не хочу также упоминать ни одного имени людей из зоопарковской компании – это тема не для печати»¹.

Молодежные компании вызывали пристальный интерес карательных органов. Были и провокаторы.

15 марта 1933 года был подписан приказ об исключении Бориса Мяздрикова из института. Пришло заявление, что Мяздриков – сын нэпмана и домовладельца. По свидетельству автора цитируемых мемуаров, когда он поступал в политехникум, его отец еще не был «лишенцем»; соответственно, Борис не сообщил об этом (и не мог сообщить) при поступлении. Правовое положение отца пересмотрели позднее. Но эти соображения никак не помешали посчитать Бориса Мяздрикова недостойным учиться в институте хлебопечения. Его выгнали. Не сразу, но все-таки Борис устроился статистиком на овощную базу треста «Нарпит». Потом работал счетоводом в банно-прачечном тресте. А затем его арестовали.

Забрали его 15 апреля 1934 года, в день годовщины смерти отца. А ровно через месяц, 15 мая, был арестован Серафим².

«Так закончился московский период нашей жизни»³.

Серафим в Москву не вернется никогда, он умрет в заключении. А Борис не погибнет, но в Москве жить позднее уже не будет.

¹ Там же. С. 407.

² Авторы статьи о репрессиях по отношению к членам КЮБЗа называют другую дату ареста Серафима Мяздрикова – 19 мая 1934 г. См.: Ларьков С., Попов С., Березин М. КЮБЗ и ОГПУ – НКВД – МГБ (репрессии в Кружке юных биологов Московского зоопарка) // (30 октября [газета общества «Мемориал» (признано в РФ иностранным агентом)]. 2007. № 78. С. 1, 4–5, 7; № 79. С. 7).

³ Мяздриков. С. 421.

После ареста Борис Мяздриков был доставлен на Лубянку. «Меня сразу повели на допрос – допрашивали двое: полный высокий красивый еврей Подольский, он был в штатском, и тот военный, что при обыске внимательно рассматривал рисунки Серафима, – его звали Евдокимовым. Подольский был каким-то начальником – позднее, когда он появился в военном мундире, я разглядел в его петличках ромб. У Евдокимова были три шпалы¹.

Подольский разъяснил мне, что я нахожусь в ОГПУ, что методы следствия здесь гуманные – что это там, в зарубежных странах, у наших классовых врагов заключенных бьют, пытаются, загоняют иголки под ногти, а у нас все, мол, иначе. Затем он стал задавать вопросы...»².

Борис понял, что следователей интересует Зоопарк и КЮБЗ, но прямых вопросов на эту тему ему на первом допросе не задавали. Ему сообщили, что он будет содержаться в одиночной камере.

«Но сначала меня поместили не в одиночку, а в камеру предварительного заключения, своего рода распределитель, – среди заключенных такую камеру называли “собачником” или “пердильником”. В ней было несколько человек, и меня с хохотом забросали вопросами:

– Кто ты? Фашист? Троцкист? Спекулянт? Или педераст?

Я понял иронию и в тон им ответил:

– Болтун.

Мой ответ вызвал еще больший хохот – знаем, мол, таких.

В этой камере я пробыл не более часа...»³.

На следующих страницах своих воспоминаний Борис Мяздриков описывает камеру, в которой он сидел, порядок вызова на допрос, методы проведения допросов и т.д. Его описания интересны и важ-

¹ Один ромб указывал на то, что его обладатель принадлежит к категории Х (десять) сотрудников госбезопасности. Он мог состоять (в Центральном аппарате) в должности помощника начальников отделений и инспекций в отделах и управлениях ОГПУ; сотрудника для особых поручений в управлениях и отделах ОГПУ; оперативного уполномоченного ОГПУ. Три прямоугольника («шпалы») свидетельствовали о том, что сотрудник относится к категории IX: в эту категорию в Центральном аппарате входили помощники начальников Х категории; уполномоченные и инспекторы управлений и отделов ОГПУ. (См.: Руководящие кадры НКВД 1934–1940 гг. См.: <https://istpamyat.ru/repressii/rukovodyashhie-kadry-nkvd-19341940-gg/> Раздел: *Персональные звания и знаки различия в органах госбезопасности*).

² Мяздриков. С. 447.

³ Там же. С. 447.

ны сами по себе. Но в этом же году, примерно через месяц, во внутреннюю тюрьму на Лубянке попадет Мандельштам (и Мяздриков встретится с ним). Очевидно, что многое из того, что вспоминает Мяздриков, может относиться и к содержанию в этой тюрьме арестованного поэта. Приведем выдержки из мемуаров Мяздрикова.

«Пройдя все стадии тюремной обработки – фотографирование анфас и в профиль, снятие отпечатков пальцев, измерение роста – я был помещен в одиночную тюремную камеру. На случай, чтобы я не сделал попытку к побегу или самоубийству, у меня отобрали брючный ремень и шнурки ботинок»¹.

«Я пробыл в заключении ровно пять лет, как принято говорить, “от звонка до звонка”, – 15 апреля 1934 года я был арестован, 15 апреля 1939 года я был освобожден. За это время я побывал в двух московских тюрьмах (на Лубянке и в Бутырках), в трех пересыльных тюрьмах (в Новосибирске, дважды в Иркутске, в Кирове), в двух лагерных изоляторах (в Биробиджане и Свободном). Полтора года я находился в Бамлаге (в Забайкалье и Уссурийском крае), три года в Ухтпечлаге – Ухтижмлаге (на севере в Коми АССР). <...>

Началась моя тюремная жизнь на Лубянке в одиночной камере № 113, где я пробыл один месяц, а всего в этой тюрьме я просидел почти три месяца.

<...>

Войдя в камеру, я стал ее рассматривать. Это была небольшая чистенькая комната, единственное окно было заделано решеткой, а с внешней стороны еще закрыто металлическим кожухом – через окно можно было увидеть только клочок неба, но все равно в правилах поведения заключенным запрещалось смотреть в окно. Около окна стояли крепко сколоченный деревянный стол, окрашенный в белый цвет, и такая же табуретка. На столе находились чайник и кружка, поставленные так, чтобы носик чайника и ручка кружки были видны надзирателю через глазок. Сбоку у стены стояла железная кровать, заправленная постельными принадлежностями. Чем не дом отдыха? Но в углу у входа в камеру стояла “параша”, неизменная принадлежность всех тюремных камер.

Над глазком висели “Правила содержания заключенных” – я, конечно, впился в них глазами. Только тогда я понял, где я находился. Боже мой, что же я такое натворил, что меня заключили в “изоля-

¹ Там же. С. 448.

тор особого заключения”? Читая “Правила”, я обратил внимание на частое повторение слова “Запрещается”, при этом с грозным предупреждением. Например, было сказано, что, если заключенный выглянет в окно, то караульные солдаты открывают огонь без предупреждения».

«Вот еще своеобразная особенность камеры – трубы центрального отопления проходили не прямо из камеры в камеру, а сначала выводились в общий коридор: в этом заключалась профилактическая мера против перестукивания.

Жизнь в тюрьме начиналась в 6 утра при смене караула, об этом я узнавал, услышав громкий выкрик солдат на дворе в ответ на приветствие командира. Затем скрип и звон открываемого замка, к этой музыке нельзя было привыкнуть, каждый раз она заставляла вздрагивать, спустя много лет я все еще слышал ее во сне. В камеру входил дежурный надзиратель, безмолвно он проходил к окну и открывал форточку. Через несколько минут я вызывался в туалет, надо было вынести парашу, продезинфицировать ее каким-то пахучим раствором, сделать свои дела и умыться. Пока я был в туалете, в камеру еще раз заходил надзиратель, он проводил легкую уборку, закрывал форточку и, вероятно, проверял, нет ли в камере каких нарушений и не прячу ли я неположенных вещей и записок.

Затем следовал завтрак, а в середине дня обед. Кормили скудно, невкусно, но и не голодно – во всяком случае, когда, после того, как я сидел в общей камере, меня направили в Бутырки, я унес с собой изрядное количество сухарей, – стало быть, тюремного пайка нам хватало, мы его сушили на случай этапа.

В промежутках времени от завтрака до обеда и от обеда до вечера заключенных вызывали на допрос. Ночных допросов я не помню – в тюремном корпусе стояла абсолютная тишина, никаких криков я не слышал, надзиратели ходили бесшумно, и лишь только звук открываемого замка нарушал тишину.

Любопытен был порядок вызова на допрос. Надзиратель открывал дверь, и конвоир спрашивал мою фамилию – обратите внимание на такую тонкость: не он называл фамилию вызываемого на допрос, а заключенный сам называл себя. Пока я сидел в одиночке, это не бросалось в глаза, а в общей камере выглядело курьезно. Конвоир входил в камеру и называл только первую букву фамилии, примерно это звучало так: «На “эм”?» Все, у кого фамилия начина-

лась на букву “М”, отзывались. Тому, чья фамилия сошлась с письменным вызовом, конвоир говорил: “На допрос!” – только эти два слова, независимо от того, куда вызывали заключенного. Бывали случаи, когда тотчас же после ухода заключенного “на допрос”, в камеру возвращался надзиратель и предлагал оставшимся: “Соберите его вещи”. Мы собирали их, клали туда сухари и отдавали надзирателю – связь с ушедшим из камеры товарищем обрывалась, мы не знали, что с ним, и лишь гадали – конечно, не на свободу, вернее всего, в Бутырки и на этап, а может быть... мы только тревожно переглядывались друг с другом».

«Порядок следования на допрос был примечателен – впереди шел я, руками поддерживая брюки, так как ремень у меня был отобран, сзади шел конвоир. На пути он нажимал кнопки на стене, зажигались сигнальные лампочки – это для того, чтобы избежать встречи с другим заключенным. Если же встреча все-таки происходила, то одного из арестованных ставили лицом к стене, пока не пройдет другой, смотреть друг на друга не разрешалось.

При переходе из внутренней тюрьмы в следственный корпус арестант должен был расписаться в большой книге, где стояли его фамилия и часы начала и окончания допроса – но чтобы ты не видел фамилии других арестантов, страница книги была закрыта тонким металлическим листом и только на строке против твоей фамилии сделана прорезь.

На прогулку меня выводили один раз в день в сопровождении конвоира. Ходить можно было по прямоугольного периметру внутритюремного двора; ни одной веточки, ни одного листочка – асфальт и голые тюремные стены с окнами, закрытыми металлическими кожухами.

Пока я сидел в одиночке, меня часто вызывали на допрос, чуть ли не каждый день. <...>

Заранее оговариваюсь, меня не били и не пытали, но угрозам физического воздействия я все-таки подвергался, не говоря уже о морально-психологическом давлении на меня. Вообще за весь период следствия и дальнейшей моей тюремно-лагерной жизни я ни разу не слышал от заключенных, что при допросах их били и пытали. Да, об этом говорили, но не пострадавшие и не очевидцы – а те, кто знал об этом только понаслышке».

«Меня допрашивали два следователя, Подольский и Евдокимов.

Подольский был старшим по званию, у него был отдельный большой кабинет, видимо, он был каким-то начальником. С виду он был достаточно представительным – не очень высокого роста, но склонный к полноте, имел красивое холеное лицо чисто еврейского типа. Держался он строго, но развязно, в его лексиконе изредка слышалась самая отборная матерщина. С первого допроса он предупредил меня, чтобы я не называл их “товарищами”, а говорил “гражданин следователь”.

Будучи в лагере, я увидел в центральной газете портрет Подольского – это было время, когда ответственным чекистам присваивали особые звания и публиковали их портреты. В другой раз я увидел в журнале портрет писателя с еврейской фамилией, но как две капли воды похожего на Подольского – не знаю, он ли это был или я ошибся. Но не исключено, что чекисты занимались литературной деятельностью, но под псевдонимом.

Евдокимов был моложе его по возрасту и служебному положению [так в рукописи – *Л.В.*], он постоянно был в военной форме, в петлицах у него были три шпалы. Ростом он был высокий, стройный, волосы имел светлые, а глаза? – типично чекистские глаза стального цвета. Он сидел в небольшом кабинете с выходом на лестничную площадку, там же сидел еще один пожилой следователь латыш Склаве. Евдокимов допрашивал спокойно, почти никогда не повышал тон, но он очень ловко плел сложную и путаную интригу допросов, взаимных показаний, в результате чего выходило, что мы [арестованные по делу КЮБЗа – *Л.В.*] в чем-то виноваты.

В центре внимания следствия стали зоопарковские дела. Нашу молодежную компанию рассматривали как некую контрреволюционную организацию почти фашистского толка. Я понял, что в руках у следователей есть материалы, отрицательно характеризующие нас (пьянки, кюбзовские дикие обычаи, частые встречи в террариуме, иногда вольные суждения). Кто-то настойчиво следил за нами и регулярно доносил на Лубянку, не пренебрегая фиксацией самых пустяковых подробностей.

<...>

Сперва речь шла о каких-то второстепенных подробностях, но затем в формулировках допроса все настойчивее стали звучать ноты прямого обвинения нас. Евдокимов упорно настаивал на том, что я хитро вел антисоветскую пропаганду. В подтверждение этого он

привел следующий факт, сообщенный следователю одним из свидетелей. В личной беседе с этим свидетелем я будто бы говорил о своем несогласии с политикой партии в отношении интеллигенции, ссылаясь на то, что меня несправедливо исключили из института. В конце беседы я будто бы сказал: “Эх! Кабы...”. Евдокимов делал вывод, что я не сам произносил окончательное антисоветское утверждение, а подталкивал к этому других. Возражать было трудно – такой разговор на самом деле был, хотя я его не считал антисоветским. Но в протоколе моего допроса он был заострен и ему был придан явно антисоветский характер. Я долго сопротивлялся, возражал против такой тенденциозной формулировки, но в конце концов не устоял и подписал протокол. Я пришел к выводу, что стену лбом не прошибешь, что следствие ведется по заранее разработанному сценарию, и мне хотелось лишь одного, чтобы скорее все это кончилось.

<...>

Скорее, скорее покончить с этим – вот о чем я мечтал в своей одиночной камере. Конечно, в этом сказалась слабость моего характера, животный страх перед всемогущими чекистами, сам факт одиночного заключения в тюрьме “особого назначения”¹.

Мы подошли к эпизоду встречи Бориса Мяздрикова с Мандельштамом.

«Однажды – это было в середине мая – меня перевели в другую более просторную камеру, ниже этажом, в ней стояли две койки; итак, “Урра!”, одиночное заключение кончилось – но соседа пока еще не было, вторая койка пустовала. Я с нетерпением стал ждать – кто же будет моим товарищем по несчастью? – а пока взялся за книги. Я забыл сказать, что уже две недели мне из тюремной библиотеки приносили книги – я запоем прочитал “Историю французской революции” и теперь перечитывал “Бравого солдата Швейка” Гашека.

Загрел замок, и надзиратель впустил в камеру невысокого пожилого мужчину² с большим узлом всякого рода носильного белья.

¹ Мяздриков. С. 448–453.

² 23-летнему Борису Мяздрикову рано постаревший 43-летний поэт мог показаться пожилым. Анна Ахматова пишет: «К этому времени Мандельштам внешне очень изменился, отяжелел, поседел, стал плохо дышать – производил впечатление старика (ему было всего 42 года), но глаза по-прежнему сверкали» (Ахматова А.А. Листки из дневника // Ахматова А.А. Requiem. М., 1989. С. 136).

Озираясь, он тревожно осмотрелся и положил свою ношу на свободную постель. Затем протянул мне руку и представился.

– Я Осип Мандельштам!

Я знал о существовании такого поэта, кое-что слышал об акмеистах – но, к стыду моему, с творчеством его совсем не был знаком.

Я назвал себя:

– Борис Васильевич Мяздриков.

Осип Эмильевич с недоверием посмотрел мне в глаза и даже как-то отпрянул от меня.

– Не может этого быть! Вы говорите неправду. Я только что сидел с Мяздриковым!

Мне стало ясно, что Серафим арестован и находится здесь в тюрьме – видимо, они встретились в предвариловке, “пердильнике”.

Я стал объяснять Осипу Эмильевичу, что это мой брат, но тот продолжал смотреть на меня с недоверием и нескрываемой неприязнью. Затем он стал говорить – говорил он быстро, какими-то отрывками, перескакивая от одной мысли к другой, он был очень возбужден и не мог держать себя в руках. Я не мог уследить за ходом его мыслей – да, сказать по правде, мне было не до него. Сознание того, что где-то здесь, совсем рядом находится Сефа, сосредоточило мои мысли на этом самом главном для меня факте.

Опять загредел замок, и меня повели на допрос.

По первым вопросам Евдокимова я понял, что да – я не ошибаюсь, Серафим здесь и уже был допрошен. Я не стал хитрить и, не желая играть в кошки-мышки, сразу сказал, что знаю об аресте Серафима.

– Откуда Вы знаете об этом? – заинтересовался Евдокимов.

Я сказал, что меня перевели в другую камеру, и там я встретился с Мандельштамом.

– Как он ведет себя в камере?

Я ответил, что он сильно нервничает и не поверил в существование моего брата.

Когда я вернулся в камеру, Мандельштам тревожно смотрел на меня. Через некоторое время его вызвали на допрос.

Не помню, долго ли он был на допросе, но вернулся в камеру он в невменяемом состоянии – руки его тряслись, губы вздрагивали, глаза были совсем красными. Не отходя от двери, он устремил на меня воспаленный взгляд и бросил мне в лицо незаслуженное обидное обвинение.

– Я знаю, кто Вы есть?¹ Вы следователь!

Затем полился поток бессвязных фраз – он все возбуждался и возбуждался. Моя попытка прервать его, успокоить, что-то разъяснить ни к чему не привела – он стал метаться по камере, ломать себе пальцы; затем как-то сразу он ослабел, сел на койку и, не раздеваясь, прилег лицом к стене.

Дело шло к вечеру, на душе у меня было скверно. Я тоже лег и вскоре заснул.

Проснулся я оттого, что почувствовал, как чьи-то пальцы щупают мою шею. Около меня стоял Мандельштам, и его руки были протянуты ко мне. Я вскочил и бросился к двери, на мой стук и крики отозвался надзиратель. Вызвали дежурного по корпусу – я весь дрожал от страха и стал просить, чтобы нас разъединили, – “я не хочу сидеть с сумасшедшим!”

Меня повели к начальнику тюрьмы. В кабинете, кроме его самого, находился Подольский – он сидел в торце большого письменного стола. Мне предложили сесть.

– Что там у вас произошло? – спросил меня начальник тюрьмы.

Я рассказал все как было и опять повторил, что не хочу быть в одной камере с безумным.

Начальник тюрьмы вопросительно взглянул на Подольского, тот, молча, кивнул головой.

– Хорошо, – обратился ко мне начальник тюрьмы, – мы уважим Вашу просьбу, переведем Вас в другую камеру, – и добавил: – в общую!

Так я оказался в общей камере № 21, где пробыл еще почти полных два месяца.

Встреча с Мандельштамом произвела на меня тягостное впечатление. Я и теперь не могу понять, что это у него было, – острое нервное возбуждение или все-таки приступ безумия. Я слабо информирован о его дальнейшей судьбе, знаю только, что в известные годы он, как и многие из нас, был реабилитирован. Совсем недавно я где-то прочитал, что в конце жизни он был в психиатрической лечебнице; может быть, уже тогда у него появились первые признаки такого заболевания².

¹ Так в тексте воспоминаний Мяздрикова – с вопросительным знаком. Может быть, это описка.

² Такого рода слухи о Мандельштаме (что он сошел с ума, попал в сумасшедший дом) были довольно распространенными. На самом деле поэт умер в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком 27 декабря 1938 г.

Когда меня привели в общую камеру, вид у меня, по-видимому, был не из важных, я все еще находился под впечатлением только что пережитого, руки у меня дрожали, я заикался и не сразу мог объяснить окружающим меня сокамерникам, что же со мной произошло. Меня стали успокаивать и вообще проявили ко мне чуткость и товарищеское внимание»¹.

Старший брат Бориса Мяздрикова, Серафим, был арестован, как сообщает в своих мемуарах Борис, 15 мая 1934 года. По данным авторов статьи о репрессиях по отношению к членам КЮБЗа, ссылка на которую приведена выше, арест Серафима состоялся 19 мая. Напомним, что ордер на обыск и арест Мандельштама выписан 16 мая. 16-м же мая датирована анкета арестованного Мандельштама. 17 мая были сделаны его тюремные фотографии; 18-го состоялся первый допрос поэта². Таким образом, как-то пересечься на Лубянке Мандельштам и Серафим Мяздриков вполне могли.

Воспоминание Мяздрикова согласуется с тем, что было уже известно о пребывании Мандельштама на Лубянке в 1934 году: с его нервозностью, воспалением глаз, с неудачной попыткой самоубийства с помощью заранее спрятанного в подошве ботинка бритвенного лезвия, с возникшей манией преследования (которая угнетала поэта в течение некоторого времени и после того, как он покинул внутреннюю тюрьму и был отправлен в ссылку в Чердынь).

Мандельштамовская тема в воспоминаниях Б. Мяздрикова прозвучит еще раз. Об этом речь впереди. Но сначала о том, что случилось с автором мемуаров после Лубянки.

Его перевели в Бутырскую тюрьму. В 1938 году в ней до отправки на Дальний Восток придется провести около месяца и Мандельштаму. Он был вторично арестован 3 мая 1938 года, затем содержался во внутренней тюрьме на Лубянке, а в Бутырскую тюрьму был переведен 4 августа³. Отправлен Мандельштам был на Дальний Восток 8 или 9 сентября. Конечно, 1934 год – не 1938-й. Но, тем не менее, сохраненные в мемуарах Бориса Мяздрикова впечатления несомненно важны и для представления о том, каким было пребывание поэ-

¹ Мяздриков. С. 456–459.

² Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 41–44 и вклейка.

³ Там же. С. 99–101 и фотография обложки личного дела № 662 арестованного Бутырской тюрьмы на вклейке.

та в Бутырках (не говоря уже о том, что воспоминания эти ценны и значительны сами по себе).

Однажды ночью Б. Мяздриков навсегда покинул камеру 21 в «тюрьме особого назначения». «Ночью, когда все уже спали, меня вызвали “на допрос”, но повели не обычным путем, а куда-то коридорами в сторону, принесли мои верхние носильные вещи (пальто, шапку, ремень от брюк, шнурки от ботинок), я оделся, и меня вывели во двор – куда меня ведут? – не похоже, что на свободу. Я шел и глубоко дышал свежим ночным летним воздухом; в глубине двора стоял “черный ворон”. Ясно – на этап или в Бутырки»¹.

«О Бутырской тюрьме сложилось много легенд, рассказывалось много ужасов. В более позднее время, когда я был в лагере, я слышал, что у тюрьмы был своеобразный девиз:

- Входящий, не плачь!
- Уходящий, не радуйся!
- Кто не был – тот будет!
- Кто был – тот не забудет!»²

Но Мяздриков никаких особых «ужасов» там не испытал. Правда, он и пробыл там недолго: десять дней.

«Привезли меня туда ночью, провели через огромное крытое помещение, так называемый “вокзал”, завели в боковую комнату с душем – опять я сдал всю верхнюю одежду, но на этот раз брючный ремень и шнурки не отобрали – принял душ, оделся. Вошла женщина вся в белом, врач или медицинская сестра, спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что ослаб, это действительно было так. Она резко перебила меня:

- Триппер есть?

На этом медицинский осмотр закончился.

Повели меня по широким тюремным коридорам. Вот и камера – большая, просторная, к стене прикреплены металлические рамы с натянутыми на них брезентовыми мешками – это постель. В камере человек двадцать народу, все спят, многие храпят. Воздух в камере тяжелый, в углу огромная деревянная параша, от нее воняет. Один из заключенных проснулся, отогнул от стены раму-постель и указал мне мое место. Я присел, мне стало страшно – я понял, что и условия здесь были не те, да и народ был не тот.

¹ Мяздриков. С. 466.

² Там же. С. 467.

Но все оказалось не так уж страшно.

<...>

Состав заключенных здесь был не такой, как на Лубянке. В основном это были уголовники, но не урки – урок в камере не было, но бандитов, взломщиков, спекулянтов, растратчиков сколько угодно¹.

В то время действовали два указа высших властей. Один из указов сокращенно называли “от седьмого восьмого”, что означало от 7-го августа, по этому судили за хищение государственной собственности, и строго наказывали, вплоть до расстрела. По другому указу судили за мужеложство (гомосексуализм). Часто можно было слышать, что заключенный на вопрос, за что он сидит, кратко отвечал: “по указу”, а по какому из двух указов – умалчивал, догадывайтесь, мол, сами. Но между собой мы о таких говорили, что они сидят по статье 58, пункт “ж”. Так вот, и тех, и других, сидящих “по указу”, в камере было немало.

<...>

В отличие от Лубянки окна камер, выходивших во внутренний двор тюрьмы, не имели внешних кожухов, и можно было свободно смотреть на прогулки заключенных из других камер»².

Но книг, как в тюрьме на Лубянке, читать не давали.

«Через несколько дней после начала моего пребывания в Бутырках мне объявили под расписку, что постановлением Коллегии ОГПУ от 4 июля 1934 года я осужден по статье 58 пункты 10 и 11 Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к исправительному трудовому заключению сроком на 5 лет, начиная с 15 апреля 1934 года.

Осуждение состоялось заочно, на заседание Коллегии меня не вызывали»³.

Пришло время отправляться в лагерь.

«Перед отправкой на этап мне было дано свидание с мамой. Свидание было массовое: с одной стороны металлической сетки мы, заключенные, нас было много, – на некотором расстоянии другая сетка, за ней наши родные и близкие. Между сетками ходил надзиратель.

Среди толпы пришедших на свидание я увидел маму и дядю Мишу, они протиснулись к сетке, и мама стала мне что-то говорить, вернее,

¹ «Урками» в мемуарах Мяздрикова именуются закоренелые «профессиональные» уголовники, люди из «параллельного» блатного мира.

² Мяздриков. С. 467–470.

³ Там же. С. 472.

кричать, вокруг стоял страшный шум, мне трудно было понять, о чем она говорила, – все же я понял, что она упоминала Серафима. Слезы текли у нее по щекам, она еле сдерживала рыдания, дядя Миша бережно поддерживал ее. Она принесла мне передачу на путь-дорогу, но здесь вручить ее мне не разрешили; несколько позднее ее передали через надзирателя.

В свою камеру я уже не вернулся. Всех нас, направляемых на этап, временно поместили в большом тюремном зале в нижнем этаже, где стали формировать партии. Затем все на тех же “черных воронах” отвезли нас на Казанский вокзал. Начался новый период моей тюремной эпопеи – этап.

<...>

Два обстоятельства особенно тяжелы в этапе. Первое – это повышенная степень угнетения и бесправия. В тюремной камере это не так чувствуется – там ты все-таки человек, хотя и в ограниченных рамках, ты все же можешь распорядиться собой. На этапе ты уже ничто, у тебя ничего нет человеческого – тебя везут, как вещь, как бессловесную скотину, как зверя в клетке. Ничего своего, абсолютно ничего.

Начинается это с того, что начальник конвоя принял нас по списку и врученным ему пакетам. Нас заставили сесть рядами на корточки каждого около своих вещей. Началась переключка – вот тут и пришлось не просто отозваться, но и сказать, по какой статье и на какой срок осужден. <...> Обыска при передаче нас конвоем не было, да и в самом деле, чего нас обыскивать, вещи наши были просмотрены заранее, нас только предупредили, чтобы колющих и режущих предметов при нас не было. Но, как правило, урки ухитрялись протаскивать с собой лезвия от безопасных бритв. <...>

Затем нас подняли, построили и стали внушать, как вести себя: “Идти, не нарушая рядов. Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Конвой открывает стрельбу без предупреждения”.

<...>

Другое бедствие этапа – это урки. О них мне придется еще не один раз говорить. Но вот теперь, здесь, в партии этапников, а затем в вагоне я впервые столкнулся с ними и ужаснулся этому отвратительному явлению нашего времени, словно я опустился в доисторический каменный век.

<...>

Столыпинские вагоны – это обычные плацкартные или купейные вагоны, где места для заключенных отгорожены от бокового коридора крепкой решеткой. Лежать на своих местах мы должны были головой к решетке, ногами к стенке вагона. Чувствовалось, что среди нас много урок. Вагон был не купейный, просматривался из конца в конец»¹.

Более полутора лет Борис Мяздриков пробыл в Бамлаге. Сначала – на станции Ерофей Павлович (Амурская область), где, по его словам, находился штаб 4-го отделения Бамлага. Бориса определили работать «статистиком в продовольственном секторе». Ему повезло не только в этом: «буквально на другой день – или, может быть, через день» после его прибытия в лагерь он встретился с братом Серафимом. Выяснилось, что на следующий день после отъезда Бориса из Москвы по этапу был отправлен и Серафим. Партию отправили в город Свободный, но переадресовали в Ерофей Павлович. «Кто-то вечером сказал ему, что на днях прибыл другой Мяздриков, и Серафим пошел искать меня. Никто не хотел нас воссоединять, ни на Лубянке, ни в Бутырьках, – встреча произошла чисто случайной [так в цитируемом тексте – Л.В.]»².

Борис работал в части общего снабжения (ЧОС), Серафим устроился художником-чертежником в контрольно-плановой части (КПЧ).

Б. Мяздриков описывает свою работу, сослуживцев-заключенных, лагерное начальство. Главное, что более всего занимало Бориса и Серафима – участие в лагерных драматических коллективах. Мемуарист подробно рассказывает об этом.

Рассказывая о хорошем, что было в его лагерной жизни (а оно было), Борис Мяздриков не забывает и о плохом:

«Тогда у нас в ходу была своеобразная поговорка. Говорили, что главное в лагере – это стук, блат, мат и туфта. Четыре кратких, предельно лаконичных, но, как теперь принято говорить, емких понятия»³. Стукачество, по его словам, было повсеместным; блатные, уголовники, считались социально близким «элементом», в отличие от «каэровцев», «врагов народа»; без матерщины ничего не делалось, а «туфтили» – т.е. занимались приписками, лгали, искажали отчетность и пр. – по словам мемуариста, «где только могли».

¹ Мяздриков. С. 472–474.

² Там же. С. 483–484.

³ Там же. С. 510.

Через некоторое время Бориса и Серафима перевели в другое место Бамлага – под Биробиджан. Это было новое отделение лагеря – 13 отделение Бамлага НКВД.

Отнюдь не все складывалось для братьев в лагере удачно. Однажды Борису было предложено стать информатором, «стукачом». Хотя и не сразу, но Борис нашел в себе силы отказаться. Это привело к тому, что его поместили в лагерный изолятор. Обстановка там была удручающая, никакого выхода из положения не виделось, и Борис решил покончить с собой. Но фортуна и здесь повернулась к нему лицом: в тот же изолятор поместили Серафима, что поддержало Бориса, а через два дня их отправили на общие работы.

Это был тяжелый «земляной» труд. В короткий срок Борис был измотан: «какая уж тут норма, я совсем ослабел и иногда отплевывался с кровью»¹.

«Запомнился мне такой случай. Во время перекура мой сосед, примерно такой же заморенный интеллигент, как и я, показал мне на стоящего в стороне не то казаха, не то киргиза. Тот был одет в рванину из лагерной одежды, ноги были обернуты лохмотьями, на голове шапка-ушанка в клочьях. Он стоял, опершись на лопату, и, казалось, стоя дремал.

Сосед прошептал мне:

– Вот символ социализма.

Я промолчал, мне не хотелось ввязываться такой разговор, я боялся провокации. Но образ этот и эти слова мне запомнились надолго»².

Братьев разъединили; Бориса должны были отправить на Колыму. Но благодаря помощи знакомого прораба и других товарищей по прежней работе он был помещен в лазарет. Пока Борис лежал в лазарете, предлагавший ему стать стукачом начальник получил отставку или был перемещен в другое подразделение лагеря, а новый начальник дал согласие на освобождение Бориса Мяздрикова из-под конвоя; за Бориса ходатайствовали, и он вернулся на свою прежнюю работу «в часть снабжения». Братья воссоединились, так как Серафим был тоже возвращен с общих работ. Это была зима нового 1936 года.

Однако через некоторое время братья оказались в городе Свободный, где их поместили в «Центральный изолятор Бамлага НКВД»³.

¹ Там же. С. 554.

² Там же. С. 554.

³ Там же. С. 559.

Оттуда судьба неожиданно отправила их на запад, в Коми: пунктом назначения на этот раз стал город (в сущности, поселок) Чибыю (ныне город Ухта), находившийся «в самом центре Ухтпечлага»¹. Ухтпечлаг – «Ухто-Печорский лагерь»; позднее был переименован в Ухтижмлаг («Ухто-Ижемский лагерь»). Борис и Серафим были приняты на работу в «группу по оформлению города Чибыю» (хотя сначала они были недолгое время на относительно легких общих работах). Серафим стал чертежником в отделе механизации, а Борис – делопроизводителем (впоследствии занимал должность экономиста планового отдела).

В Чибыю, вспоминает Б. Мяздриков, было много интеллигенции: «педагоги, артисты, художники – было с кем побеседовать». «Однажды к нам [в тот огромный барак, где работал Борис Мяздриков – Л.В.] зашел знакомый по этапу Лазаревский и с ним молодой блондин Смеляков, работавший у нас в группе заведующим гужевым транспортом (завгуж). Я не сразу понял, что это есть известный поэт Ярослав Смеляков, с его стихами я, будучи в Биробиджане, слегка познакомился: отрывки из его стихотворения “Любка Фегельман”² читались в одной из сценок, разыгрываемой нами. Здесь в Чибыю произошел казусный случай, связанный с именем Смелякова. На одном из концертов в клубе артист театра Концовский³ прочитал со сцены полный текст “Любки Фегельман” Смелякова. Стихотворение это очень длинное, но слушалось внимательно и с одобрением. Чтец не знал, что в зале присутствовал автор стихотворения. На другой день разразился скандал. Смеляков возмутился, как смел артист без согласования с автором читать его произведение. Не знаю, кто из них был прав и чем кончилось это недоразумение, но мы были благодарны Концовскому за то, что он познакомил нас с этим стихотворением»⁴.

В Чибыю Борису довелось провести почти три года. И главным, что поддерживало его в нелегкой лагерной жизни, были театр и шахматы. Серафим и Борис играли в театральном кружке; Борис исполнял также должность суфлера. При клубе имелся и шахматный кру-

¹ Там же. С. 569.

² Стихотворение Смелякова называется «Любка»; героиню зовут «Любка Фегельман».

³ В Чибыю к этому времени, помимо клуба, был профессиональный театр. Настоящее имя артиста-заключенного – Дмитрий Консовский.

⁴ Мяздриков. С. 579–580.

жок. Возглавлял его сильный шахматист Николай Дмитриевич Овечкин, ставший позднее, как отмечает мемуарист, «международным судьей» (судьей международной категории).

Борис Мяздриков рассказывает о шахматном турнире, в котором он принимал участие. И тут в его повествовании вновь неожиданно возникает мандельштамовская тема.

Одним из самых сильных игроков турнира был некий Глушков.

«Предстояла партия с Глушковым.

Но прежде чем описывать, как прошла эта встреча, хочу рассказать про самого Глушкова – он мне запомнился как интересный и оригинальный человек. Ему тогда было немало лет, во всяком случае, он был серо-седой. Лагерные условия плохо повлияли на него, он не следил за собой, был постоянно взлохмаченный, небритый – и почесывался. Последнее обстоятельство часто встречалось среди лагерников и не вызывало брезгливости.

Но это был высокообразованный и талантливый человек. В прошлом он был журналистом, сотрудником журнала “Крокодил”. Сатирическое начало заметно проступало в нем. Отдельные его экспромты, афоризмы и эпиграммы запомнились – правда, некоторые из них были с заметным душком, да простит мне читатель за то, что я решаюсь привести их здесь. Вот некоторые из них.

В столовой после обеда, пародируя Грибоедова, он сказал:

– Свежо питание, да серится с трудом.

В другой раз дело обстояло так. Гурский¹ продолжал быть нашим шахматным администратором, он оповещал нас о днях игры, вел таблицу, главное, договаривался с начальством участников турнира, чтобы их освобождали от вечерней работы. Делалось это по телефону в льстивых и подхалимских тонах и выражениях. Гурский изощрялся в выискивании похвал тому или иному начальнику, говорил, что все его знают как покровителя культуры, представителя наиболее интеллектуальной части общества, – и нечто подобное еще. Добившись от того благожелательного ответа, Гурский вешал телефонную трубку и победоносно оглядывал нас.

– Что же делать? Надо позолотить зуб начальству! – добавлял он.

Глушков тотчас же подхватил:

– Как богат русский язык. Одни говорят: “Позолотить зуб начальству”, а другие это называют: “Лизать ему задницу”!

¹ В.Н. Гурский – юрист управления лагеря, организатор шахматного кружка.

Читатель понимает, что Глушков выразился еще грубее.

С Глушковым мне приходилось много беседовать, он следил за моими сценическими успехами, давал советы, острил, иронизировал. А когда он узнал от меня, что я сидел в одной камере с Мандельштамом, это его еще более расположило ко мне. Он наизусть знал некоторые стихи Мандельштама и прочитал их мне на память. Мне запомнилось стихотворение “Теннис” – “Средь аляповатых дач...”¹, я записал его и сочинил к нему мелодию.

У меня есть и другие сочиненные мною мелодии, например, [пропущено, вероятно, «на стихи» – Л.В.] “И скучно и грустно” и “Еврейская мелодия” Лермонтова, “Я последний поэт деревни...” Есенина, “Я тебя словно лошадь выхаживал...” Сельвинского², монолог Чацкого из “Горе от ума” Грибоедова, – и все это не записано и обречено на забвение, так как я не владею нотной грамотой.

Но вернемся к шахматам – итак, мне предстояло встретиться с Глушковым за шахматной доской; играл он превосходно, остроумно, комбинационно – разгадать его замыслы было не просто. Но я... в конце концов, переиграл его»³.

Несомненно, Борис Мяздриков встретился в лагере с Михаилом Александровичем Глушковым, известным московским юмористом второй половины 1920-х – начала 1930-х годов. Он родился в Киеве в 1896 году, в Москву перебрался в 1926-м. Был сотрудником многих юмористических и сатирических изданий, славился как мастер каламбура, афоризма, короткого острого высказывания. Придумывал яркие остроумные подписи к карикатурам. С его фразы, по признанию Ильфа и Петрова, «начался» Бендер: «Может, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?» Глушков стал прообразом Авессалома Изнуренкова в «Двенадцати стульях», где имеется довольно точное указание на место жительства Глушкова в период создания романа: Ипполит Матвеевич, направляясь к Изнуренкову, выходит из трамвая у Красных ворот; дом, в который он входит, описан как «старая, грязная московская гостиница, превращенная в жилтоварищество»⁴

¹ Написано Мандельштамом в 1913 г.

² Правильно: «Я тебя, точно конюх, выхаживал...». Это стихотворение является эпиграфом к главе XII романа в стихах И.Л. Сельвинского «Пушторг» (см.: Сельвинский И.Л. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 133).

³ Мяздриков. С. 600 – 602.

⁴ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1991. С. 226.

(М. Глушков жил на Домниковке – ныне на этом месте проходит проспект Сахарова – в доме, который до революции был невысокого пошиба гостиницей «Москва»). Глушков был любителем бегов, карточной игры, бильярдистом, шахматистом. (Вероятно, о бегах могла идти речь в разговорах Глушкова и Мяздрикова: до ареста Борис регулярно посещал в Москве беговые состязания; в своих воспоминаниях он рассказывает об этом довольно подробно и с явным увлечением.) В начале 1930-х годов одним из главных мест работы Глушкова был журнал «Крокодил», упомянутый Мяздриковым в связи с деятельностью его партнера по шахматной игре до заключения. В 1934 году Глушков стал работать в «Вечерней Москве»¹. Арестовали Михаила Глушкова в 1936 году, на момент ареста он жил по адресу: Воронниковский переулок, д. 11, кв. 12. Ему дали три года заключения в исправительно-трудовом лагере. Посадили его «за длинный язык»: ему «инкриминировали распространение эпиграммы» о роспуске РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей была ликвидирована в 1932 году, что вызвало у многих литераторов удовлетворение и неоправдавшиеся надежды), в которой говорилось: «Рук-ой всесильного сатрапа / Не стало РАППа. / Не радуйтесь! Хоть умер РАПП, / Но жив сатрап». На допросе Глушков сообщил, что автором эпиграммы был Михаил Вольпин².

«Приговор Глушкову – три года лагерей – был вынесен Особым Совещанием при Наркомате внутренних дел СССР 1 июля 1936 г. Отбывать наказание он должен был в Ухтинско-Печерском исправительно-трудовом лагере, Ухтпечлаге. Лагерь это вскоре стал известен массовыми расстрелами заключенных»³.

В 1922 году в Киеве Глушков опубликовал небольшую книгу стихов «Taedium vitae» («Пресыщение жизнью», «Тоска бытия»). Книжка подверглась резкой критике в киевской «Пролетарской правде»: «Характер стихов определенный – имажинизованный акмеизм низшей марки. Мы не представляем себе, как поэт и человек (он несомненно, талантлив; на это указывают те хорошие строки, которые разбросаны по всей книжке) “в карете, на асфальте или в зале”

¹ Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. М., 2015. С. 297.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 300.

не чувствует орудийных выстрелов революции, что выволокли карету прошлого на задворки и бросили сидящих в ней в водоворот. Но может быть внутренняя организация поэта не реагирует на рычаги современности. Мы думаем, поэт просто попал под губительные ветры так называемого “чистого искусства”... Формально стихи сделаны очень неряшливо: встречаются ритмические и рифменные безграмотности»¹.

Обратим внимание на то, что рецензент указывает на акмеистическое влияние, которое чувствуется в стихах Глушкова. А поэт Николай Ушаков отмечал, что Глушков, «пройдя школу Гумилева», мог бы развивать его поэтические идеи². Не удивительно, что Глушков знал, как вспоминает Б. Мяздриков, стихи Мандельштама, одного из виднейших акмеистов, наизусть.

Михаил Глушков на свободу не вышел, он был расстрелян в 1938 году (уже в лагере он был осужден снова и приговорен к высшей мере наказания). На сайте «Мемориала» (признан в РФ иностранным агентом) имеются следующие данные о Глушкове:

«Глушков Михаил Александрович.

Год рождения 1896, место рождения г. Киев

Год репрессии 1936, 3 года ИТЛ [исправительно-трудовой лагерь – Л.В.]

Источник: Архив НИПЦ “Мемориал” (Москва)

Глушков Михаил Александрович

Год рождения 1896, место рождения г. Киев

Год репрессии 1937, ВМН [высшая мера наказания – Л.В.]

Источник: Книга памяти Республики Коми»³

И также:

«Глушков Михаил Александрович.

Родился в 1896 г., г. Киев; заключенный Ухтпечлага.

¹ Рыжей П. [Рец. на кн.:] Михаил Глушков. «Тедиум витте». Книгоиздательство И.М. Слуцкого. 1922 г. // Пролетарская правда. Киев, 1922. № 278. 3 декабря. С. 4. За справку о рецензии на книгу стихов М. Глушкова приносим благодарность киевскому исследователю П.Е. Поберезкиной.

² См.: Тименчик Р.Д. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим – М., 2008. С. 377–378.

³ См.: base.memo.ru НИПЦ «Мемориал»: Научно-исследовательский и просветительский центр «Мемориал» (признан в РФ иностранным агентом).

Арестован 13 декабря 1937 г.

Приговорен: тройка при УНКВД Архангельской обл. 4 января 1938 г., обв.: по ст. 58–10 УК РСФСР. Приговор: ВМН Расстрелян 4 марта 1938 г. Место захоронения – Новая Ухтарка.

Источник: Книга памяти Республики Коми»¹.

И еще дополняющие данные:

«Глушков Михаил Александрович

Род. 1896, г. Киев; украинец; образование: среднее; б/п.

Место работы: редакция газеты «Вечерняя Москва», писатель.

Прож.: г. Москва.

Арестован 24.04.1936.²

Обвинение: к.-р. агитация.

Приговор: ОСО при НКВД СССР, 01.07.1936 – 3 года ИТЛ.

Реабилитация: Ген. Прокуратура РФ, 31.07.2006 – Закон РФ от 18.10.1991.

Источник: Архив НИПЦ «Мемориал», Москва»³.

Тогда же, в 1938 году, в период массовых расстрелов заключенных был убит среди прочих заключенных Ухтпечлага (как и Глушков, вблизи реки Ухтарка) хорошо знакомый Мандельштаму поэт, музыкант, скульптор, футболист, летчик и Георгиевский кавалер Николай Бруни.

Вернемся к мемуарам Бориса Мяздрикова. Он пишет о резком ухудшении обстановки в лагере при Ежове. Все шло в сторону ужесточения режима и устрашения заключенных. В середине 1937 года Серафима с его проектным отделом перевели в другое место более чем за двадцать километров от Чибью. Братья расстались.

«Прощались мы со слезами, но втайне надеялись, что разлука будет недолгой и что мы опять встретимся. Обещали друг другу писать, а также маме, и первое время так и было.

¹ Жертвы политического террора в СССР: lists.memo.ru/index4.htm

² По данным О.И. Киянской и Д.М. Фельдмана Глушков был арестован 28 апреля 1936 г.: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. М., 2015. С. 297.

³ Жертвы политического террора в СССР: lists.memo.ru/index31.htm

Один раз я был у него, ходил туда пешком – у нас там велись лесоразработки и мне дали туда командировку. Это было весной 1938 года. Серафима я застал в плохом состоянии, он тяжело перенес цинготное заболевание, сам весь опустился, оборвался, оброс, лицо у него стало серого цвета.

Больше я его уже никогда не видел, а вскоре стало известно, что его посадили в изолятор и отправили на подконвойные общие работы, чуть ли не в каменный карьер.

Я со дня на день ждал, что и меня посадят, но на этот раз волна эта прошла мимо меня.

В начале 1939 года я узнал, что Серафим находится в госпитале, что у него воспаление легких. Через знакомых я продолжал с ним общаться. В день моего освобождения я сообщил ему, что еду в Казань и там буду ждать его. Но напрасны были мои ожидания. Серафим не приехал, а спустя некоторое время мама сообщила мне, что Серафим умер в Чибью от скоротечной чахотки. <...> Когда в 1963 году меня реабилитировали, то одновременно реабилитировали и Серафима. Мой несчастный брат погиб ни за что»¹. Дату смерти брата Борис так и не узнал.

15 апреля 1939 года Борис Мяздриков был освобожден. Куда ехать? Хотел в Москву, к матери, – нельзя. Хотел в Воронеж – нельзя. Выбрал Казань, туда можно было. В Казани он устраивается в Банно-прачечный трест, где и работает экономистом до войны. К нему в Казань из Москвы перебрались мать и младшая сестра Марина.

В 1941-м в действующую армию его не взяли, «дать мне в руки оружие не хотят»². Признали годным к нестроевой службе. Из Казани его вместе с другими нестроевиками отправили на запад. Курск, Льгов, Полтава, первые бомбежки, неразбериха, полуголодное и просто голодное существование, скитания, разоренные деревни и села, беженцы, копание окопов, лесоповал, обморожение... Борис стал доходягой и чувствовал, что смерть не за горами.

«Но чудо все-таки свершилось. Судьба меня хранила... В лесу на работе я увидел нашего политрука. Владимир Михайлович Долгий мне нравился – это был вежливый и культурный человек, я иногда

¹ Мяздриков. С. 621–622.

² Там же. С. 703.

брал у него газеты; он охотно давал их, советовал читать вслух, но предупреждал, чтобы я их не комментировал»¹.

В. Долгий помог Мяздрикову. Борису дали отдохнуть. А потом выручил талант чтеца. Потребовались желающие участвовать в художественной самодеятельности. Нужны были певцы, музыканты, танцоры. Борис вышел из строя и сказал, что может читать стихи. На собрании, где батальонное руководство прослушивало и просматривало заявивших о себе потенциальных артистов, Борис прочитал «Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), а затем монолог Чацкого – и поразил начальников. «Доходягу» освободили от работ, переодели, с кухни стали выдавать двойную порцию. Жизнь развернулась к лучшему.

А потом его строительный батальон отправили под Сталинград. Борис Мяздриков стал экономистом батальона, проводил топографические работы...

Последняя страница в папке – 774-я. Заканчивая рассказ о пребывании в населенном пункте Зензеватка, мемуарист упоминает о «следующей главе». Но продолжение отсутствует.

Под пожелтевшими от времени листами машинописи три рукописных письма, каждое из которых начинается обращением: «Дорогой Алеша!» Письма не датированы. В двух письмах сообщается о том, что адресату посылаются «еще две главы» воспоминаний, а в третьем письме говорится о посылке одной главы. В одном из писем Б. Мяздриков замечает, что послевоенное время он описывать не будет. «Алеша», очевидно, – артист МХАТа Алексей Михайлович Мяздриков, двоюродный брат мемуариста; он упоминается в цитируемых воспоминаниях. В одном из писем Б. Мяздриков спрашивает «Алешу»: «Хотелось бы знать подробности о пожаре в доме Союза театральных деятелей [в Москве – Л.В.] – что по этому поводу говорят в ваших театральных кругах?» (Дом Актера располагался на ул. Горького в д. 16. Пожар в нем произошел 14 февраля 1990 г.)

Упоминает в этих письмах Б. Мяздриков и о мучающих его болезнях. Как удалось установить М.К. Триполитовой, занимающейся историей семьи Мяздриковых, Б.В. Мяздриков скончался 19 ноября 1991 года.

«В моем сознании, в моей психологии произошли большие перемены. В жизнь я вошел избалованным буржуазным мальчиком – ухо-

¹ Там же. С. 750.

жу из жизни убежденным коммунистом», – пишет Б. Мяздриков в самом начале своего повествования¹. И это несмотря на то, что он пережил и чему был свидетелем. В одной из глав своих мемуаров он говорит и о том, что отказался от веры в Бога. Жизнь сложна, каждый делает свои выводы из пережитого.

А на самом дне папки – фотографический портрет... Мандельштама! Вырезанный из альбомной бумаги снимок представляет собой воспроизведение фотографии, сделанной в студии Я.И. Индурского (Выборг, не позднее 25 июля 1911 г.). На оборотной стороне этой фотографии из папки с воспоминаниями Б.В. Мяздрикова написано от руки: «Осип Мандельштам к выставке “Купечество и культура”». Сравнивая почерк писем Мяздрикова к «Алеше» и эту сопроводительную надпись, приходишь к выводу, что это не одна рука писала (хотя, не будучи специалистом, сказать об этом с полной гарантией автор статьи не может).

Издание, из которого вырезана фотография поэта, удалось установить. Это календарь на 1990 год «Три поэта», выпущенный издательством «Советский писатель» в 1989-м. Попавший в папку с мемуарами Б. Мяздрикова портрет помещен на последней странице календаря, где сообщается о том, что в следующем, 1991 году, 15 января, исполняется «100 лет со дня рождения Осипа Мандельштама».

Так папка с воспоминаниями Бориса Мяздрикова привела нас к юбилейному мандельштамовскому году. Я же пишу эти строки в 2018 году; это год 80-летия гибели поэта в лагере на Дальнем Востоке. А начался этот скорбный путь в жизни Мандельштама в 1934-м, когда он был впервые арестован ОГПУ и впервые же попал в тюрьму на Лубянке, где встретился с ним Борис Мяздриков.

¹ Мяздриков. С. 5.

КАЛИНИН

КАЛИНИН¹ (до 1931 и с 1990 – Тверь) – город на реке Волга (основан в 1135), административный центр Калининской (с 1990 – Тверской) области. Переименован в честь председателя ЦИК СССР М.И. Калинина. Отбыв ссылку в Воронеже, Мандельштам был лишен права жить в Москве. Задержавшись на некоторое время в столице, он и Надежда Мандельштам в конце июня 1937 г. уехали на жительство в Савелово, а в конце октября или начале ноября того же года по совету И.Э. Бабеля перебрались в Калинин, где находился отбывший сибирскую ссылку Н.Р. Эрдман (живя в Калининне, Осип и Надежда Мандельштам неоднократно общались с ним). Сначала супруги жили в гостинице «Селигер». 6 ноября 1937 г. Мандельштам писал Б.С. Кузину (письмо помечено: «Калинин гостиница “Селигер”»): «Письмо Ваше получили в Москве, проездом в Калинин, где, может быть, останемся»². Судя по цитируемому письму, положение представлялось поэту обнадеживающим: «Написана новая книга стихов. Сейчас мною занялся Союз Писателей: вопрос об этой книге и обо мне поставлен, обсуждается, решается. Кажется, назревает в какой-то степени положительное решение. Надя за эти годы очень устала, но духом крепка»³.

Вскоре после переезда в Калинин Мандельштам и его жена поселились в доме Травниковых (3-я ул. Никитина, 43). 17 ноября 1937 г. Надежда Мандельштам описывала в письме Кузину их жилье: «Квартира одна – это большая северная изба. У нас хорошая комната. Дощатые стены. Две перегородки, не доходящие до потолка – а за перегородками живут люди»⁴. В письме от 30 ноября 1937 г. она сообщила Кузину, что их дом находится «на окраине города», «под окнами – огороды, огороды, огороды», а за перегородками комнаты «справа и слева – живут по паре – муж с женой, и муж с женой. <...>

¹ Статья для «Мандельштамовской энциклопедии».

² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб., 2017. С. 481.

³ Там же. С. 481.

⁴ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 519.

Работать, конечно, невозможно»¹. За одной из стенок жил со своей супругой тоже снимавший комнату «стоверстник»-ленинградец, который «отсиживался в Калинин после лагеря или ссылки»². За комнату Мандельштамы платили 200 рублей в месяц. Было шумно и холодно. Пытались переехать, однако платить за жилье надо было бы дороже. С хозяевами дома, рабочим Павлом Федоровичем Травниковым и его женой, Татьяной Васильевной, у Мандельштамов установились хорошие отношения: «Нынче Ося купил патефонные пластинки: Шопена и Гайдна – и поднес их хозяину, – писала Надежда Мандельштам Кузину. – Хозяин наш – хороший старик – уже пятый раз слушает Гайдна...»³. Слушали с хозяином также И.С. Баха, «старых итальянцев», А. Дворжака и М.П. Мусоргского.

В конце первой декады декабря 1938 г. Мандельштам написал Кузину письмо, в котором говорил о бытовых условиях жизни в Калинин, о речи жителей города и своих творческих планах: «А у нас? На стенах эрмитажные фото: Рюисдаль, Рубенс, Рембрандт, Тенирс, Брейгель, Madonna Litta, Madonna Venua, а также рядком, как лубки: в красках извозчик Монэ, девушка в кафе Ренуара и мужчина Сезанна. Все это приколото иголками и патефонными булавками. Сегодня мы переезжаем на теплую половину дома, под защиту бревенчатой стены. Ход через хозяев. Между нами и стариками также неполная перегородка. Это выйдет много спокойнее. Тверской говор радует слух. И в Воронеже я много слушал живую речь. <...> Но здесь в Калинин – настоящая академия живого языка – гибкого, оборотистого, в меру жесткого. <...> Книга моя будет для Вас большой неожиданностью. Более характерное на днях пришлю. Сейчас мои стихи читает Ставский. Жду оценки. Сейчас не работаю. Стариной заниматься не хочу. Хочу двигать язык, учиться и вообще быть с людьми: учиться у них»⁴.

1 января 1938 г. Надежда Мандельштам заметила в письме Кузину, что хотя здоровье Осипа Эмилевича «ничего», но «душевное со-

¹ Там же. С. 520.

² Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 428.

³ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 522–523.

⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб., 2017. С. 482.

стояние тяжелое»¹. 21 января 1938 г. она объясняла в письме Кузину, что душевное состояние Мандельштама определяется во многом опустошением после закончившегося творческого периода: «Но Ося тоскует. Он в тяжелом состоянии. Я думаю, что это реакция на длительный рабочий период. – Весь прошлый год он сочинял стихи. Материально нам... лучше, чем многим, хотя с заработками уже давно слабо. Вообще то, что нам трудно, объясняется тем, что мы живем в Калининне». К этому письму О.М. приписал: «Сейчас мы пойдем с Надей на рентген. У нее кашель вроде астмы. Хорошо бы на юг»².

Приходилось часто ездить в Москву, нарушая, в случае Мандельштама, запрет там находиться, – доставать, так или иначе, деньги. «Ночью мы вернулись из Москвы, где раздобыли немного денег. На раздобытые деньги мы могли заплатить недели за две хозяйке и несколько дней не ездить в Москву... В лавках продавали горох – мы варили его и ели раза два-три по горсточке. Вот и весь наш рацион, не считая хлеба, чая и сахара. Главное было передохнуть и не ездить в Москву. <...> Нам мучительно хотелось хоть чуть-чуть забыть обо всем прежде, чем начинать новый тур унижений и поисков»³. О том, какое впечатление производил Мандельштам на окружающих, рассказала Наталья Петровна Резникова:

« – Мы жили в соседнем доме. У них был сорок третий номер, а у нас – сорок пятый. В том году мне было двенадцать лет, так что я все прекрасно помню. <...> Мандельштама окрестные бабоньки называли между собой “ушастый”. <...> Говорили, что вроде бы писатель, что из Москвы, что политический. Тогда всех, кто приезжал к нам на высылку – а было таких людей немало – называли троцкистами. Вот и к Мандельштаму приклеилась кличка “ушастый троцкист”. <...> И вот в этом доме появился ни на кого не похожий человек в кожаном пальто, с действительно сильно оттопыренными ушами. Казалось, он ни секунды не может усидеть на месте. Все время ходил, чуть ли не бегал по двору. Со стороны мне это казалось очень смешным». Н.П. Резникова запомнила содержание разговора, который однажды состоялся у нее с О.М. На вопрос, любит ли она сти-

¹ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 524.

² Там же. С. 527.

³ Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Собр.соч. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 607.

хи, девочка ответила отрицательно. Последовал вопрос, читала ли она С.А. Есенина. «Есенин для нас был чем-то запретным. Его стихи ходили в списках, и если бы учитель литературы узнал, что ты читаешь Есенина, можно было бы и из школы вылететь. <...> – А Блока? И тут он, продолжая мерить своими шагами маленький двор соседнего дома, стал читать мне чудесные стихи – такие, которые я раньше не слышала:

Мой милый, будь смелым и будешь со мной,
Я вишенъем белым качнусь над тобой...

Эти строчки мне так врезались в память, что через много лет, открыв томик Блока, сразу узнала то стихотворение, которое мне морозным вечером читал странный “ушастый троцкист” в кожаном пальто»¹.

Н.Е. Штемпель, воронежский друг Мандельштамов, приезжавшая к ним в Калинин, вспоминала: «Они жили в Калининне на окраине города. Вспоминаю занесенные снегом улицы, большие сугробы... почти пустую холодноватую комнату без намека на уют. У обитателей этой комнаты, очевидно, не было ощущения оседлости. <...> Не было и денег – ни на что, кроме еды. <...> Не думала я, что это моя последняя встреча с Осипом Эмильевичем <...> Так на всю жизнь запомнилась зима 1938 года, занесенный снегом Калинин, совершенно необыкновенный поэт и человек и верная его подруга Надежда Яковлевна»².

В Калининне Мандельштамам «пришлось впервые участвовать в выборах. Пораженный их организацией, О.М. не знал, что ему делать. Он пробовал утешать себя: “Это только для начала, потом народ привыкнет и все будет нормально”, но затем говорил, что ни за что не станет участвовать в этой комедии. Хозяева спорили с ним. <...> “Не заводись с ними, не отвяжусь”. <...> И мы все же пошли голосовать – хозяева в шесть утра, как им велели на заводе, а мы попозже – после завтрака»³.

¹ Колкер М.Я. «Ушастый троцкист» // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4. Ч. 1. М., 2008. С. 167–168.

² Штемпель Н.Я. Мандельштам в Воронеже // («Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж, 2008. С. 25 и 27.

³ Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 431.

В письме Кузину от 29 января 1938 г. Надежда Мандельштам писала о том, что появилась надежда на улучшение их положения: «Сейчас ждут перемен в Союзе [писателей – *Авт.*] и некоторого оживления. Нас это может очень близко коснуться. Теперешнее руководство Союза (Ставский, Вишневский) было крайне медлительно и до сих пор не успело прочесть книги стихов (в рукописи)...»¹. А 26 февраля 1938 г. она сообщила Кузину о том, что «положение ... изменилось к лучшему»: «мы накануне получения работы и санаторного отдыха», «...самый факт отправки в санаторий очень знаменателен»². В тот же день О.М. тоже написал Кузину (приписал к письму жены):

«Дорогой Борис Сергеевич!

Хочу написать вам настоящее письмо – и не могу. Всё на ходу. Устал. Все жду чего-то. Не гневайтесь. Пишите сами и простите мою немоту.

Очень устал. Это пройдет. Скучаю по Вас»³.

8 марта 1938 г. Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна приехали в пансионат «Саматиха» под Москвой, откуда 10 марта Мандельштам сообщал Кузину: «Сборы были огромные. Очень трогательное расставание с калининскими хозяевами»⁴. В «Саматихе» Мандельштам был арестован (протокол обыска-ареста датирован 3 мая 1938 г.). «После ареста О.М. я приехала в пятистенный дом на окраине Калинина за оставленной там корзинкой с рукописями. Хозяева, узнав об аресте О.М., так расстроились, что я не выдержала и заплакала»⁵. Надежда Мандельштам «сумела опередить и без того перегруженный аппарат НКВД». По ее словам, два сотрудника обл. управления НКВД – Недобожин-Жаров и Пук – побывали у Травниковых 28.5.1938, но «без особого результата»⁶.

¹ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 528.

² Там же. С. 529.

³ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. В 3 т. Т. 3. СПб., 2017. С. 484.

⁴ Там же. С. 485.

⁵ Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 430.

⁶ Нерлер П.М. Надежда Яковлевна Мандельштам в Струнине и Шортланды // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М., 2015. С. 71. Ордер на обыск был

После ареста Мандельштама и временного пребывания в Струни-не (Владимирская область), Малоярославце и Москве (где она узнала 30 января 1939 г. о смерти мужа в лагере), Надежда Яковлевна решила вернуться в Калинин, куда приехала в последней декаде мая 1939 г. (25 мая 1939 г. датировано ее письмо Кузину из Калинина). О прошедшем в мае 1938 г. обыске в доме Травниковых она узнала уже на вокзале в Москве, перед отъездом в Калинин. «Пожалуй, знай я об этом заранее, я бы в Калинин не поехала, но вещи мои уже лежали в вагоне, и я махнула рукой: “Будь, что будет...”». Н.М. побывала у Травниковых. «Обыск произвел на Татьяну Васильевну огромное впечатление: три толстомордых перевернули у нее весь дом. Татьяна Васильевна поносила толстомордых и меня за то, что я скрываю, что сидела в тюрьме, а может, она заподозрила меня в чем-то другом: “Почему тебя выпустили – теперь никого не выпускают!...”» <...> Но под конец она смягчилась и спросила, есть ли у меня где жить. “Если негде, живи, Бог с тобой, – сказала она, – береженого, говорят, Бог бережет, да теперь все равно не убережешься...” В сущности, этим она изменила своему принципу невмешательства в беспокойную жизнь нашей страны, но я у нее не осталась, потому что мысль о толстомордых мешала бы мне спать в ее доме еще больше, чем в других»¹. В результате Надежда Мандельштам обосновалась в деревне под городом: «Мой адрес: Калинин 7, дер. Старая Константиновка, № 78»². Однако в более позднем письме Кузину, от 17 сентября 1939 г., Надежда Яковлевна указала другой номер дома: «Мой адрес – та же – Старая Констант<и>новка», № 90»³. В этом доме Н.М. поселилась потому, что в нем жила, с двумя маленькими детьми и матерью, ее подруга Е.М. Аренс, вдова расстрелянного дипломата Ж.Л. Аренса (Е.М. Аренс отбывала в Калинин 8-летнюю ссылку). Надежда Мандельштам устроилась на работу в артель детской игруш-

выписан 28.5.1938, но обыск производился на другой день: Нерлер П.М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 103–104.

¹ Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 434.

² Письмо Б.С. Кузину от 25.5.1939 // Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 590.

³ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 601.

ки и получила прописку в городе. «Очень милая работа. Но каждую штучку приходится брать в руки 14 раз – и раз 50 ударять штампом»¹. Сначала Надежда Яковлевна работала в мастерской, затем стала надомницей: «Времени вне работы у меня тоже нет. Я работаю с 9 до 11 (уже дома). Ведь мне надо оплачивать дорогую комнату»². Летом 1939 г. у Надежды Мандельштам гостила ее мать, В.Я. Хазина; несколько дней – приехавшая из Воронежа Н.Е. Штемпель. «Я поехала к Надежде Яковлевне в Калинин. Она жила... в крошечной комнате, в которой умещались только кровать и небольшой стол. В углу была гора выточенных из дерева небольших круглых коробочек. Надежда Яковлевна их расписывала в русском стиле...; в комнате сильно пахло красками. <...> Надежда Яковлевна попросила меня съездить в Ленинград к Анне Андреевне Ахматовой... и рассказать все, а на обратном пути опять заехать в Калинин, что я и сделала»³.

Надежда Мандельштам сохраняла в памяти стихи Мандельштама и бережно хранила имевшиеся у нее бумаги со стихами. «Со мной живут стихи. Это тоже много. У других и этого нет»⁴. 30 ноября 1939 г. Надежда Мандельштам сообщила Кузину о том, что ее мама живет с ней, и о своем новом адресе: «Сейчас живу с мамой. У нас небольшая квартирка, 2 комнаты с кухней. <...> Школьный пер., № 23, кв. 10»⁵. К этому времени Надежде Яковлевне удалось устроиться в школу (затем и во вторую), где она преподавала немецкий и английский языки в старших классах: «все это под дождем, самым проливным дождем тетрадей с миллионом немецких и английских ошибок» (письмо Б. Кузину от 1 октября 1940 г.⁶). Кроме того, приходилось для зара-

¹ Письмо Б.С. Кузину от 25.5.1939 г. // Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 589.

² Письмо Б.С. Кузину, между 9 и 23.6.1939 г. // Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 591.

³ Штемпель Н.Я. Мандельштам в Воронеже // («Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж, 2008. С. 28.

⁴ Письмо Б.С. Кузину из Струнина от 8.7.1938 г. // Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 540.

⁵ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 604–605.

⁶ Там же. С. 632.

ботка расписывать игрушки. В Калинин Надежду Манельштам навещали ее брат Е.Я. Хазин и брат Осипа Эмльевича А.Э. Мандельштам с женой. Вскоре после начала Великой Отечественной войны Надежда Мандельштам писала Б. Кузину (между 22-м июня и 3-им августа 1941 г.): «На днях начну работать в госпитале. Хотела бы вообще остаться в госпитале. <...> Я знаю, что эта война – конец Гитлера и фашизма. Я помню, как всегда ненавидел Ося фашизм. Борис, какие это страшные и прекрасные дни»¹. Однако, «30 сентября 1941-го, когда немцы уже приближались к городу, Н.М. с матерью отправилась в эвакуацию – буквально с последним катером. Останься они в Калинин – немцы бы их расстреляли: расстрельные ямы копались для всех евреев, и для крещеных тоже»². По словам Надежды Мандельштам, она «везла свои бумажки в сумке, которую не выпускала из рук»³. Этот архив Надежда Яковлевна смогла довести до Ташкента.

1 сентября 2015 г., в преддверии 125-летия со дня рождения Осипа Мандельштама в 2016 г., в Твери на стене школы № 29 была помещена мемориальная доска с надписью: «В этом районе г. Твери (Калинина) с ноября 1937 по март 1938 г. (3-я улица Никитина, д. 43) жил выдающийся поэт XX века Осип Эмльевич Мандельштам». Дом Травниковых не сохранился; место, где он находился, в настоящее время является частью двора школы № 29.

¹ Там же. С. 657.

² Нерлер П.М. Свидетельница поэзии. Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 25.

³ Мандельштам Н.Я. Вторая книга // Мандельштам Н.Я. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 604.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Добавления к известному. Некоторые соображения о стихотворении Осипа Мандельштама «Слух чуткий парус напрягает...»	5
Мариам Торбин. Воспоминания. О.Э. Мандельштам	28
Мандельштам и «Литературный особняк» (по архивным материалам)	65
Еврейство и иудаизм (материалы к статье для «Мандельштамовской энциклопедии»)	95
О стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...»	125
Мандельштам на Лубянке. Из воспоминаний Б.В. Мяздрикова.....	173
Калинин (статья для «Мандельштамовской энциклопедии»)	202

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ВОДОЛЕЙ» ВЫШЛА КНИГА

Д. М. СЕГАЛ

Осип Мандельштам. История и поэтика
В 2 книгах

М.: Водолей, 2021. – 816 + 720 с.

ISBN 978–5–91763–531–6

В книге дается подробный очерк поэтического творчества Осипа Мандельштама на фоне отдельных экскурсов в историю культуры XX века в основном на русском материале. Анализ стихов сопровождается выборочным рассмотрением поэтических и исторических контекстов поэзии Мандельштама как в русском историческом и современном окружении, так и относительно других традиций (в особенности древнеримской, а также, выборочно, французской, немецкой и английской).

Видгоф Леонид Михайлович

Осип Мандельштам в разных ракурсах.
Статьи и мемуары

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Корсакова*
Художник *О. Сефринд*

Подписано в печать 05.09.21. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 13,25

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

16+

9 785917 635507